

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая

Верстка: О. Н. Вялкова

12/2022

Содержание

ПРОЗА

Юрий ПОКЛАД. Уроки английского. Повесть.	3
Александр КРАПИВНЫЙ. Третий лишний. Рассказ.	47
Татьяна КЫРОВА. Счастливчик Арам. Рассказ.	58
Олег ЗОЛОТАРЬ. Тело. Рассказ.	66
Михаил КАЛАШНИКОВ. Туман войны. Главы из романа.	90
Екатерина ТРОШИНА. Петру Алексеевичу больно. Рассказ.	103
Андрей ЖГУТОВ. Ворованный диакон. Рассказ.	110

ПОЭЗИЯ

Ольга АНИКИНА. Слова ничего не значат. Стихи.	42
Илья ПЛОХИХ. Невеселый веселый. Стихи.	86
Виктор САЙДАКОВ. Предзимье. Стихи.	119

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав КАЛИНИН. Сказание о Мангазее.	126
Александр КИСЕЛЬНИКОВ: «Россия — плот в штормовом океане...» Интервью.	146
Борис АЛМАЗОВ. Миней Кукс и Александра Якобсон. Очерк о двух художниках-сибиряках из книги «В одно касание».	158

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Валентина СЕМЕНОВА. «Лишь в пути открываются дали...» О книге стихов Василия Козлова «Гончарный круг».	171
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Александр ТИХОНОВ. Провинция смотрит с холста. Художник Николай Кальницкий.	181
---	-----

Содержание журнала за 2022 год	186
--------------------------------------	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Юрий ПОКЛАД

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

Повесть

*Help yourself**.

Английская мудрость

...И тогда я понял, что меня бьют для того, чтобы убить. Если б эти люди избивали меня из одной лишь жестокости, то давно бы устали и бросили это однообразное занятие, но их целью является моя смерть, поэтому они не останавливаются. Напрасно я рискнул и не уехал вчера вечером, как мне советовали. За глупую демонстрацию смелости придется расплачиваться. Но я не жалею, по-другому было нельзя. Бывают моменты, когда нужно сделать выбор, я выбрал, так стоит ли жалеть? Надо достойно принять последствия выбора. Бессмысленно призывать к благоразумию убийц, пытаться напомнить им о нравственных законах: какими законами могут руководствоваться люди, убивающие незнакомого им человека?

Что ж, мне постоянно не везет, странно в такой момент вспоминать конкретные случаи, я не знаю, о чем вообще можно думать, когда тебя убивают и ты ничего не можешь с этим поделать.

Я валялся на заледенелом асфальте, поджав ноги и втянув голову, чтобы защитить ее от ударов, но потребуется ли голова, если эти мерзавцы окончательно отобьют мне внутренности?

1.

В этот город я попал с целью технической инспекции на небольшом заводе. Таких городов на Севере много, они не захолустны по внешнему виду, но провинциальны и скучны по сути, по психологии живущих в них людей.

* Help yourself (англ.) — помоги себе сам.

Многоэтажные дома, магазины, рестораны и кафе, непременно Дом культуры «Нефтяник» или даже небольшой театр, но тоска присутствует, от нее никуда, ее суть — во временности обитания жителей в этих городах, несмотря на то, что они имеют там комфортабельные квартиры и автомобили. Свое будущее они все равно планируют на Большой земле, желательно на юге, где заранее присмотрены квартиры и дачи.

Глухомань давит их души страхом, что в северной тоске можно незаметно прожить жизнь и ничего не увидеть. Что именно хотелось бы увидеть, они формулируют сложно. Я замечал этих людей и в вечном Риме, и волшебной Флоренции: они устало бродили, осматривая достопримечательности, но чувство удовлетворения на их лицах разглядеть было невозможно. Что касается магазинов, то они сейчас примерно одинаковы и в Париже, и в Ханты-Мансийске или Тюмени и продается в них почти одно и то же.

Меня направили в этот город владельцы завода по переработке нефтешлама для того, чтобы я оценил, как идет работа и какие усовершенствования в конструкцию можно внести для снижения затрат. Я видел немало такого рода объектов, обычно они зарубежного производства и изношены до предела, потому что покупают их за рубежом по цене металлолома в надежде на то, что отечественные Кулибины превратят иностранный хлам во что-то путное. И Кулибины стараются, придумывают, рационализируют, голь на выдумки хитра, в русского человека издавна заложена страсть сделать из дерьма конфетку; приходится удивляться, когда видишь, сколь ловко это удастся.

В аэропорту меня встретил на белом «мерседесе» директор завода Альберт Владимирович Роменский — чрезмерно радушный, жизнерадостный человек. Он задавал много вопросов. Не успевая на них отвечать, я не сразу услышал трели телефонного звонка, торопливо выхватил из кармана пиджака мобильный телефон, но он уже молчал.

— Ждете важный звонок? — спросил Роменский.

Важный ли это звонок? Я думаю, важный. Человек длительное время живет один, вдруг знакомится с женщиной, она ему очень нравится, отношения то ли складываются, то ли нет. Ему нужно срочно лететь в командировку, и она говорит: я вам позвоню. Эти слова обнадеживают, кажется, что ее звонок определит направление дальнейшей жизни, сделает ее счастливой. Можно ли не ждать его? Еще недавно жизнь казалась мучительно-безысходной, и вдруг — надежда. Так хочется верить в невозможное.

— Сейчас дано направление на развитие экологии, поэтому все ринулись туда, чтобы зацепить хорошие деньги, — говорил между тем Альберт Владимирович, небрежно управляя красивой машиной, — сам по себе призыв к охране природы деловых людей не слишком интересует. Если не пахнет ощутимой прибылью, любая идея для них мертва.

Владельцы завода два года назад послали Альберта Владимировича в далекую латиноамериканскую страну с четким наказом приобрести не просто американскую установку по обезвреживанию нефтяного шлама,

но имеющую броское наименование, изготовленную какой-либо широко известной в мире компанией. Альберт Владимирович задание выполнил, не зная при этом не только испанского или португальского, но даже английского языка.

Роменский показался мне очень обаятельным человеком, подумалось, что для подчиненных он не пугало, оскорбляющее без повода, он старший товарищ, который просит относиться к работе с душой и выполнять ее на совесть. Если кто-то этого не делает, он обижается на лентяя так, как может обидеться отец на непонятливого ребенка, которого тем не менее любит. Может быть, в этих взаимоотношениях есть элемент фальши, но разглядеть его трудно, да и разглядывать не стоит, это такая игра, и Альберт Владимирович владел ее навыками виртуозно.

Я решил, что с командировкой мне повезло, Роменский заговорил меня, окружил радушием с первых минут встречи, я был ошеломлен этим натиском. Что ж, разве лучше, если человек ведет себя молчаливо и напряженно? Я не исключал, что Роменский меня немного побаивается, ведь я — инспектор, а не журналист, прибывший для написания статьи о героях Крайнего Севера, но я постарался уверить его в своих мирных намерениях, пообещал, что не скрою от него все то, о чем я найду нужным сообщить владельцам завода. Мои задачи чисто технического характера, я скорее помощник, чем инспектор. Такая постановка дела ему заметно понравилась, губастое, носатое лицо расцвело еще больше, выпуклые глаза — благодарно умаслились.

Я спросил, когда можно будет ознакомиться с технической документацией по оборудованию завода. Роменский ответил, что документации навалом, двенадцать папок, но все на английском языке. Как у меня дела с английским? Я кратко обрисовал сложность ситуации, но немного сгустил краски, представив себя полным профаном: отчего-то мне захотелось, чтобы это выглядело именно так, — чтобы не отличаться в этом вопросе от Роменского, что ли.

Альберт Владимирович рассказал, как много возникло сложностей, когда он приобретал завод, они были связаны в том числе с языком: переводчики отлично болтают на общие темы, но техническими терминами владеют слабо. Спасло его то, что он приобрел завод, что называется, «на корню», еще в работающем виде. В его присутствии он был разобран, промаркированы детали, тщательно записана последовательность процесса демонтажа, поэтому здесь, в России, удалось собрать завод довольно быстро, неиспользованных частей не осталось, а это самое главное.

С английским языком у меня были проблемы еще с ранних лет. Это вспомнилось, когда Роменский спросил. В девятом классе мне вывели двойку за полугодие по этому предмету. Сраженный бессердечием учительницы Веры Ивановны, придя домой, я упал на диван вниз лицом и лежал так до самого вечера, с ужасом ожидая прихода родителей.

Первым появился отец, сердце тревожно дрогнуло, едва я услышал звук хлопнувшей входной двери. Я сразу же понял, что ему обо всем

известно, наверное, мама позвонила и рассказала. Отец долго глядел на мое распластанное на диване тело, потом спросил:

— Ну что, сэр?

Я не сомневался, что он не случайно выбрал такую форму обращения, она была свойственна его оригинальному юмору и точно подходила к ситуации.

— Намерен остаться на второй год? У тебя есть деньги, чтобы нанять репетитора?

У меня не было и не могло быть денег на репетитора, отец знал об этом и куражился.

— На каникулах будешь работать в хлебном магазине, мать подыскала место. Я не собираюсь оплачивать твою лень.

Я был согласен на что угодно, лишь бы экзекуция прекратилась.

— Английский язык труден, я понимаю, — добавил отец уже более миролюбиво, — но мужик должен быть мужиком, понятно? Когда нужно что-то преодолеть, сожмет зубы и преодолеет. И никаких соплей. Только так нужно жить.

Отец, конечно же, ставил в пример себя: в тридцать пять лет поступил на заочное отделение института, учеба давалась трудно, однако он победил и окончил экономический факультет. Но мне ли не знать: если бы не мама, ничего бы он не окончил, потому что способностями обладал весьма средними, а временами впадал в пьянство, дебоширил, превращаясь в домашнего хулигана. На следующий день извинялся перед мамой, каялся, на его загорелом скуластом лице блестели слезы. Мама любила его и прощала.

Денег в семье хватало, родители работали на высоких должностях, но стремились держать меня «в ежовых рукавицах»; правда, получалось это больше на словах, чем на деле. На этот раз решили спуску не давать, и на зимних каникулах я оказался в хлебном магазине в качестве рабочего.

Я был достаточно крепок для своих шестнадцати лет, чтобы принести мешок с сахарным песком из подсобного помещения в кондитерский отдел, мне даже нравилось это делать, поскольку возле отдела всегда толпились студентки из института, расположенного неподалеку от магазина. Они глядели на высокого длинноволосого юношу, согнувшегося под тяжестью мешка, с нескрываемой жалостью, их воспаленное воображение рисовало трагический образ: «Ему не на что жить, родители умерли, он вынужден бросить школу и работать».

Эти взгляды приятно щекотали самолюбие, невольно стараясь подыграть, я прихрамывал.

Вечером мама глядела на меня с жалостью, спрашивала, не тяжело ли, отец покровительственно похлопывал по плечу и говорил, что деньгам надо знать цену.

Репетитора по английскому языку звали Виолетта Эдуардовна; высокая женщина в очках, с большой грудью и с пышной рыжей гривой. Она искренне пыталась научить меня английскому языку, но вскоре

догадалась о странном устройстве моего мозга: я с попугайской легкостью запоминал английские слова, но не мог сложить их в предложения, грамматика была мне недоступна, я не понимал ее смысла, считая, что собеседник должен сам догадаться, какую мысль пытаются до него донести.

К тому времени я уже прочитал рассказы Джека Лондона о туземцах, населяющих острова Океании, и понял, что их английский сходен с моим. Я чувствовал внутреннее сопротивление к этому языку, он не умещался в моем мозгу в формате Виолетты Эдуардовны.

Она была терпелива и настойчива, никогда не повышала голоса, хотя моя тупоголовость давно ввергла бы в отчаяние любого другого преподавателя. Она билась со мной, потрясая рыжей гривой, поминутно протирая замшевым платочком потеющие от напряжения стекла очков. По-женски упорная, она верила, что сможет преодолеть мою бестолковость. Давно кончились деньги, которые я заработал героическим трудом в хлебном магазине, родители даже не вспоминали о них, мама покупала Виолетте Эдуардовне дорогие духи и шампуни, но дело двигалось с трудом. Виолетта Эдуардовна принимала подарки, краснея от смущения, и усиливала натиск. Я понимал абсолютно все, что она пыталась мне втолковать, но на следующее утро голова была чиста от полученных знаний, они не закреплялись. Она писала мне тексты в специально заведенной для этого тетради, я переводил их без особого труда, но объясниться английскими словами не получалось, они путались на языке, мешая друг другу, мое произношение приводило Виолетту Эдуардовну в ужас.

Свою задачу она тем не менее выполнила: знаний, которые ей удалось в меня вложить, хватило на тройку. Я совершенно не переживал по поводу своих слабых успехов, поскольку был уверен, что английский язык мне в дальнейшей жизни не пригодится. В те времена выезд по туристической путевке за границу ограничивался Болгарией и Польшей. Работу в иностранной компании можно было приравнять к полету в космос, на это ни я, ни мои сверстники не надеялись.

2.

Отобедали в приличном ресторане, затем Альберт Владимирович привез меня в офис своей компании.

Роменский берег хозяйские деньги: офис помещался в бывшей бане, которая была Альбертом Владимировичем рационально перепланирована.

Баня была высокого уровня, ею, по словам Роменского, пользовались раньше руководители администрации города, а также бандиты. Нынешнее помещение ничем не напоминало о прошлом предназначении, но я догадался, что кабинет Роменского находится в бывшей парилке: остался какой-то неистребимый дух. Кабинет был компактен, но солиден, с царственным креслом, обширным столом и массой грамот и сертификатов в одинаковых рамках на стенах. В том числе на английском языке.

— Что-нибудь понимаете? — заботливо поинтересовался Альберт Владимирович, когда я стал читать один из сертификатов.

Большой проблемы не было, я давно уже навострился разбирать несложные английские тексты, пропуская незнакомые слова, но догадываюсь об их значении по смыслу предложения.

— Где документация по заводу? — спросил я.

— Так вот же.

Роменский указал на два ряда одинаковых по формату папок в красных картонных обложках на полках вдоль стены. Толщина папок поражала, прочитать все это, тем более на английском, за те пять дней, которые я пробуду в городе, было нереально.

— Ознакомитесь?

— Частично. Сколько успею.

Он представил меня персоналу офиса: троим мужчинам и двум женщинам. Наиболее молодая из женщин работала инженером по технике безопасности, она невольно обращала на себя внимание: прическа с кудряшками, накладные ресницы, низкое декольте.

Невозможно было не заметить некоторую искусственность в том, что демонстрировал мне Роменский: персонал выглядел чрезмерно счастливым, словно куклы у Карабаса-Барабаса. Или Альберт Владимирович действительно всех обаял, или его просто боялись. Трудно понять, да и зачем мне это? Разве моя задача анализировать взаимоотношения внутри коллектива? Осмотрю завод, напишу отчет с небольшими советами по усовершенствованию оборудования — и до свиданья. Едва ли я снова попаду в этот город, у моих руководителей немало более крупных объектов по стране, компания в развитии.

Я церемонно общался с коллективом Альберта Владимировича, улыбался, шутил, старался не выглядеть «столичной штучкой», которая так раздражает провинциалов. Было ясно: главное для этих людей — чтобы я какими-то неосторожными действиями не нарушил их размеренную, устоявшуюся жизнь.

Мы выпили с Роменским ароматного кофе, которое принесла в кабинет та самая Наташа по технике безопасности с накладными ресницами. Сначала мне показалось, что она как-то по-особенному на меня смотрит, потом понял, что ошибся: дурацкие ресницы затемяют глаза, придавая им таинственность, которой нет.

На «мерседесе» Альберта Владимировича мы поехали на завод — он располагался на территории нефтяного месторождения в восьмидесяти километрах от города. Дорога была прекрасной, машина бежала резво, чувствовался запас мощности.

— Дорогая у вас игрушка, — заметил я Роменскому совершенно без задней мысли; наверное, не стоило об этом говорить.

— Машины — моя слабость, — словно оправдываясь, ответил Альберт Владимирович, — всю жизнь мечтал о «мерседесе», именно белом, вот купил, пришлось взять кредит и вообще поджаться в расходах.

Я вырос в малообеспеченной семье, даже денег на карманные расходы не давали, а так хотелось на перемене в школе купить что-нибудь вкусенькое, коржик или беляш. Помните, какие замечательные беляши тогда были?

Конечно, я помню девятикопеечные беляши моего детства. Их продавала возле железнодорожного вокзала толстая тетка в грязно-белом фартуке с неестественно румяными щеками. Она кричала «Беляши! Беляши!» таким панически-звонким голосом, словно их только что украли и нужно немедленно догнать похитителей. Тетка доставала беляши, приоткрыв крышку громадной алюминиевой кастрюли, и вырывавшийся оттуда пар был восхитительно ароматен. Она нанизывала беляши, сразу по две штуки, алюминиевой вилкой, у которой были выломаны два средних зуба, и в этой вилке был особенный шарм. Беляши подавались в клочке плотной оберточной бумаги, которая мгновенно пропитывалась жиром. Эту бумагу хотелось съесть вместе с беляшами.

Беляши имели необъяснимую особенность: если ты ел их сам — казались несравненными по вкусу, но если кто-то другой — поражали отвратительным запахом. Содержимое их было загадочно по составу, во всяком случае, мяса там не было, но это ничуть не умаляло их прелести.

Девятикопеечные беляши моего детства, никогда я не ел ничего вкуснее.

— А еще были такие конфеты — арахис в сахаре, — вспомнилось мне.

— Рубль пятьдесят за килограмм, — кивнул Роменский, — мои любимые.

Воспоминания еще больше сблизили нас.

Местность, по которой мы ехали, была однообразной: темно-зеленое болото, низкие деревья и кустарник; зимой здесь сплошное ровное пространство, не на чем глазу отдохнуть. В таких местах я провел много лет, работая в геологоразведке, на буровых. Мне подумалось: какой огромный труд нужно было вложить людям для того, чтобы найти в этих глухих местах нефть и газ, построить город и асфальтовую дорогу, чтобы по этой дороге мог ехать жизнерадостный Роменский на дорогой машине «мерседес». Я не хотел ни в чем обвинить Альберта Владимировича, но эта супермашина и Крайний Север плохо совмещались.

Свой завод Роменский любил нежно и трепетно, я сразу же это почувствовал. Он переоделся в вагончике в комбинезон, сунул в карман пару новых рукавиц, нацепил на кудрявую седую гриву белую каску, другую каску протянул мне. Ему было радостно знакомить меня со своим детищем.

Детище было невелико, заводом его можно было назвать с большой натяжкой: навес метров шестидесяти длиной, под которым располагалось оборудование: ленточные и шнековые транспортеры, пышущий дымом, медленно вращающийся барабан десорбера для сжигания нефтешлама, длинный горизонтальный оксидайзер для отжига отходящих газов, система толстых труб, соединяющих фильтры и теплообменники, высокий ствол трубы, отводящей белый, обезвреженный дым, контейнер

с электростанцией, небольшое помещения для управления процессом, похожее на избушку на курьих ножках.

Появление Роменского было сразу же замечено, к нему подбежали мастер, оператор, дизелист, стали что-то докладывать, и я видел, что эта суета ему нравится. Атмосфера была такая же, как в офисе: Роменского ждали, его рады видеть, и выглядело это вполне искренне.

Я уже имел предварительное представление о конструкции завода и, пока Роменский обсуждал с персоналом производственные проблемы, решил пройти и осмотреть оборудование. Было заметно, что оно часто ремонтируется, за территорией завода стояли контейнеры, в которых были свалены вышедшие из строя запчасти, но завод работал, транспортер непрерывно выдавал из десорбера на выложенную плитами площадку сероватый обезвреженный шлам. Много усердного труда вкладывалось в поддержание в действующем состоянии этого иностранного монстра, давно перешагнувшего пенсионный возраст.

Я остановился возле теплообменника, размышляя о его конструкции, и не обратил внимания на человека, стоящего неподалеку и до неприличия пристально на меня глядящего. Поняв, кто этот человек, я так растерялся от неожиданности, что не нашел ничего лучшего, чем спросить:

— Женья, это ты?

Человек, улыбнувшись, приложил палец к губам:

— Дима, давай сделаем вид, что незнакомы, я тебе потом все объясню. Надолго приехал?

— Дней на пять.

— Понял. После поговорим.

Женья исчез, оставив меня в недоумении, чем вызвана эта таинственность, мы ведь не в казаков-разбойников играем.

3.

С этим человеком было связано в моей жизни так много, что всего сразу и не вспомнишь. Мы близко дружили, но расстались глупо и, казалось, навсегда. Откуда он здесь взялся? Отчего судьбе понадобилось вновь свести нас? Мне кажется, где-то на небесах или в каком-нибудь параллельном измерении, которое контролирует наше существование, сидят организаторы нашей жизни и с ехидными улыбками придумывают замысловатые сюжеты, забавляясь их неожиданностью и хитроумностью. Я надеюсь, при встрече Женья разъяснит причину своей нынешней таинственности; о давней ссоре вспоминать не будем, незачем, много времени прошло.

Когда-то, когда мы были достаточно молоды, я был уверен в искренности Жени Журавлева, подозрения в расчетливости или в чем-то подобном казались невозможными, трудно было противостоять обаянию этого говорливого, остроумного человека. Но в дружбе, как это ни печально признать, не может быть равенства, кто-то все равно оказывается наверху;

не заметить этого невозможно, даже когда очень не хочется замечать. В молодости жаль порочить чистоту отношений; гораздо позже, в зрелом возрасте, начинают приходиться на ум обличительные аргументы.

Впрочем, Журавлев был аккуратен и щепетилен в этом вопросе, до оскорблений опускался крайне редко, если, конечно, не принимать во внимание то время, когда он запивал. Он становился совершенно иным человеком, говорить о котором всерьез не стоит. Мое желание не видеть в этом втором того же Евгения Журавлева выглядело, как я сейчас понимаю, не только наивно, но и глуповато: никого и ничего делить нельзя, и уж тем более странно не замечать в человеке отвратительного и неприемлемого.

То, что Женя мог использовать меня в каком-то нужном ему качестве, я считал невозможным, но был духовно зависим от него; зависимого человека можно использовать как угодно, например, как слушателя, в качестве ушей, куда приятно вливать мысли, которые нет силы удерживать в себе. Не всякий человек пригоден для этой роли, не всякий на нее согласится, это ведь тоже работа, напряжение для мозга, надо иметь терпение для того, чтобы охватывать и осмысливать информацию, которую сообщает тебе человек, более подготовленный интеллектуально. Информацию приходится принимать «на веру», а это предполагает полное доверие к тому, кто ее сообщает. Это не слишком хорошо, полностью доверять кому бы то ни было — опрометчиво.

Женя был достаточно умен, чтобы не подчеркивать свое превосходство, но мне оно казалось неважным, хотя было важным, так как формировало наши взаимоотношения определенным образом. При всем своем разнузданном образе жизни Женя ухитрялся намного больше меня читать, но главное, что читал он более продуктивно, потому что думал над прочитанным, а не проглатывал его, как бутерброд, не разбирая вкуса. Глядя на Женю, я перестал хватать книги подряд, какие попадались под руку, стал читать более внимательно — его влияние очевидно, и я ему за это благодарен.

Я не раз думал, мучила ли Журавлева совесть после того, как он восемь лет назад по-свински поступил со мной? Сначала казалось, что мучила, но потом понял, что нет. Быть может, он вообще не слишком выделял меня среди тех людей, с которыми общался, только делал вид, а общался он много с кем, но со мной ему было удобно. Когда я подозревал, что не являюсь ему близким другом, становилось обидно, я заставлял себя забывать об этих мыслях, понимая при этом, что Женя способен причинить любую боль, не заметив ее, он привык использовать людей в зависимости от их необходимости.

Самому себе человек может многое простить, но в этом прощении должна быть граница, каждый определяет ее индивидуально. Какую границу допускал для себя Евгений Журавлев, мне сказать трудно. Мог же он написать или позвонить после того свинского поступка, когда мы расстались, но он этого не сделал, значит, не счел нужным.

Я многое обдумал и взвесил за прошедшие восемь лет, в характере нашей дружбы многое прояснилось, но странно вот что: если бы пришлось опять решать, дружить с Женей или нет, я бы все равно выбрал эту странную дружбу. Мое внутреннее устройство неправильно и нерационально, я не желаю учитывать и признавать совершенные ранее ошибки, а значит, не застрахован от их повторения. Это называется даже не глупостью — еще хуже, я вообще не знаю, как это называется.

Мне трудно объяснить, что я почувствовал, увидев Журавлева на заводе. Радость? Едва ли. Удивление? Может быть, досаду? Я навсегда простился с ним, не рассчитывал на новую встречу и не был готов к ней. Женя в определенном смысле для меня умер, увидев его, я понял, что придется решать трудную задачу: как вести себя с ним. В этом и раньше была для меня трудность, несмотря на внешнюю его контактность и привлекательность. Нет ничего обманчивее безалаберно-веселого поведения таких людей, когда знаешь, что внутренне они постоянно напряжены, внимательно вслушиваются в каждое твое неосторожное слово. Это слово вспоминается ими позже, подвергнутое подробному препарированию и выворачиванию наизнанку, и выдается тебе в неожиданном и обидном виде. Можно притвориться, что не замечаешь издевки, но это самый худший выход, это значит спрятаться, уйти от борьбы, признать силу. Но таким, как Журавлев, по душе как раз борьба, это их стихия, спокойно жить им скучно.

Я много думал о том, почему Женю так увлекает Библия, он постоянно ее читал. Что ему в ней, неверующему человеку? Что он неверующий, я никогда не сомневался. Спорить с людьми ему было скучно, он не раз говорил о том, что большинство людей — малограмотны, мыслят узко и примитивно, стараясь оставаться в выбранном ими небольшом пространстве, где они точно знают, что смогут оказать сопротивление. Но стоит им выйти из этого пространства, и они уже «плывут», сопротивления оказать не могут и переходят на грубость, потому что ничего другого не остается.

Спорить с Вечной книгой Жене было намного интереснее, там находились ответы на любые вопросы, стоило лишь вчитаться повнимательнее, но его эти ответы не устраивали, он сомневался в них.

Я долго и трудно осмысливал этого причудливо скроенного человека, он был тяжел и неудобен для моего догматического мозга. Женя словно тянул меня за собой на буксире, едва ли сознавая это.

Он жил независимо и в каком-то смысле бездумно, не обращая внимания, как он воздействует на окружающих, это его не интересовало в силу различных причин, в основном же из равнодушия к людям. Он был болен эгоизмом в самой крайней и опасной форме, которая вполне способна погубить человека. Эгоизм замещал нормальные, свойственные обычным людям чувства, формируя образ жизни, — и не он ли был виной его отвратительных запоев?

Другая особенность Журавлева состояла в том, что он «не подпускал к себе близко», при этом был любопытен и выспрашивал многое, о чем

мне говорить не хотелось. Он умел быть и деликатным, и настойчивым, в зависимости от того, какое именно качество в данный момент требовалось. Могу предположить, что в обоих случаях он не был искренним; впрочем, это слово каждый человек волен расценить так, как ему покажется уместным, еще никто не придумал, каким образом измерить искренность. Даже факты собственной биографии Журавлев преподносил так, что они оставались надежно скрытыми, мне приходилось о них догадываться или узнавать случайным образом от посторонних лиц.

И все это при том, что мы с Женей по несколько лет подряд бывали неразлучны, жили в одной комнате, в одной балке, в одном доме, вместе работали, случалось, «терпели лишения». Обижаться на Женю, на его скрытность было бы странно, никто не заставлял меня рассказывать ему о себе; аналогичные откровения от него вроде бы естественны, но обязательны, их и не было, он умел уйти от расспросов нехитрыми шуточками, которых у него имелась под рукой целая россыпь, и не слишком уместными, но занимательными историями, которые вдруг принимался рассказывать, неожиданно уходя от первоначальной темы разговора. Сказать ему напрямик о том, что он юлит и изворачивается, я не решался, он специально поддерживал некоторую неопределенность наших взаимоотношений, сохраняя постоянный «вариант отхода».

Эти хитрости имели для Журавлева негативный момент: близких друзей у него не было, по крайней мере, я о них не знал; ускользая от откровенности, он лишался искренней дружбы. Не знаю, расстраивало его это или нет; скорее всего, нет.

Завидовал ли я ему? Случалось. Хотел ли подражать? Нет. Тем более потому, что это было невозможно.

...Роменский вскоре отыскал меня: по-видимому, ему не хотелось, чтобы я осматривал завод самостоятельно. Мы ходили по заводу около получаса, Роменский говорил о своем детище с таким восхищением, словно собирался продать его мне. Я перебил:

— Альберт Владимирович, пожалуйста, продумайте и сформулируйте проблемы, возникающие при переработке нефтяного шлама, может быть, вместе что-то придумаем. Я готов помочь вам.

— Искренне вам признателен, — ответил Роменский, его лицо даже слегка покраснело от благодарного волнения. — Наиболее важное расскажу устно, остальное подам в виде докладной записки, я подготовлю ее до вашего отъезда. У вас есть обратный билет?

— Разумеется.

В секундное прозрение я ощутил, сколь тяготит Роменского мое присутствие, с каким нетерпением он ждет, когда я уберусь из его владений и перестану морочить голову попытками помощи, в которой он не нуждается.

— Образовавшийся после сгорания нефтешлама дым проходит через пять ступеней очистки, — сообщил Альберт Владимирович так, словно лично изобрел данную конструкцию, — в отечественных аналогах ничего похожего нет.

Имея многолетний опыт работы инженером-механиком, я не сомневался, что из пяти ступеней очистки по разным причинам работают далеко не все: иностранные фильтры и прочие запасные части стоят недешево, да и привезти их на Крайний Север не так-то просто, но огорчать Альберта Владимировича своими догадками не стал.

После возвращения в город Роменский пригласил меня к себе домой на скромный, как он выразился, ужин в кругу семьи.

4.

Какую женщину считать красивой? Меня давно волнует этот вопрос. Потому что красота сама по себе еще ни о чем не говорит. Сосредоточившись на форме, природа забывает о содержании, и то, что получается, особого интереса не представляет. Подобными экспонатами можно любоваться некоторое время, чтобы потом не вспоминать.

Эти мысли пришли ко мне, когда я оказался в квартире Альберта Владимировича и увидел его жену Виталину. Это была удивительно красивая женщина, но сначала я обратил внимание на ее острые, насмешливые глаза, а уж потом заметил, что она еще и красива.

Обычно хозяйка дома перед приходом гостя суетится, курсируя из кухни, от пышущей жаром духовки, к накрытому столу, доставляя все новые и новые салаты, дополняя великолепную картину разнообразных блюд. Роменский по пути с завода позвонил и предупредил Виталину о том, что приедет не один, но, войдя, я увидел ее спокойно сидящей в глубоком кресле с книгой в руках. Никакой суеты и никаких столов. Я обратил внимание, что читает она *Dombey and Son* Диккенса на английском языке, и прочитано уже больше половины книги.

Есть женщины, которые просто живут, и есть те, которые царствуют. Виталина Георгиевна царствовала.

Не вставая с кресла, она приказала мужу:

— Альберт, приготовь стол и постели скатерть, сейчас из ресторана принесут все, что нужно.

Я видел, что она не рисуется, она такая и есть и не изменится ни при каких обстоятельствах, и, если у мужа появится блажь возражения, он будет заменен другим с необходимой величиной покорности.

Альберт Владимирович выволок стол на середину комнаты, раздвинул две половинки столешницы, вставил в середину узкую часть, покрыл стол красивой цветной скатертью. Вскоре в дверь постучали посланцы из ресторана.

— Читали «Домби и сын»? — спросила меня Виталина, улыбаясь уголками замечательных губ.

— Читал, но в переводе.

— В переводе неинтересно, теряется интонация Диккенса, она у него изумительна.

Что ж, случай не уникален: жизнь Роменского с этой женщиной, с одной стороны, волшебна и удивительна, но с другой — переполнена

огорчениями и унижениями. Если хочешь прожить трудную жизнь — влюбись в красивую, умную женщину, она будет без жалости топтать тебя, а ты — умолять не останавливаться и топтать дальше. Любовь бывает разной, в том числе такой.

— Сегодня звонил Игорь, — доложил Альберт Владимирович жене, — у него все в порядке, просит денег. Я послал.

— Сын учится в Лондоне, — пояснила мне Виталина, — мы за него переживаем.

Судя по медовому тембру голоса, переживала она не чересчур. В ее семье всегда все хорошо, другие варианты не принимаются.

— Дочь в Москве, — добавил Роменский, чтобы закрыть тему детей, — окончила МГУ, выходит замуж.

— В Москве с жильем сложно, — поделился я болезненной темой.

— Этот вопрос мы уже решили, приобрели квартиру на Юго-Западе, — успокоила Виталина. — А у вас взрослые дети? Где они живут?

— Дочь — в Лос-Анджелесе, сын — в Нью-Йорке.

Мне не хотелось в этом признаваться, я не испытывал гордости оттого, что мои дети живут в Штатах, но и скрывать было бы странно. Виталина Георгиевна и ее муж относились к тем людям, у которых абсолютно все должно быть намного лучше и удачнее, чем у других, и, если этого не случается, они испытывают внутренний неуют и обиду.

— Так вы теперь скучаете вдвоем с женой? — спросила Виталина Георгиевна.

— Нет, я скучаю один.

Если бы Виталина Георгиевна была глупее, она бы продолжила допрос, но, к счастью, этого не произошло, и мне не пришлось объяснять то, чего не хотелось. Такого рода допросы сродни хирургическому вмешательству без наркоза.

Яств, что стояли на столе, было бы достаточно на шестерых, если не больше: мясные блюда, овощные и рыбные салаты, фрукты, коньяк, водка и вина. Альберт Владимирович, не дожидаясь меня и Виталины Георгиевны, принялся есть с большим аппетитом. Когда он наклонил голову над тарелкой, блеснула круглая лысина на макушке, не слишком скрываемая седыми кудрями. Виталина Георгиевна ела мало и как-то нехотя, налила себе фужер белого вина, бросила туда щипчиками кусочек льда; отпивая вино маленькими глотками, спросила:

— Дмитрий Петрович, вы давно живете в Москве?

— Я там родился.

— А я родилась в глуши, в Саратове, представляете? Папа там служил.

— Папа у нее генерал-майор, — уточнил Альберт Владимирович, не переставая жевать, — толковый мужик, недавно умер.

— Вы к нам надолго?

— На пять дней.

— Приходите как-нибудь вечером, поговорим о Диккенсе.

Виталина взяла фужер с вином, пересела в кресло и вновь раскрыла *Dombey and Son*.

— Впрочем, можно и о Джойсе. Вы читали «Улисса»?

«Улисс» — это проба на интеллигентность.

— Пытался и не смог, — честно признался я.

— Напрасно, — заметила Виталина, и трудно было понять, осуждает ли она меня за невежество.

Я знаю, о чем говорится в мутной книге «Улисс», на лжи Виталина не смогла бы меня поймать, но врать показалось стыдным. Тем более что для нее не имело значения, читал я «Улисса» или нет: людей, равных ей интеллектом, не существовало, даже если они родились в Москве. Она слишком привыкла поражать — красотой, эрудицией, эффектным поведением. Увидев, что отработанный фокус в отношении меня не удастся, осталась недовольной.

«Странный человек этот Альберт, — думал я, шагая в гостиницу пустынными улицами города, — хочет, чтобы ему завидовали, что он спит с женщиной выдающейся красоты, но чему тут завидовать? Нет, завидовать ему не надо».

Я попал в гостиницу в половине одиннадцатого, дремал, лежа перед телевизором, когда позвонила Наташа — я сразу же узнал ее голос.

— Еще не спите, Дмитрий Петрович? — спросила она.

— Нет, а что?

— Мы могли бы п-погулять, — она запнулась, когда произносила это слово.

Альберт Владимирович не смог удержаться, чтобы не предложить мне полный репертуар отдыха, но я не люблю проституцию в любых ее проявлениях. Захотелось грубо ответить Наташе, однако я сдержался, поняв, что эта девушка поставлена в ситуацию, когда нет выбора, она не виновата в том, что циничный начальник взвалил на нее неприятную общественную нагрузку — спать с нужными ему мужчинами.

— Ничего не получится, — расстроил я Наташу, — острый приступ простатита, это мучительно.

Не знаю, смогла ли Наташа оценить мой юмор, но она сочувственно предложила:

— В аптеке возле гостиницы продаются специальные свечи, мой папа ими пользуется. Аптека открывается в девять утра.

Мне захотелось, чтобы Наташа уточнила из папиного опыта, как пользоваться этими свечами, но она положила трубку.

5.

Когда для страны пришло время заката, я работал в геологоразведочной экспедиции глубокого бурения в Заполярье. Чем глубже вязла страна в перестройке, тем неотвратимее увядало наше предприятие. Одно сокращение штатов следовало за другим, зарплату выдавали от случая к

случаю. Зияли пустотой окна безлюдных домов. Вошла в обиход фраза: «Это твои проблемы», в ней находили особенную современную лихость. Да, проблемы оказывались все более индивидуальными, каждый — сам по себе, жизнь — все более несправедливой, жестокой и страшной.

Есть такая детская игра в «замри»: бегают дети, суетятся, смеются — и вдруг кто-то один кричит: «Замри!» И все замирают. Примерно такая ситуация сложилась тогда в стране. И наш северный поселок замер в тяжелой летаргии, геологоразведка умирала.

Как поступает русский человек в условиях безнадежности жизни? Он безудержно пьет водку. Где находит на нее деньги — непонятно. В поселке участились случаи «белой горячки», несколько человек умерло. Мы должны были погибнуть. Помощь пришла неожиданно.

Американцы даже в мороз ходили в сетчатых бейсбольных шапочках с козырьками и все как один улыбались. Улыбки эти поначалу раздражали, не принято у нас без особых причин улыбаться. И до веселья ли, когда нет зарплаты? Американцы подрядили нашу экспедицию пробурить шесть эксплуатационных скважин. Коллектив взбодрился.

Майкл по профессии механик, как и я, у него рыжие усы и насмешливые кошачьи глаза. Мы с Майклом оборудовали устье одной из скважин.

Дело было в декабре. В это время дуют северо-восточные ветры, которые мороз значительно усиливают. На буровой — шахта на устье скважины, в шахте установлена колонная головка, мы с Майклом с помощью специального приспособления опрессовывали резиновое уплотнение в ней.

По регламенту после набора давления следовало ждать полчаса, и мы ждали, присев на корточки, глядя на замершую стрелку манометра. Хотелось поговорить с коллегой, но мои познания в английском языке не позволяли на это рассчитывать. На мне — два свитера и телогрейка, на Майкле — какой-то несерьезный, но красного цвета комбинезон. Я видел, что коллега замерз, и чем дальше, тем замерзает сильнее; мороз был около сорока, дыхание останавливалось где-то на входе в легкие. Я снял с себя шарф и жестаи предложил Майклу замотать шею, нос и рот. Он долго отказывался, но шарф все же взял.

Прошло двадцать минут, стрелка манометра даже не собиралась шелохнуться, опрессовку можно было считать успешной. Я ждал, когда Майкл даст знак сбросить давление, но он молча продолжал смотреть на манометр, потирая скулы желтой махровой перчаткой. Я не выдержал, махнул рукой, давая понять, что все нормально, уплотнение герметично, но Майкл отрицательно покачал головой. Я не знал, как объяснить американцу: если уплотнение выдержало за это время полуторакратное давление, оно не просто надежно, оно супернадежно, бояться нечего.

Поняв, что я хочу сказать, Майкл снял перчатку и постучал ногтем по часам: мол, я с тобой согласен, но придется подождать еще десять минут.

За эти десять минут коллега мог околеть окончательно, но спорить было бесполезно, Майкл был непреклонен. Формально он прав, придется ждать. И мы прождали еще десять минут.

Я встретил Майкла через два дня в нашем поселке, где американская компания арендовала помещения под офис и общежитие. По дороге на ужин, в столовую, я услышал за спиной громкий крик и сразу же понял, что кричит кто-то нерусский:

— Хэй!

Вместе с Майклом был переводчик Костя, небольшого роста паренек в очках.

Майкл очень обрадовался встрече, мы обнялись. По крепости объятий американца я понял, что нашу недавнюю работу по оборудованию устья он считает чем-то героическим, хотя ничего героического в ней не было, в Заполярье в декабре холодно и ветрено постоянно. Костя сказал, что Майкл особенно благодарен мне за шарф, который так ему помог, он беспокоится, как я теперь без него обхожусь. Я сказал, что Майкл может рассматривать шарф в качестве подарка.

Я думал, что на этом мы разойдемся, но Майкл изъявил желание пойти ко мне в гости и продолжить беседу.

Мы отправились в мою комнату, в общежитие. Пообщаться с американским коллегой было интересно, но я не был готов к его визиту, из еды имелось лишь мороженое сало и кусок семги в сетке за окном, из выпивки — бутылка «Спирта этилового питьевого», я не был уверен, что Майкл решится употребить этот чисто русский продукт.

Косте этот визит явно не нравился, он нервничал, опасаясь, что его подопечный может попасть в сложную ситуацию.

Выяснилось, что Майкл когда-то был военным и употребление крепких напитков проблемы для него не составляет. Я настрогал острым ножом на тарелку семгу и сало, пожарил на огромной сковороде яйца, разлил спирт по стаканам, немного разбавив его водой.

Майкл спросил, сколько лет я проработал в бурении на Крайнем Севере. К тому времени минуло двенадцать, Майкла эта цифра впечатлила. Он предположил, что я очень богатый человек, и ему не совсем понятно, почему я продолжаю работать.

Объяснять насчет своего богатства я не стал, просто сказал, что это не так. Костя что-то долго лопотал, пытаюсь оправдаться за меня, но, судя по выражению лица, Майкл ему не поверил.

Переводчика мы вскоре потеряли: Костя скис после первых двух тостов, сказал, что приляжет ненадолго отдохнуть, и завалился на мою кровать прямо в огромных желтых ботинках.

А я вступил в борьбу с английским языком.

Ситуация сложилась не столь критическая, и это было удивительно: после того как бутылка спирта закончилась и я принес бутылку водки, мы с Майклом стали понимать друг друга. Не знаю, что сыграло роль — мое обширное, но бессистемное знание английских слов или огромное желание

Майкла проникнуться русским языком. Я вспомнил свою давнюю догадку о том, что люди способны понимать друг друга на ином, не словесном уровне; этому таинственному контакту, несомненно, помогает алкоголь.

Выяснилось, что Майкл старше на семь лет, он воевал на Ближнем Востоке и был ранен, у него трое взрослых сыновей и жена. Но жена больна и катастрофически теряет зрение, врачи не могут помочь, вся надежда только на Бога.

И я рассказывал о себе. Майкл кивал головой, глаза его делались все более печальными, теряя шкодливое, кошачье выражение. Настал момент, когда он, положив руку мне на плечо, негромко запел, вернее, проговорил английские слова, музыкального слуха у него, как и у меня, не было, но проговорил он их выразительно, с большим чувством. Это был текст давно известной мне песни, я попытался подпевать; густой, прокуренный голос Майкла переплелся с моим, более высоким по тембру, и нам казалось, что поем мы очень хорошо.

— Yesterday, all my troubles seemed so far away, now it looks as though they're here to stay. Oh, I believe in yesterday*.

Разница между нами была лишь в том, что он отлично понимал, что поет, а я ориентировался на грустную мелодию, чувствуя, что в песне говорится о чем-то важном и близком нам обоим.

Потом Майклу захотелось развеять неизбывную грусть; перебить ее возможно лишь более веселой мелодией. И он запел:

— In the town where I was born, lived a man who sailed to sea, and he told us of his life in the land of submarines**.

Глаза Майкла вспыхнули, рыжие усы встали дыбом:

— So, we sailed up to the sun till we found the sea of green, and we lived beneath the waves, in our yellow submarine.

Дружно, что есть силы, мы грянули припев:

— We all live in a yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine.

Майкл схватил пустую сковороду, стал звонко стучать по ней ложкой, аккомпанируя.

Костя зашевелился, потом сел на кровати, мучительно протирая глаза. Когда он окончательно открыл их, ему все сразу же стало ясно.

— Дима, что ты творишь! — с ужасом воскликнул он. — Меня же с работы выгонят!

И я понял, что он при Майкле не только переводчик, но и сдерживающий фактор.

Было ясно, что нужно закругляться, но очень не хотелось, и я предложил выпить «на посошок». Это предложение привело Костю в окончательный ужас, но Майкл уперся непоколебимо, без труда догадавшись, о чем идет речь:

— Of course***, Дмитрий, на сапожок!

* Yesterday — песня «Битлз», широко известная в СССР в годы молодости героя повести.

** Yellow submarine — столь же популярная песня «Битлз».

*** Of course (англ.) — конечно.

Мы выпили «на сапожок», после чего я проводил гостей до американского общежития.

Я встретился с Майклом через неделю на вертолетной площадке, он очень обрадовался и затараторил по-английски в полной уверенности, что я его понимаю, но я ничего не понимал.

6.

Утром я был в офисе у Альберта и попросил предоставить мне папки с документацией по заводу.

— Виталина Георгиевна может помочь с переводом, — предложил Альберт Владимирович, лицо его, как всегда, сияло радушием.

— Спасибо, я как-нибудь сам.

Мне выделили стол в офисе, возле толстой бухгалтерши Екатерины Петровны, я взял наугад две папки и стал листать. Конструкции и принцип действия оборудования завода освещались подробнейшим образом, но попадалось много незнакомых слов технического характера, выйти в интернет, чтоб узнать их перевод, я не мог, поскольку ноутбук остался в гостинице, пользоваться для этого мобильным телефоном было трудоемко. Кроме того, я чувствовал, что создаю в офисе напряженную атмосферу, являясь инородным телом. Сотрудники стеснялись разговаривать друг с другом так, как они это делали это обычно. Иногда выходил из своей «парной» Альберт Владимирович, спрашивал, нет ли у меня вопросов, и опять исчезал. Я был скован, дело не шло, поэтому попросил Роменского разрешения взять папки в гостиницу и работать с ними там. Он не возражал, всем своим видом показывая, что не может быть моего желания, которого бы он не исполнил.

Он вручил мне листок, на нем были торопливым почерком изложены проблемы, с которыми он столкнулся при эксплуатации «Системы обезвреживания нефтешлама» — так правильно именовался завод.

Изучение документации шло трудно, у меня даже появилась здравая мысль не заниматься этой ерундой, написать отчет с перечнем проблем, представленным Роменским, и спокойно дожидаться окончания командировки. Альберт Владимирович был бы таким оборотом дела счастлив, но так работать я не привык, мне нравилось находить недостатки в конструкции оборудования, придумывать более удачные варианты узлов, вносить изменения в технологию процесса. Я представил, как долго будут тянуться эти пять дней. Чем я их займу? Ну не беседами же с Виталиной Георгиевной о Диккенсе и Джойсе и не пламенными встречами с Наташей.

И я углубился в изучение папок. Английский язык мне так и не дался — несмотря на то, что в одной из иностранных компаний, где мне довелось трудиться, был нанят персональный репетитор. Мой мозг протестовал против этого языка, не хотел ему подчиняться, но какой-то результат постоянные потуги все же дали, я частично понимал текст документов, перевод незнакомых слов находил в интернете.

Нефтешлам — загрязненную землю с мест разлива нефти — грузили на машины экскаватором вместе со всем подряд: железками, вырванными с корнем кустами, кусками бревен. Никто предварительно не очищал шлам, и это составляло большую проблему при его обработке, отнимало немало времени. Я решил, что целесообразно будет поставить на входе примитивный узел сортировки, состоящий из двух вибросит, смонтированных на высоком основании. Первое отбирает крупные посторонние фрагменты, второе — более мелкие. Очищенный шлам будет попадать по желобу на транспортер, затем подаваться в барабан. Увлечшись, я даже набросал эскиз этого узла, разумеется, без размеров, решив уточнить их на месте.

Интересной мне показалась также мысль об установке отстойника на линии подачи дизельного топлива к электростанции и форсункам десорбера и оксидайзера — для того, чтобы отбить то небольшое количество воды, которое обязательно содержится в дизельном топливе, это будет способствовать поддержанию высокой температуры пламени и увеличит срок службы форсунок. Работа спорилась, неинтересные для меня места в документах я пропускал.

Перекусив в гостиничном кафе, я пошел в офис, чтобы заменить папки. Альберта Владимировича на месте не оказалось. С разрешения бухгалтерши я зашел в его кабинет, поставил принесенные папки на полку. И вдруг заметил в приоткрытом нижнем ящике стола Роменского еще одну. Судя по цвету и нумерации, она была из того же комплекта. Альберт Владимирович отчего-то держал ее отдельно, должно быть, изучал. Я взял эту папку.

День прошел незаметно, и это мне понравилось: нет ничего хуже, когда время тянется в тоскливом безделье.

Вечером позвонил Альберт Владимирович:

— Как дела?

— Работаем.

— Чересчур не напрягайтесь, — заботливо предупредил он. — Как насчет ужина с коньяком?

— Что-то сегодня не хочется.

— Что ж, не настаиваю. А на рыбалку завтра? На озерах замечательно щука клюет. Об экипировке и снастях я побеспокоюсь.

— Я вообще-то не рыбак.

— Напрасно отказываетесь, природа у нас изумительная.

Закончив разговор, я подумал о том, что стоило сказать Альберту Владимировичу о папке, взятой из его стола, но решил, что это неважно.

На следующее утро я стал читать эту папку. Там говорилось о топливной системе установки. Меня поразила информация, что форсунки данной модели можно использовать для двух видов топлива: дизельного и сырой дегазированной нефти. Я точно знал, что на заводе используется дизельное топливо. Как же так? Нефть намного дешевле, можно сэкономить большие деньги.

Я нервно заходил по комнате, остановился у окна, глядя на вереницы машин, медленно ползущих по улице, — в этом городе в час пик пробки не меньше, чем в Москве.

Роменскому наверняка известны характеристики форсунок, так в чем же дело? Получается, он сознательно использует дизельное топливо, увеличивая расходы? Конечно, деньги не его, а владельцев завода, с ними все согласовано, но едва ли им известно о том, что можно использовать более дешевый вид топлива.

Что мешает Роменскому жечь нефть, а показывать в отчетах дизтопливо? Кто это проверял? Эта догадка пронзила меня и взволновала окончательно. Год назад завод посещал мой коллега — инспектор нашей компании, но теперь я понимаю, что ему в первый день предложили Наташу, а во второй — рыбалку на озерах. Плюс обильные ужины с коньяком каждый вечер. Завод показали по-быстрому, отчет коллеге написал обаятельный Альберт Владимирович.

В чем смысл моего визита в эту заполярную провинцию? Подсказать, каким образом можно уменьшить расходы на производство. Вот я и подскажу: пусть заменят дизельное топливо на дегазированную нефть. Но может выясниться, что Роменский использует нефть, а пишет в документах дизельное топливо. Разве имею я право это покрывать?

Моя дотошность Роменскому не понравится, но с какой стати я должен отчитываться перед ним? Я не покажу ему отчет, но, если он станет об этом просить, покажу тот его вариант, где будет написано о системе предварительной очистки нефтешлама.

Для этого нужно произвести замеры на месте. Под этой маркой я решил заказать на утро такси, поехать на завод и осмотреть место, где будет находиться узел предварительной очистки, а заодно проверить свою догадку насчет использования нефти — она не давала мне покоя. Уведомлять об этой поездке Роменского я не стал, мы ведь не договаривались, что я буду осматривать завод только в его присутствии.

Оставшееся до вечера время я употребил на черновик отчета. Серьезные бумаги я привык писать сначала от руки, тщательно их обдумывать и править и лишь окончательный вариант заносить в компьютер.

Я провозился с отчетом допоздна, слишком откровенно подставляя Роменского посчитал жестоким: если догадка о его двойной бухгалтерии подтвердится, значит, он уголовный преступник и его надо отдать под суд. Но я не был уверен, что он мог на такое решиться: слишком рискованное, сложное и опасное это дело. Как бы то ни было, я здесь не для того, чтобы проводить расследование деятельности Альберта Владимировича Роменского, пусть этим занимаются другие люди, я напишу в отчете рекомендацию использовать дегазированную нефть вместо дизельного топлива, укажу, что характеристики оборудования это позволяют.

Отчет дался мне с трудом, как я себя ни успокаивал, было ясно, что симпатичному Альберту Владимировичу придется туго, но разве исключен вариант, что факт использования на заводе более дорогого топлива

всплывет позднее и мне будет задан вопрос, почему я этого не заметил? Заподозрят в содействии преступлению, возможно, в получении взятки, зачем мне этот позор?

7.

Водитель такси был похож лицом на Чапаева, мне это сразу бросилось в глаза: небольшие усы, насмешливый взгляд маленьких прищуренных глаз. Мы ехали по пустынной трассе ранним утром, недавно рассвело, и небо, как всегда на Севере в предзимье, было равнодушно-бесцветным, низко висящим над головой. Это время — уже не осень, но еще не зима — всегда действовало на меня угнетающе.

Когда я сказал Чапаеву, куда мне нужно добраться, он понимающе кивнул головой и как-то неопределенно, скорее недовольно, промолвил:

— Далековато.

Я почувствовал, что ему не слишком хочется ехать на завод Роменского, и дело тут не только в расстоянии. Мне захотелось узнать причину недовольства.

— Что это за завод? Чем он знаменит? — спросил я, чтобы завязать разговор.

— А вам зачем туда?

— По обмену опытом, из Москвы.

— Понятно. Только имейте в виду, у них строго, кого попало на территорию не пускают. Вы с директором договорились?

— Конечно.

— Тогда все нормально.

Старенькая иномарка бежала резво, началась легкая метель, снежная крупа шрапнелью ударила в лобовое стекло.

— Странная эта фирма, — задумчиво сказал Чапаев.

— Чем же она странная?

— Третий год как существует, но никто оттуда не уволился, и ведут себя те, кто там работает, как-то тихо, ничего никому не рассказывают. Город наш небольшой, все друг друга знаем, общаемся — как работа, как зарплата, — а эти молчат, слова не добьешься. И непьющие все.

— Наверное, зарплата хорошая, — предположил я.

— Зарплата? Наверняка. Получают хорошо, только неизвестно сколько. Секретный какой-то завод, а что в нем может быть секретного? Грязный шлам отжигают, подумаешь, невидаль.

Едва машина подъехала к шлагбауму, который перегораживал дорогу на завод, к ней подошел мастер, я знал его фамилию — Терещенко. Невысокий, крепкий мужичок в белой каске, в защитных очках. Еще не пожав мне руки, он спросил:

— Альберт Владимирович разрешил вам приехать?

— А я должен был спросить у него разрешение?

— Разумеется.

Терещенко достал мобильный телефон, отошел в сторону и стал звонить Роменскому.

Я увидел невдалеке Женю, он улыбался такой знакомой мне снисходительной улыбкой.

Вернулся Терещенко:

— Альберт Владимирович не против, чтобы вы осматривали завод, он сейчас подъедет. В следующий раз обязательно уведомляйте его перед тем, как выезжать. Я сейчас занят, поэтому по заводу вас будет сопровождать механик Журавлев.

— Евгений Борисович! — крикнул Терещенко. — Подойдите, пожалуйста.

...Мы познакомились с Журавлевым в заполярном поселке, мне было тогда двадцать четыре года, ему — двадцать шесть. Я недавно окончил институт и был направлен в Управление глубокого бурения по распределению. Женя учился в трех институтах, в том числе двух гуманитарных, но ни один не окончил. В нем было скрыто большое количество талантов, может быть, это его и портило. Ему, в отличие от меня, все давалось легко, он без особого труда не только усваивал новую информацию, но и обогащал ее своими домыслами и изобретениями. Не знаю, почему он выбрал меня в качестве друга, наверное, потому, что я терпелив и некоторых его странностей старался не замечать. Но восемь лет назад он пересек критическую черту, и мое терпение кончилось.

Есть люди, которые ведут себя так, будто они истина в последней инстанции, считают, что именно их мнение однозначно верно. Спорить с ними бессмысленно, поскольку они остаются при своем мнении, какие бы убедительные доводы ни приводились. Они так настойчивы в своих выводах, что с ними в конце концов соглашаются, они привыкли к тому, что правы, даже когда неправы.

Из такой породы был Евгений Журавлев.

Когда Журавлев подошел, я подал ему руку и представился. Он пополнел, отрастил средней длины бороду, стал похож на русского крестьянина конца девятнадцатого века. Он стал носить очки, и выражение глаз под этим мощным сооружением разглядеть было трудно. По выражению щекастого, упитанного лица Жени понять, что он испытывает, глядя на меня, было невозможно, впрочем, он всегда был скрытным и не любил проявлять своих чувств.

— Евгений Борисович, — сказал мастер так, как говорят человеку, к которому испытывают неподдельное уважение, — пожалуйста, объясните нашему гостю общую конструкцию завода и ответьте на его вопросы, мне нужно помочь оператору в ремонте транспортера.

Терещенко направился к вышедшему из строя транспортеру, где его уже ждали, а мы пошли по заводу. Мне казалось, что было бы правильным, если б Журавлев начал разговор с извинений за то, что случилось восемь лет назад, но я забыл, что этот человек никогда ни за что не извиняется.

— Что это тебя опять в такую даль занесло? — спросил он.

— А ты что тут делаешь?

— Работаю. Женился, дочке пять лет, купил квартиру, строю новую жизнь, все хорошо.

Строить новую жизнь он на моей памяти начинал много раз, поэтому торжественное выражение его лица при этих словах меня удивило: неужели на этот раз не предвидится очередной брошенной жены и ребенка? Рассказывать о себе мне не хотелось, хвастаться было особо нечем, жизненные перспективы не просматривались, некоторая надежда оставалась на телефонный звонок, которого я ждал, но мало ли на что мы надеемся — жизнь состоит из иллюзий, по крайней мере моя.

— Так и читаешь только одну книгу? — спросил я, почему-то этот вопрос пришел мне на ум в числе первых.

— Что делать, если все другие сравниться с ней не могут.

Когда-то Женья подарил мне исписанную его острым, прерывистым почерком ученическую тетрадь, на обложке которой значилось: «Анализ Библии для моего друга Димы. Субъективное индивидуальное восприятие в ее прямом прочтении без интерпретаций». Эта тетрадка до сих пор лежит у меня в каком-то из ящичков письменного стола. Когда я случайно открываю ее, первым бросается в глаза Женин комментарий.

«Какое логическое построение вытекает из разговора Евы и Змея? Первое: Змей не боится Бога. Второе: он высказывает сомнения в правдивости Божьих слов. И третье: он сомневается в искренности Божьих слов. С самого начала сотворения мира у Бога появляется оппонент в лице Змея».

— Помнишь, ты подарил мне свой анализ Библии?

— Неужели? — воскликнул Женья удивленно, и мне показалось, что он прикидывается.

Жалеет о том, что подарил? Он не выносил разговоров «по душам», насмехался над ними, но высказаться ему хотелось, и он делал это опосредованным способом, такими вот письменными аналитическими размышлениями. Возможно, он их стеснялся, ведь это тоже откровения.

Мы подошли к контейнеру, где находилась электростанция, я заглянул внутрь: там был порядок и чистота, на стене висели на гвоздиках гаечные ключи. Электростанция имела такой вид, будто никогда не работала.

— «Перкинс», — с гордостью сообщил Женья ее наименование, — пятьсот киловатт.

Я видел, что он гордится заводом точно так же, как Роменский. Наверняка затратил много сил для того, чтобы он работал успешно. По своей натуре Женья — лидер, можно не сомневаться, что здесь он в руководящей роли, сам принимает решения по ремонту и отдает команды.

Журавлев обладал довольно редким качеством: был хорошо обучаем, что называется, «хватал на лету». Неважно, какого характера были знания — гуманитарного или технического. Если к его советам не прислушивались, не обижался, но человеку, который не прислушался,

больше никогда ничего не советовал. Он мелочно обидчив, при этом сам обижал легко и не задумываясь. Этот ленивый на вид человек обладал редкой безжалостностью, в спорах умел грубо унижить собеседника, делая это публично, напоказ. С ним боялись спорить. Он напрасно говорил, что читает лишь одну Библию, на самом деле он читал еще много разных книг, в том числе тех, которые казались мне неинтересными и скучными.

У него был один изъян, преодолеть который не мог или не хотел: он запивал. Вероятно, это была болезнь, быть может, даже наследственная. Когда случался очередной приступ, он старался уединиться, потому что выглядел в это время отвратительно.

Восемь лет назад я работал главным механиком в нефтяной компании; коллектив был амбициозный, приходилось обдумывать каждый шаг. Однажды вечером позвонил Женья. Мы не виделись около года, но оставались в отличных отношениях; мне недоставало бесед с ним. Журавлев расстался с очередной женщиной и скучал без работы в Архангельске. Попросил помочь. С трудоустройством в нашей компании было сложно, но я пошел к директору, молодому человеку из эффективных менеджеров. Попал не вовремя, директор был то ли чем-то озабочен, то ли просто в плохом настроении. Он выслушал меня невнимательно, отвлекаясь на телефонные звонки, и категорически отказал, не объясняя причин.

Женья был уверен, что будет принят без проблем, он отчего-то не сомневался в моих больших возможностях.

— Когда выезжать? — деловито поинтересовался он, вновь позволив.

Журавлев слабо представлял, какими сложными могут быть отношения между людьми в столичном офисе. Я ответил:

— Пока мест нет, нужно подождать.

Он не ожидал отказа, обиделся, посчитав, что я недостаточно его разрекламировал. Обижался он по-детски глубоко, объяснять ему что-то было бесполезно. Мне было больно за друга, я проникся его огорчением и опять пошел к директору. На этот раз директор был благосклоннее, подробно выспросил по поводу предлагаемой кандидатуры. Я восхвалял Журавлева как мог и был недалеко от истины, директор уже задумался, каким образом можно использовать талантливую специалиста, но продолжению разговора помешал телефонный звонок, по-видимому важный; директор жестом попросил меня выйти. О моей просьбе он забыл, и я не решился напомнить о ней.

Женья продолжал осаду вечерними звонками, стали звучать трагические словосочетания, наподобие:

— Дима, я на грани финансового краха, надо что-то делать!

Рискуя выглядеть назойливым, я вновь обратился к директору и на этот раз своего добился. Жене повезло: открылась замечательная вакансия, нужно было принимать машины с поступающим оборудованием в небольшом городке Вологодской области и присылать каждый вечер сводки.

Журавлев приступил к работе, передал первую сводку, после чего на звонки отвечать перестал. Я беспокоился, терялся в догадках, потом предположил, что произошло, и не ошибся. Через неделю нашему директору позвонил руководитель предприятия, которому предназначалось оборудование, и сказал буквально так:

— Срочно заберите своего работника, если хотите увидеть его живым.

Приехав в Вологодскую область, я обнаружил Журавлева в арендованной для него квартире в ужасном виде; разговаривать с ним было не о чем. Отношения с директором осложнились, в конце концов мне пришлось уволиться. Что касается дружбы с Евгением Борисовичем Журавлевым, то она прервалась на восемь лет...

— Роменский будет минут через сорок, — сказал Женя, — у нас с тобой мало времени, поэтому воспоминания оставим на потом. Задавай вопросы, я на них отвечу.

— Ты здесь, как я понимаю, за главного технического специалиста?

— Разве могло быть по-другому? — удивился Журавлев, скромно-стью он никогда не отличался. — Альберт в технике разбирается слабо, только надувает щеки, у него другое предназначение: с кем-то договориться, кому-то дать взятку, тут он крупный специалист.

Я решил сразу же обсудить с Женей главный вопрос:

— Для сжигания нефтешлама вы используете дизельное топливо, но форсунки предполагают другие варианты.

— Откуда ты знаешь? — Он уловил, куда я клоню.

— Но ведь это так?

— Тебе известны модели форсунок на десорбере и оксидайзере?

— Конечно.

— У тебя есть копии паспортов?

— Женя, прекрати юродствовать, разве мы враги? Я тебе за пять минут разыщу эти паспорта в интернете.

Я не стал признаваться в том, что видел эти паспорта в папке, которую взял из стола Роменского.

— На самом деле вы используете в качестве топлива нефть, это даже по запаху можно определить.

— Хорошее у тебя обоняние, — кривовато усмехнулся Женя. Он оставался спокойным, по крайней мере внешне. — Действительно, мы используем нефть, на здешних месторождениях отличная нефть с преобладанием легких фракций, теплоотдача не хуже дизельного топлива.

— Это ты придумал?

— Ну не Роменский же.

— Но в отчетах указано дизельное топливо, оно намного дороже. Ты знаешь, как называется то, чем вы занимаетесь?

— Мы занимаемся обезвреживанием нефтешлама до пятого класса опасности, — сообщил Женя, — заказчик доволен.

— Вы совершаете уголовное преступление, присваивая чужие деньги в крупных размерах.

Журавлев согласно кивнул, вновь усмехнулся, но полуседая его борода от волнения встала на щеках дыбом.

— Хорошо, я тебе скажу то, о чем ты еще не догадался. Все электрическое оборудование завода американское, у него другое напряжение и частота. Сначала приходилось гонять «Перкинс», у которого генератор выдает соответствующие параметры, но потом мы купили по лизингу преобразователь. Высоковольтные линии рядом, метрах в ста, электроподстанция еще ближе.

— Так вы, получается, не используете дизельное топливо вообще?

— Только в аварийных случаях.

— Ты говоришь так спокойно, будто не понимаешь, что это преступление.

— Дима, что ты заладил, как попугай, про какое-то преступление? Преступление случилось в девяностых, когда развалили и разграбили страну, любое последующее присвоение денег на этом фоне выглядит несущественным. Людям предложили самостоятельно решать вопросы выживания, вот они и решают. Ты предполагаешь, что хозяева завода заимели свои миллионы долларов честным путем, трудясь в поте лица, как тот мифический американский лодочник, ставший впоследствии президентом? А я уверен, что они их приобрели в результате преступных махинаций в девяностых, когда все, кто имел возможность, расхватывали государственную собственность почти задаром. Ты хочешь сказать, что воровать у воров — это безнравственно? А я уверен, что это нормально, в рамках законов, по которым эти воры живут. Воровать у них не стыдно, неужели ты этого не понимаешь? Что в этом несправедливого? Почему нужно осуждать и наказывать тех, кто принуждает воров делиться награбленным? Узаконенное воровство как раз и называется бизнесом, неужели это не ясно?

Он не на шутку разволновался, сдернул свои могучие очки, и я увидел, что глаза у него остались теми же, что были раньше: холодно-синими и пронзительно-циничными.

— Если человек умен, но жаден, — продолжил Журавлев, — он никогда не станет богатым. Роменский жаден в разумных пределах, поэтому у него все получается. Из доходов, которые ты считаешь преступными, он хорошо платит своим работникам, в том числе мне. И все, заметь, довольны, ни у кого не возникает желания его разоблачить. Себя, конечно, не забывает, это естественно.

— У вас сложилось организованное преступное сообщество, иначе говоря — банда. — Я пытался шутить, но Журавлев не был склонен к шуткам, ему хотелось во что бы то ни стало убедить меня в своей правоте.

Мы сидели на лавочке возле электростанции, скорее всего, это любимое место Жени, отсюда завод — как на ладони. Женья закурил и сказал:

— Коллектив у нас хороший, дело не только в деньгах. Понимаешь, мы как-то скрыты, обособлены от того безумия, которое вокруг творится, защищенность — вот что самое ценное.

Зазвонил мой мобильный телефон, я вздрогнул, рука метнулась в карман пиджака, но это был не тот звонок, которого я ждал, звонили из Москвы, из офиса компании, спрашивали, успешно ли я добрался и как идут дела. Я ответил, что дела идут нормально.

Женя посмотрел мне в глаза и проницательно предположил:

— Должна позвонить женщина?

— Какое тебе до этого дело?

— Действительно, никакого, — согласился Журавлев.

Он закурил новую сигарету и продолжил тему, прерванную телефонным звонком.

— Вот, предположим, теперь ты сообщишь хозяевам правду о том, что тут у нас делается. Для них наш завод в сравнении с другими объектами — мелочь, но они люди рачительные и порядок восстановят. Альберта выгонят, остальные, и я в том числе, разбегутся сами. Наберут людей каких попало, с улицы, завод придет в упадок и наверняка закроется. Кому будет лучше от этого?

— Но вместо меня мог приехать кто-то другой, незнакомый тебе человек, его ты ни в чем не стал бы убеждать.

— Уже приезжал, ты это знаешь, но он ничего не заметил. Да он особо и не вникал, Альберт быстро его обработал. Он умеет договариваться. Он тебе уже что-то предлагал?

— Пока еще нет, но отдельные поползновения были, — усмехнулся я, вспомнив Наташу с накладными ресницами.

— Он пока еще оценивает степень твоей опасности, я бы посоветовал быть осторожнее и осмотрительнее, у Роменского в этом городе все схвачено и куплено.

Журавлев тяжело вздохнул и подергал себя за бороду.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

Мне вспомнилось, как я приехал в тот городок в Вологодской области, где пропал Женя, а он действительно пропал, как вошел в загаженную, пропахшую водкой и нечистотами квартиру, увидел Женю, спящего на диване лицом вниз. Когда я его перевернул, он не проснулся. Он страшно исхудал за время запоя, потому что, как всегда в таких случаях, ничего не ел. Он был почти труп и едва дышал. Приехала скорая помощь, его увезли, я прибрался в квартире и сдал ее владельцу. На следующий день забрал Женю из больницы и отвез на вокзал. Он все время молчал и только перед тем, как сесть в поезд, спросил:

— Я сильно тебя подвел?

Я был настолько удручен происшедшим, что не нашел сил для ответа, я уже решил, что вижу Женю последний раз в жизни...

Примчался Роменский, лицо его было озабоченным и тревожным, он глядел больше на Журавлева, чем на меня, пытаюсь понять, какого характера разговор между нами случился. Я понимал беспокойство этого человека: его замечательно устроенная жизнь могла быть сокрушена ментально и беспощадно, он не знал, как себя вести, и неуверенно улыбался, надеясь, что все обойдется.

Мое предложение по поводу узла предварительной очистки нефтешлама вызвало у Роменского большой и, как мне показалось, даже чрезмерный интерес. Втроем, вместе с Журавлевым, мы пошли к месту предполагаемой установки узла и сделали необходимые замеры. Журавлев предположил, что в данном случае вполне годится мерник с буровой установки емкостью сорок кубических метров, на него хорошо встанет пара вибросит, мерник придется приподнять метра на полтора для того, чтобы очищенный шлам по желобу ссыпался на транспортер, в качестве дозатора на желобе можно будет поставить заслонку.

Журавлев внес еще несколько предложений, развивающих идею предварительной очистки нефтешлама. Роменский глядел на него с восхищением. Я подумал о том, что Альберт, в сущности, человек незатейливый, незлой, но жизнь выстроила в нем принцип безжалостной целеустремленности, он — совершенный продукт нового общества, которое рождается в нашей стране; люди старой формации, поставленные в непривычные условия, или меняются, или гибнут.

Журавлев окончательно бросил пить после рождения дочери, и это заметно изменило его характер, ставший еще более категоричным и неслышим. Несколько раз, забываясь, он с грубоватой вольностью обращался ко мне, но Роменский, к счастью, не обращал на это внимания. Мне очень не хотелось, чтобы Альберт Владимирович догадался о моем прежнем знакомстве с Журавлевым, это могло внести в ситуацию недопустимую двусмысленность.

8.

Вернулись с завода поздним вечером. Роменский потащил меня ужинать в ресторан, машину оставил на платной стоянке, сказав, что вызовет такси; стал налегать на коньяк, усердно подливая мне. Если ему хотелось увидеть меня пьяным и попытаться о чем-то договориться, то напрасно: я почти не пьянею, если знаю, что этого делать нельзя, но очень сильно болит после голова. Пьяным оказался Роменский. Тупо глядя в стол, он повторил на разные лады одну и ту же фразу:

— Поймите, надо бороться, драться, противостоять, иначе не выжить: сомнут, уничтожат. Нет, вы никогда меня не поймете, у вас сущность другая, я же вижу.

Я отвез Роменского домой в такси, передал с рук на руки Виталине Георгиевне, которая приняла мужа деловито и молча. Вернувшись в гостиницу, лег на кровать. Сквозь головную боль глубоко задумался. Встреча с Журавлевым и разговор с ним меня потрясли — с этой дружбой все было кончено, и вдруг встреча. Досадно, что я так и не избавился от мощного влияния этого человека. Его слова о том, что я могу разрушить хрупкое счастье людей, связанных с заводом, не выходили у меня из головы. То, что я в шутку назвал их «организованной преступной бандой», Журавлева возмутило, но как по-другому назвать людей, которые коллективно

воруют деньги, счастливы этим и боятся, что этот процесс может нарушиться?»

С одной стороны, мне до них нет никакого дела, сообщить владельцам завода о том, что увидел, моя обязанность, что бы я об этом ни думал и что бы ни чувствовал, но в результате Журавлев опять запьет и бросит жену с ребенком, а что будет с Альбертом, Виталиной и их семьей, мне даже думать не хочется.

Я сел к письменному столу, включил ноутбук, решил написать новый отчет, включив в него лишь систему предварительной очистки нефтешлама. Я обратил внимание на то, что листок с предыдущим отчетом лежит с правой стороны от ноутбука, хотя я точно помнил, что положил его слева. Раньше я не обратил бы внимания на такую мелочь, но теперь этот факт заставил меня задуматься. Не сам же перелетел этот листок, кто-то брал его в руки. Может быть, горничная, когда вытирала пыль со стола? Очень опрометчиво я оставил его на видном месте, но разве мог я предположить такой оборот дела? Теперь «любое лыко в строку», все вызывает подозрение, невольно чудится картина проникновения постороннего человека в гостиничный номер во время моего отсутствия.

Полная чушь лезет в голову, просто удивительно. Какое значение имеет этот листок, если я намерен написать новый вариант отчета?

Хотелось встретиться с Журавлевым, обсудить ситуацию, да просто поговорить, если уж мы возобновили отношения. Днем, на заводе, я попытался сказать ему об этом, но Женя отмахнулся:

— Не сейчас, потом, когда приеду в город, поговорим. Только не делай глупостей, эта история может закончиться плохо.

Плохо для кого? Неужели для меня? Как он это себе представляет? Кто и что сделает мне в густонаселенном городе? Послезавтра утром я поеду в аэропорт и через несколько часов окажусь в аэропорту Домодедово. В Москве приму окончательное решение, как поступить. Может быть, оставлю старый вариант отчета, кто запретит мне это сделать? Кстати, обязательно найду тетрадку, которую мне подарил Женя, там есть любопытная фраза:

«Стих 18. Но с тобою (Ноем) Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою».

Женин комментарий:

«Бог любит заключать заветы со спасенными им от бед, им же придуманных».

Язвительен Евгений Борисович, едва ли он верит в Бога.

Каждому человеку даются определенные способности, и каждый в меру своей целеустремленности реализует их, но Журавлеву дано слишком много, можно даже сказать «незаслуженно много»; впрочем, это рискованный термин, кто может знать, заслуженно или нет. Женя воспринимает дарованное ему как должное, разбрасывается им бездумно и щедро, и я вижу в этом особенного рода несправедливость. Способности обеспечили формирование эгоистичного характера Журавлева, его

пренебрежительного отношения к людям; он капризно не переносит людей неинтересных, нетворческих, тупо исполнительных — тех, кто выполняет поручения, не задумываясь, к чему это приведет.

Я уверен, что люди, обладающие хорошими способностями, обязаны нести ответственность за нерациональное их использование. Это как с деньгами: тебе дали в долг, а ты тратишь как попало, в полной уверенности, что отдавать не придется.

Я знал почти всех женщин, с которыми он жил. Удивительно, но он с ними поддерживал отношения после того, как расходился, — разговаривал по телефону, что-то советовал, ругал, если они поступали не так, как им было сказано. Что касается детей, то их в общей сложности трое — два мальчика и девочка от той жены, с которой он жил теперь.

Денег у него никогда не водилось, жил в долг, занимая у кого придется, в том числе у меня. До тех пор, пока не запивал, это был разумный, внимательный человек, но алкоголь его преображал — и завидовать становилось нечему. Если б не его чудесная способность к воскрешению после падений на самое дно, не думаю, что он дожил бы до этих лет.

9.

Завтракал я в гостиничном кафе — чай с каким-нибудь бутербродом, обедал — в ресторане неподалеку от офиса, для ужина приглядел пивной бар в трех кварталах от гостиницы. Я не большой любитель пива, такого пива, которое я пил в студенческие годы в родном городе, теперь не найти. Может быть, дело не только в качестве пива, но и в том времени, когда я его пил.

В пивном баре мне нравилась жареная щука, отбивные из оленины, салаты из морепродуктов. Я засиживался допоздна, в гостинице было скучно: тома инструкций по заводу утомляли за день, к вечеру болели глаза, а смотреть телевизор просто невозможно.

Я сосредоточенно резал ножом отбивную, когда напротив кто-то присел в мягкое кресло. Подняв голову, я увидел Наташу. Без накладных ресниц и индейской воинственной раскраски ее лицо имело вполне человеческий вид, выглядело моложе. Неужели она получила задание повторить попытку соблазнения? Такой «навязчивый сервис» — уже наглость.

— Вы принесли свечи от простатита? — поинтересовался я, не отрываясь от разрезания отбивной. — Они не нужны, с простатитом все в порядке, я пошутил.

В Наташиных глазах промелькнула обида. Я пожалел о своих словах.

— Напрасно вы так грубо разговариваете со мной, — сказала она. — Альберт Владимирович попросил как-то развлечь вас в тот вечер, но вы подумали совсем другое.

Поверить в эту фантастику было трудно. Если я сейчас предложу ей пойти ко мне в номер, она согласится. Ей поручено защитить коллектив завода, выживающий в период буйства демократии в стране, от

моего вмешательства. Эти люди, работники жалкого завода, созданного из американского металлолома, желают остаться счастливыми. Каким путем это будет достигнуто, их не интересует.

— У вас есть дети? — спросил я Наташу.

— Сыну четвертый год. Мужа нет.

Немного поколебавшись, добавила:

— И не было.

Эта картина так мне и представлялась. Неужели Достоевский написал для нас программу на двести лет вперед? Трагические, несчастные женщины, как Наташа, в точности из его романов, но тогда выходит, что мы все время топчемся на месте? Ради чего? Нужна ли кому-то такая глупая, бессмысленная жизнь?

— Евгений Борисович не может приехать с завода, там какая-то серьезная авария, а звонить вам почему-то не хочет. Он просил передать, чтобы вы сегодня вечером ехали в аэропорт и улетали в Москву.

Раньше я был значительно более экспрессивным, мог накричать, даже оскорбить, однако с годами поутих. Но когда Наташа мне все это выдала, сдержаться было трудно.

Кем считает меня Журавлев? Трусом, который убежит, поджав хвост? Почему человек, с которым я бывал на волосок от гибели, не находит нужным объяснить открыто, а не туманными намеками и угрозами? Вполне возможно, он хочет сделать как лучше, но почему его не интересует, какое останется у меня послевкусие, с чем мне жить дальше, если я последую его совету?

— У вас телефон звонит, Дмитрий Петрович, — вывела меня Наташа из задумчивости.

Я схватил мобильный телефон, но это вновь был не тот звонок, которого я ждал.

У меня билет на послезавтра, на утро. Самолет на Москву в восемь тридцать. С какой стати я должен возвращаться на день раньше?

Сорваться и улететь немедленно очень просто: вызвать по телефону такси, заскочить на минуту в гостиницу за вещами, через полтора часа я буду в аэропорту, утром — в Домодедове, на Москву есть ночной рейс.

Но разве я в штате Техас среди кровавых мстителей-ковбоев и коварных шерифов? Я в обычном заполярном российском городе, где не стреляют на улицах и не вешают негров. Что за суета на ровном месте?

Я сказал:

— Спасибо, Наташа, эту информацию я приму к сведению.

Я серьезнейшим образом принялся за отбивную, давая понять, что разговор окончен. Наташа встала, но перед тем, как уйти, произнесла фразу, которая вывела меня из терпения окончательно:

— Я бы тоже посоветовала вам уехать.

Весь этот клубок неожиданных событий меня уже изрядно утомил, я приехал вовсе не за тем, чтобы вникать в деятельность местных преступных структур. Ясно, что мой бывший друг играет в этих структурах

определенную роль, но какое мне до этого дело? Может быть, действительно улететь в Москву от греха подальше? Пусть эта братия творит тут что угодно.

Мясо я доел без аппетита, заказал сто пятьдесят коньяку, что было для меня не характерно: ночами порой давило сердце, я старался не обращать на это внимания, стоит обратиться к врачам — и у меня выявится масса скрытых дефектов организма, накопленных в течение длительной, не бережливой к здоровью жизни.

10.

Мы работали с Женей на буровой Пятой Прибрежной, я — дизелистом, он — слесарем. Двухнедельная вахта закончилась, можно было возвращаться в поселок, но вертолет не прилетел, ожидалась пурга. Трубовоз грузился возле мостков бракованными трубами, мы договорились с водителем, приветливым, улыбочивым парнем, что он довезет нас. Машинам не положено ездить по зимнику в одиночку, но водитель, его звали Денис, сказал, что до поселка недалеко и он успеет проскочить до пурги.

Тундра только кажется ровной, на самом деле это весьма пересеченная местность, есть и холмы, и довольно глубокие овраги. Неподалеку от поселка, в котором мы жили, пролегал извилистый овраг, имеющий название Тещин Язык.

Пурга началась, едва мы отъехали от буровой, Женя предложил вернуться, но Денис беспечно махнул рукой: пробьемся. Я его поддержал, и мы продолжили путь. Пурга была не очень сильной, но снег бил прямо в лобовое стекло, ухудшая видимость. В результате мы свернули не там, где следовало, и вышли к Тещинному Языку не в том месте, где дорога была накатана, а в другом — где машины ездили редко. Денис решил форсировать Тещин Язык с разгона, но не смог одолеть подъем, машина скатилась вниз, прицеп с трубами сложился и едва не опрокинулся. «Урал» долго буксовал, пытаюсь выправить положение, но ничего не получалось, колеса с левой стороны съехали с дороги и зарылись в снег. Денис надел шапку, телогрейку, вылез из кабины, стал обкапывать колеса, мы с Женей помогали ему. Пурга усиливалась. Я был лишь вторую зиму на Крайнем Севере и еще не попадал в подобные переделки. Я понимал, что в этих суровых местах можно погибнуть, но почему-то считал, что со мной этого произойти не может.

Женя объяснил мне, что Денис выбрал путь к поселку неудачно, этой дорогой давно уже никто не ездит, помощи ждать бесполезно, а пурга усиливается.

Мы откапывали машину несколько часов и выбились из сил. Никто из нас не хотел признаться, что откопать ее не удастся. Мы продремали в кабине до утра. Проснувшись, Женя растолкал Дениса и спросил, на сколько времени хватит топлива в баках. Денис долго прикидывал, шевеля губами, потом сказал, что самое большее на сутки. Женя предложил добираться до поселка пешком, но Денис отказался:

— Вы как хотите, а я машину не брошу, она новая, ей году нет, как я потом буду за нее рассчитывать?

— На том свете рассчитывать не придется, — мрачно заметил Журавлев. — Что ж, оставайся, жги покрывки, как только доберемся до поселка, пришьем бульдозер.

Мы пошли, но сбились с дороги и только к вечеру, обессиленные и потерявшие последнюю надежду, добрались до поселка.

Дениса спасли, он долго лежал в больнице с двусторонним воспалением легких, но выжил.

Ночью не спалось. В гостинице топили немилосердно, да еще и одеяло было толстое, ватное, я сбросил его на пол и укрылся простыней. Мучился долго, под утро приснилось, что я сижу у Жени в гостях, в какой-то неопрятной комнате, он предложил мне выпить и подал стакан, но стакан был разбит, причем так, что наливать в него коньяк почти не имело смысла, тем не менее я налил и спросил Женю, почему нет второго стакана. Он ответил, что ему, непьющему человеку, стакан не нужен, мне предстоит выпить одному за свое здоровье.

Это пожелание прозвучало столь зловеще, что я проснулся. Журавлев почему-то произнес эту фразу на английском, и мне вспомнилось, как он выучил английский язык.

Я работал тогда инспектором технического надзора в одной юго-восточной стране, строили нефтяной терминал на берегу моря. Никогда не думал, что попаду в это волшебное по красоте место.

Так неправдоподобно просто бывает иногда в жизни: вам звонят и вежливо интересуются, не желаете ли пожить два года в раю? А вы, от неожиданности или из подозрения, начинаете противным голосом торговаться: «А какие условия проживания? Какая зарплата? Удобный ли будет график работы?» И это вместо того, чтобы радостно воскликнуть: я согласен, когда вылетать?! Но так устроен человек, его не переделаешь, ему все время кажется, что, пообещав счастье, обязательно обманут, что верить нельзя никому. И лишь очутившись в раю, понимаешь, что верить можно, что не все потеряно, есть удивительный город на краю земли, где вдоль песчаного пляжа растут высокие пальмы, где работа не в тягость, а в радость, где люди уважают тебя не за то, что от тебя зависят.

Компания была иностранная, люди изъяснялись друг с другом исключительно на английском, мне было нелегко, но постепенно я приспособился, обширные познания в нефтяном оборудовании спасали, а говорить о чем-то постороннем с теми людьми, у которых я принимал выполненную работу, было не обязательно.

Журавлев, как водится, стал надоедать мне звонками, он сразу же давал знать о себе, как только я находил приличную работу. Я деликатно объяснял другу, что это за граница и на русском языке здесь не говорят.

Но Женя был настойчив, давить он умел, и я рассказал главному менеджеру проекта Питеру Маккойну о талантливом инженерере Журавлеве и предоставил его резюме. Специалист такого профиля как раз

требовался, мистер Маккойн выразил желание пообщаться с Женей по телефону, естественно, на английском языке. Я не стал преждевременно разочаровывать менеджера, надеялся, что Женя остынет, но он нашел какого-то друга, который бойко поговорил с Маккойном, и тот остался удовлетворен беседой. Я был в панике: как я буду выглядеть, когда Журавлев придет на объект и обман обнаружится?

Журавлева эта перспектива не испугала, он сказал, что все будет нормально, вероятно, намеревался до отъезда освоить английский язык.

Столько раз мне приходилось страдать из-за того, что я хотел помочь людям!

Женя купил в магазине самоучитель английского языка и объяснил мне по телефону с наивной искренностью:

— Дима, это простой информационный язык, в предложении надо ставить сначала подлежащее, потом — сказуемое, после этого можно говорить любые слова, которые знаешь на эту тему.

Он ухитрился как-то объясниться с Маккойном, сетуя на то, что не очень хорошо слышит, тот был разочарован, но пожалел Журавлева и сразу выгонять не стал, решив посмотреть, какой он в работе. В работе Жене равных не было, через несколько дней он выдал менеджеру ряд ценных предложений, они выглядели настолько очевидными, что было странно, как до этого до сих пор никто не додумался.

Своеобразный Женин характер, с элементами скрытой наглости, обусловлен, на мой взгляд, тем, что он вырос практически сиротой: мать умерла рано, а отец был человеком пьющим, ни о каком семейном уюте и систематическом воспитании речи идти не могло. Женя никогда не рассказывал о своих родителях, я узнал о них от его тетки, когда та к нему приезжала.

Женя был скрытен, хотя говорил много, но эти разговоры никогда не касались его лично. Например, что он имеет плохое зрение и вместо очков, которых стесняется, носит линзы, я узнал лишь на второй год знакомства.

Вопрос с английским языком Женя решил изящно и просто — кроме штудирования самоучителя стал ходить в так называемый клуб, где собирались вечерами иностранцы. Они жили в трехэтажном здании, которое компания капитально отремонтировала в европейском стиле. На верхних этажах располагались жилые комнаты, на первом — бар, где иностранные специалисты ужинали, а вечером просиживали допоздна, играя в карточные и прочие игры, употребляя пиво, виски, джин, абсент и другие алкогольные напитки.

Как Жене удалось попасть в этот коллектив, я в точности не знаю. Мы жили с ним в одной комнате, вечерами я ходил играть в настольный теннис и баскетбол, а он лежал на кровати и читал самоучитель или Библию. Однажды, вернувшись домой, я его не обнаружил, а потом он стал отсутствовать каждый вечер. Едва ли Женя в этом баре что-то пил, поскольку мог сорваться, но через два месяца он не то чтобы свободно бол-

тал на английском, но мог без напряжения поддержать разговор и даже спорить.

Было ясно, что английский его ужасен, но иностранцы не слишком обращали на это внимание, потому что говорил он об интересных вещах, его слушали и пытались понять, им был любопытен этот русский с его сумбурными идеями.

Тогда я впервые ощутил по отношению к Журавлеву сложное чувство, составленное из упрека и обиды на собственные способности.

Я выглядел чересчур простым, немудреным в сравнении с ним, и это казалось мне несправедливым. Я пытался вывернуть очевидное наизнанку и думать, что Женя специально говорит хитроумно, чтобы повысить собственную значимость, что он нарочно выдумал себя, такого сложного и малопонятного, и влез в образ, на самом деле оставаясь обычным человеком. Мне хотелось вывести его на чистую воду, разоблачить, но он был умнее меня и каждый раз выскальзывал, не поддаваясь на уловки.

В выходные мы с ним ходили на небольшой пляж загорать и купаться в море, в мутной и очень соленой воде. У Жени некрасивая, с большим животом, фигура, он плохо питался в детстве и теперь с трудом себя сдерживал, никогда не оставляя ничего в тарелке. Его обжорство было демонстративным и неприятным. Впрочем, он все делал демонстративно, не скрываясь, напоказ, был жаден до всего, в том числе до женщин, обольщал их без труда, но и разочаровывался быстро. Каким образом все эти качества сочетались с его увлечением Библией, мне непонятно. Он штудировал ее почти каждый вечер, перед сном, иногда будил меня, зачитывая поразившие его места и тут же их комментируя. Но в Библии, насколько я понимаю, говорится о добросердечном отношении к человеку. Журавлев этим не страдал.

На терминале перекачки нефти нужно было установить факельный ствол высотой двадцать пять метров. Задача не слишком сложная, но автокран имелся только с коротким вылетом стрелы. Я впрягся в это дело и вместе с бригадиром монтажников продумывал, как сделать, чтобы установка стала возможной.

Главный инженер компании, молодой надменный индус, окончивший университет в Лондоне, считал, что я, инспектор технического надзора, должен контролировать процесс, а не содействовать ему, что мне не следует крутиться вместе с бригадиром вокруг факельного ствола. Он сделал мне замечание, на которое я, в горячке работы, внимания не обратил. Факельный ствол был успешно установлен, индус высказал мне возмущение в столь сложных английских словосочетаниях, что я их почти не понял. Мне казалось, что такой ничтожный случай стоит забыть, но главный инженер затаил на меня злобу.

Однажды заболел инспектор по контролю сварных швов и менеджер попросил меня принять экзамены у сварщиков. У меня имелся соответствующий сертификат, но сваркой я давно не занимался и многое забыл. Кроме того, я имел недопустимую для экзаменатора привычку прощать сварщикам небольшие огрехи.

Главный инженер вдруг заинтересовался сварочными образцами, которые я одобрил на экзаменах, он лично осмотрел их, забраковал четыре из пяти и написал докладную о моей профессиональной некомпетентности. На основании этой докладной меня следовало отстранить от проекта. Мои дети в то время учились в институтах, за обучение требовалось платить, оставаться в безработном состоянии было невозможно; кроме того, это был позор: никогда еще меня не выгоняли за непрофессионализм.

Когда я пришел в нашу комнату, Женя спал, голый по пояс, уронив книгу на грудь. Живот у него выпуклый, как гора, но довольно плотный, мускулистый, короткая борода, больше похожая на щетину, торчала вверх. Когда он читал книгу в одиночестве и стесняться было некого, надевал очки; теперь они валялись на полу.

Спал он чутко; едва я вошел, открыл глаза. Разумеется, он уже знал о происшедшем. Добивать человека, когда он упал, не принято, это не по-человечески, я ожидал, что Журавлев найдет слова утешения: ладно, обойдется, не переживай, бывает и хуже и так далее. Я не приемлю жалости, но бывают в жизни моменты, когда посочувствовать необходимо. Однако Евгений Журавлев в подобные тонкости посвящен не был, он взглянул на меня мутноватыми со сна глазами и сказал:

— Ну, что попал? Я думал, ты умнее.

После этих слов он тяжело повернулся лицом к стене; книга, в которой так много говорилось о взаимной любви людей друг к другу, упала в промежуток между стеной и кроватью. Может быть, он решил, что истинное уважение к человеку состоит не в том, чтобы успокоить его в минуту слабости, а в призыве самому преодолеть неприятность. Сомневаюсь, что Журавлев думал столь сложно, но в целом именно так.

Меня не выгнали, обошлось, индусу оказалось достаточно моего унижения, он даже не вызвал меня в кабинет для конкретной разборки. Возможно, он ждал, что я уволюсь сам, но в тот момент для меня это было невозможно, и я молча проглотил обиду.

11.

Как вести себя, если угрожает опасность, но ты в это не слишком веришь? Прятаться? В каждом человеке подозревать врага? Не выходить из дома? Я не мог убедить себя в опасности, это ж не кино. И есть ли для этого серьезный повод? Я не чересчур мнительный человек и способен оценить обстановку реально. Конечно, понятие судьбы никто не отменял. Если машина с отказавшими тормозами вдруг на большой скорости въезжает на тротуар, по которому ты в это время идешь, — ничего не поделаешь, надо принимать случившееся как объективное несчастье. Но есть ли смысл готовиться к нему заранее? Я не хочу бояться злоумышленников, крадущихся ко мне под покровом темноты. Эти страсти нужно оставить для телевизионных детективов, которые я давно не смотрю.

Наступил последний день моего пребывания в городе. Днем я пошел в офис, поставил печати на командировочном удостоверении и категорически отказался от предложения Роменского отвести меня завтра в аэропорт на «мерседесе». Я устал от этого человека, он относился к категории приторных людей, которые надоедают до головной боли. Отказался я и от предложения вечернего ужина в его квартире, сказав, что мне нездоровится. Я действительно находился в нервном состоянии, вся эта муть о грозящей мне опасности упорно не забывалась. Я сказал Роменскому, что поужинаю, как всегда, в пивном баре.

Вернулся в гостиницу в четыре часа, лег на кровать и крепко заснул. Проснулся от голода. На улице сгустились сумерки, шел легкий снег. Я поймал себя на мысли, что опасаясь выходить из гостиницы, попросту боюсь: там, за окном, опасность. Стало стыдно за себя, нельзя поддаваться желанию просидеть, закрывшись на ключ, в номере до утра, потом трусливо шмыгнуть в такси.

Я недолго размышлял на эту тему, решительно оделся, вышел из гостиницы и пошел в бар. Поступить иначе было невозможно, иное решение уничтожало меня как личность.

В баре засиделся допоздна, людей почти не было — два-три увлеченно спорящих футбольных болельщика, вот и все. Приветливо улыбающийся толстенький бармен, успевший запомнить меня за эти дни, включил тихую, ненавязчивую музыку. Было уютно, тепло, уходить не хотелось. Я понял, как избавиться от пустых страхов: надо плотно поесть и выпить коньяка. На улице сейчас холодно и безлюдно, метет поземка, жители города смотрят сериалы, лежа на диванах у телевизоров. Минут за пятнадцать я добреду до гостиницы и лягу спать, никому я не нужен в этом городе и вообще никому не нужен, судя по молчанию телефона. Утром, ровно в шесть, сяду в такси и навсегда забуду об этом городе и своем странном беспокойстве в нем. Будет звонить Женья или не будет, это неважно, у него своя жизнь; дружили мы в общей сложности больше двадцати лет, но это ни меня, ни его ни к чему не обязывает.

На улице оказалось еще холоднее, чем я рассчитывал, и ни единого человека на прямой, как стрела, улице — ни сзади, ни впереди, в перспективе, и машин нет. Ветер назойливо задувал в глаза, я шел, опустив голову. До гостиницы оставалось совсем немного, когда я решил срезать путь через сквер, мимо портретов передовиков производства и ветеранов здешнего нефтедобывающего управления. Летом этот сквер наверняка зеленый, солнечный, полон цветов на клумбах, но сейчас заснежен и мрачен под тускловатыми желтыми фонарями.

Вдруг меня сильно толкнули в спину, и я упал.

Теперь уже неважно, что я сказал тогда Денису, моему однокласснику, — оскорблять, конечно же, не надо было, но Денис привык нарываться и наглеть под защитой старшего брата, который занимался боксом и выступал на городских соревнованиях. Мои неосторожные слова вызвали у Дениса бурю негодования, он сказал: ты за это ответишь.

Его брат был человеком занятым, поэтому расплата состоялась не так скоро, как ожидалось мной и как хотелось Денису. Явилась она неожиданно: я шел после уроков по аллее через школьный сад, как вдруг откуда-то сбоку появился брат Дениса, взял меня за плечо и остановил. Я не испугался, как-то очень спокойно себя чувствовал, хотя не сомневался, что он будет меня бить.

С другого боку возник сам Денис, с ехидной улыбкой мстителя.

— Ты почему такой борзый? — поинтересовался брат Дениса. В его долговздой, широкоплечей фигуре было что-то заматерелое, мужицкое, он был вовсе не похож на спортсмена.

Я хотел объяснить, что мы поспорили, Денис сказал мне грубо и я грубостью ответил. Но этих объяснений не требовалось, я получил удар в район левого уха, в ухе что-то зазвенело, и оно перестало слышать. Брат Дениса ударил не сильно, но и не слабо, именно так, как требовалось для того, чтобы в голове у меня все смешалось и я оказался не способен на противодействие. Подключился Денис двумя ударами в нос, но удары были слабыми, воробьиными, даже кровь не пошла. Денис боксом, да и никаким другим видом спорта никогда не занимался.

Я так и не понял, почему и зачем появился Соболев; этот парень сидел со мной за одной партой и занимался в секции бокса вместе с братом Дениса. Мы с Соболевым не то чтобы дружили, но помногу разговаривали и знали различные подробности жизни друг друга. Я, например, знал, что Соболев, вернувшись однажды домой очень поздно, вызвал бурную ярость отца, который кричал на него матом и оскорблял. Соболев был выпивши — мы уже начинали пить тогда дешевое красное вино «Южное», — не выдержал и ударил отца. Но дело в том, что его отец — инвалид, у него нет правой руки по локоть, он получил травму, работая на заводе. Рассказ этот меня потряс, я не представлял, что можно ударить отца, тем более инвалида, у которого нет руки. Соболев, почувствовав это, долго оправдывался, уверяя, что отец сам виноват.

А я рассказал ему, что в детстве неудачно упал и получил тяжелое сотрясение мозга, врач предупредил, чтобы я берег голову, потому что новая травма может стать смертельной.

И вот в школьном саду появился Соболев, и брат Дениса приказал ему:

— Соболев, теперь ты.

Я стоял, покачиваясь, не в силах прийти в себя. Соболев, слегка сутулясь по-боксерски, ударил меня в подбородок, справа и слева.

— Что ты его гладишь? — искренне возмутился брат Дениса. — Ты что, бить разучился? — Наверное, он имел право говорить с Соболевым в таком тоне.

Я получил два коротких и резких свинга, после которых упал. Кто-то из троих ударил меня ногой в живот, и я на несколько секунд задохнулся.

12.

Кто-то из троих ударил меня ногой в живот, и я на несколько секунд задохнулся. Я не терял сознания, но боли от ударов уже не чувствовал; по-видимому, организм человека устроен рационально: поняв, что подавать в мозг сигналы болью бессмысленно, он прекратил это занятие. Убийцы продолжали трудолюбиво молотить меня ногами. Я иногда шевелился, пытаюсь определить величину разрушений организма, но потом мелькнула равнодушная мысль, что после таких побоев мне все равно не выжить, бессмысленно на кого-то надеяться, никто не поможет мне в этом многолюдном городе, даже если я закричу. И я понял, как звучит самый безжалостный совет, рожденный беспощадным человечеством:

«Help yourself».

«Помоги себе сам».

Напрягшись из последних сил, я прошептал:

— Help yourself.

Это была одна из любимых фраз Евгения Борисовича Журавлева, произносил он ее на русском, добавляя при этом, что именно так сказал вор и убийца умиравшему на соседнем кресте безвинно казненному человеку.

И я иронически повторил, громко и отчетливо:

— Help yourself.

На моих палачей эти слова произвели неожиданное и странное воздействие, удары прекратились, один из них сказал:

— Так ведь он иностранец. Вот это мы влипли.

Они бросили меня и торопливо удалились. И у меня осталось в этой жизни всего два вопроса: знал ли Журавлев о том, что должно со мной произойти, и как дотянуться рукой до кармана пиджака, чтобы достать мобильный телефон, давно уже звонивший не переставая.

Ольга АНИКИНА

СЛОВА НИЧЕГО НЕ ЗНАЧАТ

* * *

слова ничего не значат
среди
проступающих контуров лиц
незнакомых мальчишек, бездомных старух
и тысячи тех, безымянных,
которых военный закон
железною цепью сковал,

среди руин разрушенных городов,
разорванных тел,
охваченных ужасом женщин,
схвативших в охапку
детей и собак,
бегущих по грязи,
чтобы спастись в нищете, —

слова ничего не значат,
слезы ничего не стоят,
молитвы ничего не могут,
и только трава, прорастая
на месте вчерашних боев,
что-то такое знает,
но делает свое дело молча
и не поет об этом
никаких
песен.

Иголки

Сухая хвоя под большой сосной
четыре знака пишет на земле:
знак «больше», «меньше»,
римскую пятерку
и легкую, уклончивую «эл».

В подкладку снега, в ледяную раму
впечатается каждый хвойный штрих.
Кто эти знаки примется читать,
тот скажет: «эл» — любовь,
а «виктори» — победа,

и ничего о солнце и ветрах,
и ничего об облаке зеленом
лесной плавильни медленной смолы.

Я становлюсь значками на земле.
Раздвоенная стрелка уголко
случайное укажет направление.
Нечеткий штрих на глиняной табличке
и так и этак можно трактовать.

Любовь моя и ярость, гнев и страх —
прозрачные сосновые иголки,
не больше и не меньше.

Дача

я люблю эту дачу, в цвету и в снегу,
эту лестницу, печку, топор, кочергу,
я умею рубить
и умею топить,
и цветы поливать, и сидеть на балконе,
говорить на небрежном, на дачном жаргоне
и винишко глоточками мелкими пить,

наблюдая за чайкой, слетающей вниз,
пропадающей в складках сосновых кулис,
за персидской сиренью, плывущей в дыму
от мангала и от гекатомбы соседской,
за дрожащей оконной разорванной сеткой
и за строчкой, явившейся нипочему.

за стеклом витража угасание дня.
обвини же скорее в мещанстве меня.
вот калоши мои, вот носок шерстяной.
прокляни ж золотое мое мелкотемье,
и черешневый шум, и крыжовенный зной,
в жаркой схватке слияние, переплетенье
пальцев, веток, корней. половицы скрипят.
дача — место, где спят, без ранжира и званий.
отрутай. а пока я схожу за дровами:
слышишь, капли дырявую кровлю кропят.

Астры

Я астры торопила расцвести:
а ну-ка, разожмите кулачки
и расстегните узкие, тугие
зеленые брабантские манжеты.
Вот вам вода, вот вам земля, вот мед
густого солнца, вот
тот человек, что ждет
уже пол-лета.

И дни бегут, и астры не цветут.
Все силы — в стебель, капитель колонны
прочнеет, и застегнутый манжет
на пуговице белой, непреклонной.

* * *

внутри физалиса, в оранжевом райке,
в бумажном невесомом гробике
под крышей золотого абажура
останусь я, пускай в твоей руке
качается его архитектура.

поющие на призрачных хорах,
живущие в прошедших временах
глаза открыли, развернули ноты,
и там, где было тление и прах,
шафрановые развернулись своды

и луковки прозрачных куполов.
 лучи, мечами стены пропоров,
 ложатся на пол, как листва сухая.
 там комната, а может, мастерская.
 там печь горит, из отсыревших дров
 невидимое что-то выдыхая.

* * *

Так хорошо — не ждать чудес заранее,
 а просто на ночь не гасить ночник.
 Чем глубже тьма — отчетливей сияние
 от книг раскрытых и закрытых книг.

Забиться в септу потайного грота,
 и нет уже ни спешки, ни вины:
 цветы, растущие из переплета,
 при свете дня почти что не видны.

Пугливы их изогнутые стебли,
 их чашечки — из ветра и воды,
 и в каждом самом крошечном пробеле
 цветут мои бессмертные сады.

Год

Я гуляю вдоль берега летом,
 где затянута листьями заводь,
 где растут
 бело-желтые лилии
 и бегут водомерки,
 и каждая — маленький циркуль.
 Утекают густые круги
 в темноту маслянистого ила.

Я гуляю вдоль берега
 ранней весной, когда оголенный плавник
 онемевшую твердь рассекает
 нечаянной силой,

и рыдает в притоке,
и хохочет в притоке прозрачный двойник-водяник,
поднимаясь над лимбом,
заливая низины, мышинные норы, ходы корневые.

Я гуляю вдоль берега черной зимой,
где у мертвых костлявых деревьев горбатые выи.
Где пески огневые
сияют,
свистят ледяные свистки.

Я в осеннем тумане стою
над невидимым телом реки,
и кончается год,
и я вижу дорогу свою,
где на водных запястьях
качаются, снова живые,
бело-желтые лилии.

Пакет

Шевелится в траве
пакет.
Потом взлетает
и душу птицы он приобретает
нетленную —
на несколько секунд.
Парение, похожее на бунт
вещей
телесных, неодушевленных,
бессмертием случайно наделенных
в глазах глядящего.
А впрочем,
полиэтилен
и так нетлен.

Александр КРАПИВНЫЙ

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Р а с с к а з

— Не обижайся, Скворцов, но я бы не взял бабу с ребенком! — прямо в лоб заявил жениху один из гостей.

Лейтенант милиции Скворцов сегодня как никогда чувствовал себя хозяином положения и даже в этом бестактном замечании напарника увидел возможность для сближения с новым коллективом. Сохраняя на лице радушную улыбку, он оценил первую партию прибывших гостей: холостяки идейно сплотились и бродили друг за другом в ожидании застолья.

— Я выбор делал сознательно, — подчеркнуто громко ответил Скворцов не столько напарнику, сколько всем присутствующим. — Баба-то, сами видите, и покладистая, и красивая. — Григорий кивнул в сторону сада за окном, где его невеста отгоняла летучих насекомых от еды на столах.

— А за то, что я ее с прицепом взял, а потом и в большой город увезу, — продолжал речь жених, чувствуя, как нарастает внимание к нему, — она мне всю жизнь благодарна будет. У нас же, в столице, если красавица, то или с лошадиными запросами, или избалованная дура. Столичная девка все соки выжмет из мужика!

— Гриша, а это он? Сын твоей Лены? — Вопрос прозвучал тихо, почти шепотом, контрастируя со звучным выступлением Скворцова. Рука вопрошавшего осторожно указывала в другой конец зала.

По большому съемному дому бродил маленький рыжий мальчишка, с виду лет десяти, нарядно одетый в белую рубашку и брючки. Как деловитый мужичок, он хмуро и очень внимательно рассматривал чужие фото на чужих стенах.

— Да, это он. Антоха, сын Леночки, — подтвердил жених. — Говори в голос, что стесняешься! Тем более что малой — немтырь.

— Глухонемой, что ли? — все так же шепотом продолжались расспросы.

— Бог его знает, какой он. Не разговаривает ни с кем.

Гости прибывали уже семейными парами. Невеста встречала всех — бросала хлопоты у столов, выходила к калитке, провожала к жениху и остальным гостям.

Появившиеся женщины продолжили начатую мужчинами тему и сделали вывод, что у Григория, несомненно, большое и доброе сердце. Зазвучали слова поздравлений. Поглядывая на мальчишку, заговорили про настоящую любовь. Жених одобрительно кивал, бросая теплые, благодарные взгляды в сторону ребенка.

Антон же, не обращая внимания на взрослых, закончил изучение фотографий на стенах и вышел в сад.

Гости на улице не спешили, толпились вокруг жениха, который умело удерживал разговор вокруг своей широкой натуры. Ему хотелось закрепить это новое отношение коллег к нему. Только сегодня на него перестали смотреть как на чужака, как на человека «с волосатой рукой», который приехал на периферию для галочки, чтобы потом рвануть обратно в столицу, наверх. Скворцову льстило, что коллеги не бегут за столы, а подходят поговорить, сказать что-то хорошее. И он с удовольствием оттягивал момент застолья.

Появление женщин помогло ему в этом, придав разговорам еще большую возвышенность. Начав с большого человеческого сердца Григория, перешли к вопросам долга и призвания.

— Сейчас идейных — таких, чтоб опер до мозга костей, чтоб верой и правдой служил, — мало! Теперь в органы набирают кого ни попадя, всю систему отбора сломали, — горячился один из бывалых, а остальные одобрительно кивали головами. — Традиции рушатся! Все рушится! Хотя что я о традициях, если Союз — такую махину — развалили!

— Не буду скрывать, что всегда чувствовал призвание к службе в органах. — Григорий подхватил выгодную тему, уводя разговор от надоевшего обсуждения развала страны. — Никогда не сомневался в выборе профессии.

— Гены, — понимающе крякнул кто-то.

— Кстати, о генах! Я в училище увлекался теорией Ломброзо и скажу, — уверенно продолжал Скворцов, — что согласен с его утверждением: преступники уже рождаются таковыми. Хотя многие эту революционную идею не поддерживают, но вот для меня, молодого следователя, такое знание — отличный рабочий инструмент, особенно если говорить о профилактике преступности.

— Ладно тебе! Если бы ты так считал, то не взял бы женщину с ребенком, — прозвучало резонное замечание.

— Так у Ломброзо есть и на это ответ, — не смутившись, а даже с высокомерием знатока ответил Григорий. — Рыжие, по данным Ломброзо, крайне редко становятся преступниками. Мать Антона — добрый и кристально честный человек, а его отец — военный. Так что с генами тут все нормально.

— Ну хоть не космонавт! — В разгар беседы незаметно вошел начальник управления и с интересом слушал горячие рассуждения молодого подчиненного. — Ты бы еще Дарвина подключил к профилактике преступности. Давайте-ка за стол садиться! Поскольку родителей на свадьбе нет, то мне за старшего отдуваться. Мы традиции нарушать не будем — от нас самих тоже многое зависит! Не всегда рыба с головы гниет.

Все дружно потянулись на улицу, где улыбчивая Леночка как раз склонилась к своему ребенку.

— Ну что, артист! — начала она вкрадчиво, явно настроившись на длинную напутственную речь. Однако при виде выходящих из дома гостей заторопилась: — Надеюсь, что Бог услышал мои молитвы и ты наконец понял, насколько все это для меня важно! Иди играй — тебе Григорий крутую приставку купил. Нечего среди взрослых шнырять.

Через час застолья, когда все по команде начальника отошли на перекресток, Леночка на цыпочках подкралась к новой комнате сына. Ребенок сидел на полу, крепко сжимая джойстик, и щелкал кнопками. В телевизоре по воле Антона куда-то бежал маленький разноцветный человечек.

— Все в ажуре, господа! — игривым шепотом пропела невеста, увидев прилипшего к экрану сына. — Сегодня мама расслабляется!

К вечеру свадьба была в самом разгаре, коллектив умело отдыхал.

Пока взрослые дружно и самозабвенно отплясывали, Антон вышел за ограду. Он повернулся лицом к своей длинной острой тени и последовал за ней. Та привела его к облезлой бетонной остановке и спряталась в ее каменном нутре. Скоро на улице появилась и потянулась к Антону другая тень — тоже длинная, но массивная. За ней, поднимая облако пыли, катился старый скрипучий автобус. Он остановился и приветственно распахнул двери.

Мальчик поднялся в салон. Тучная женщина с налипшими на лоб, как после бани, завитками волос, измученная то ли жарким днем, то ли жизнью вообще, равнодушно взяла у него несколько тусклых монеток.

Антон резво пошел в конец салона, но у задней двери замер. Воздух в этой части автобуса был заполнен солнечным светом и переливался мириадами висящих в пространстве пылинок. От малейших колебаний они создавали причудливую толкотню, неслись искрящимися потоками друг за другом, разлетались в стороны и свивались в завитки, завораживая причудливыми узорами. А стоило мальчику сосредоточиться на отдельных пролетающих частицах, как его восторг и удивление усилились: даже самая мелкая из них оживала и, ощутив на себе его внимание, благодарно искрилась в ответ.

Кондуктор посмотрела на мальчишку в тот самый момент, когда он шагнул в залитую солнцем часть автобуса, и была готова поклясться, что свет исходит именно от золотистой детской головы.

Автобус тронулся и развалил картинку. Мальчик пошатнулся, вцепился в поручень и шлепнулся на сиденье, свечение исчезло, а внутри автобуса тревожно замелькали тени.

Несколько остановок женщина не отрывала настороженного взгляда от одинокого маленького странника. Наконец, не выдержав, она засыпала его вопросами:

— Дружок, ты куда едешь-то? Автобус-то — последний! Тебя встретят?

Молчание ребенка насторожило кондуктора еще больше, но появление нового пассажира заставило ее переключить внимание.

— Проезд оплачиваем! — возмутилась она, увидев, что молодой человек прошел мимо в конец салона, словно там его ждало спасение.

— Да я всего одну остановку проеду!

— Ага, сейчас! — Усталость в глазах женщины сменилась воинственным блеском. — Оплачиваем или выходим!

— Вам жалко, что ли?

— Я тебе сейчас покажу «жалко»! — И она промаршировала к водителю. — Ильич, у нас тут «заяц»! Открой-ка!

Двери неприветливо распахнулись.

— На себе как будто везете! Поехали, а?

Парень настаивал на своем, но автобус упрямо замер с открытыми дверями.

Через минуту в салоне появился еще один человек. Он не поднялся в автобус, как обычный пассажир, а забрался туда, как голодный медведь в хижину лесника, рыская взглядом. О том, что это Ильич, Антон догадался, когда женщина с видом полководца, направляющего свое войско на неприятеля, указала пальцем на безбилетного пассажира.

Появление водителя сильно озадачило мальчика, разрушив сразу три привычных убеждения. Во-первых, Антон раньше считал, что водитель автобуса не может выходить из своей кабины и заходить к пассажирам. Второе убеждение было насчет Ильича. Об этом особенном человеке мальчик много раз слышал от бабушки, которая, тыча кривым пальцем в портрет, призывала внука запомнить вождя всех трудящихся. Поэтому Антон до настоящего момента сохранял уверенность в том, что Ильич может быть только один, как Бог или как президент, о которых взрослые тоже много говорили. А тут вот Ильич — водитель автобуса, да еще и такой, который может зайти в салон. Ну и третье — бьющий в нос едкий запах бальзама «Звездочка», от которого Антон по привычке зажмурился, зная, что сейчас защеиплет глаза. Антон считал, что «Звездочку» используют только при простуде, но водитель больным не выглядел, хотя несло от него, как от нескольких больных сразу.

— Ну что, тварь! — Ильич, не похожий на вождя трудящихся, не торопясь подошел к «зайцу». — Для тебя конечная!

Он обхватил тонкую шею пассажира, словно это был рычаг переключения скоростей, и с легкостью уволок парня на улицу.

Антон с приоткрытым ртом наблюдал за расправой, а когда автобус тронулся, то до последнего глядывался в сумерки за окном и гадал, будет ли ненужный пассажир шевелиться. Безбилетник, оставаясь неподвижным, быстро исчезал вдали. Автобус, гроыхая и поскрипывая всем своим бездушным организмом, торопливо набирал скорость. Он пролетел по безлюдным лабиринтам промзоны и выехал на освещенный желтым фонарем округлый пятак конечной остановки.

— погоди, не открывай двери! — Кондуктор торопливо просунула взмокшую голову в кабину водителя. — Мальчишка-то совсем маленький. Может, заблудился? Давай узнаем, вдруг ему помощь нужна. Или лучше милицию вызовем... Куда он пойдет по темноте?

— Тебе больше всех надо? Ментов она собралась вызывать! Беги лучше со своими разбирайся. Знает, видимо, куда идет. Была бы помощь нужна — сказал бы. Понарожают... — Ильич презрительно скривил лицо и ткнул толстым пальцем в кнопку открытия дверей. — Я бы некоторых не просто в тюрьмы сажал, а еще и кастрировал, как котов помойных, чтоб не размножались и ворье не плодили!

— Откуда в тебе столько ненависти к людям? — прерывисто, будто задыхаясь, произнесла женщина.

Слова Ильича явно попали в цель. Лицо кондуктора побагровело, на лбу вздулись вены, глаза не сразу, а постепенно, как тонущий корабль водой, налились злобой. Сперва хватая ртом воздух, а потом разбрызгивая слюну, как собака, через щель в заборе провожающая лаем ноги прохожего, женщина зашла руганью:

— Да с тобой, гадина, ни одна баба никогда рядом не будет! Еще и дрянью вонючей мажешься, чтоб от тебя люди шарахались! А я терпела, молчала, хотя с тобой рядом стоять невозможно! Да какое там стоять — от тебя этой «Звездочкой» за километр несет, глаза разъедает! Ужас! Лучше, знаешь, нарожать побольше, пусть и от разных мужиков, чем жить как ты — ни ребенка, ни котенка! Дома никто не ждет!

— Меня кровать ждет, а «Звездочка» — чтобы не чувствовать, как весь этот мир воняет! — прорычал Ильич, бросил еще более презрительный взгляд на женщину и вылез из кабины.

Антон быстро отошел подальше от автобуса, переживая, что женщина в салоне показывала на него пальцем Ильичу — так же, как и на того, оставшегося лежать на дороге.

Единственная освещенная улица тянулась вдоль автобусного депо четырьмя желтыми фонарями и обрывалась темнотой. Людей видно не было, но отдаленные голоса и смех плотно заполняли сумрак, где-то лаяли собаки. Мальчик прошел вдоль забора депо половину освещенного расстояния и остановился: впереди ощущалось чье-то присутствие. С опаской дойдя до крайнего фонаря, Антон разглядел тихую улочку между частными домами и свернул в ее темную тишину.

Заросли ароматной сирени сразу плотно обступили его и укрыли от беспокойного мира. Мальчишка зашелестел листвой, пробираясь вперед. Где-то рядом орали коты, а в паузах между их воплями пробивались неспокойные человеческие голоса. В них, как и во всех звуках этой ночи, улавливалось напряженное противостояние.

— Прекрати! Серый, убери руки! Я кричать сейчас буду!

— Да хоть заорись!

Кусты закончились, и Антон оказался рядом с двумя силуэтами — кряхтящими, шуршащими одеждой и ругающимися друг с другом.

— Ой, что там? Мамочки! — закричал испуганный девичий голос, как только Антон шумно выбрался из зарослей.

— Ты чего орешь, я же ничего еще не сделал! — Второй голос был пьяный, наглый, молодой. — Ты куда, дура?!

Девушка сбежала, а к Антону теперь приближался тот, кого звали Серый.

— Э! Ты кто? — Лицо из темноты приблизилось вплотную, рассматривая нежданного гостя.

От Серого невыносимо разило алкоголем. Антон попятился было назад, но грубая рука ухватила его за ворот рубашки.

— Ты чё, дичь, натворил?! Ты обломал меня! Пошли со мной, отработывать будешь, щегол!

Антон рванулся в кусты, но рубаха с хрустом сдавила горло. Серый коротко объяснил, что будет, если пленник еще раз попытается сбежать.

Потаскав Антона за шиворот по темноте, он наконец остановился у стены двухэтажки. Свет горел лишь с торца дома, но глаза Антона стали различать того, с кем он имеет дело: это был подросток лет пятнадцати, коротко стриженный, в олимпийке и темных джинсах — как и большинство других подростков, которых Антон видел в последнее время.

— Ну что, малой... Не ссы, все нормально будет! Стой и не дергайся! — Серый прошелся вдоль дома, заглядывая в темные окна, и вернулся к Антону.

Тот послушно стоял на одном месте.

— Вот это! — прошептал парень, вглядываясь в темноту. — Корооче, малой, я тебя сейчас подсажу — и ты залезешь в форточку. Понял? Пройдешь там тихо и откроешь входную дверь. Усек? Иди сюда!

Покряхтев, парень затолкал Антона в открытую форточку, и тот, барахтаясь в воздухе, исчез в ее черном квадрате.

Мальчик вновь оказался в крошечной тьме. Каждый скрип, малейший шорох, даже запах в квартире — едкий до слез — отдавались болью в затылке и висках. Антон окаменел, с ужасом и обидой понимая, что не в силах дойти до светлой точки вдалеке — глазка входной двери. Не выдержав напряжения, подогнулись ноги, и он опустился на колени. Так, нащупывая впереди себя дорогу, получилось медленно ползти к цели. От прикосновения к шершавой обивке двери по всему телу под мокрой от пота рубахой пробежал озноб. Антон, шатаясь, встал на ноги. Два поворота замка — и дверь легко открылась.

— Малой, тебе цены нет! Давай теперь на улицу, к окну! Будешь барахло принимать.

Запустив Серого в квартиру, Антон шагнул на бетонный пол лестничной площадки, как на сушу после долгой качки, ощущая под ногами устойчивую поверхность.

Пролетом ниже хлопнула дверь. Кто-то вошел в подъезд и должен был вот-вот показаться на лестнице, но мешкал.

— Ну-ка, пошла отсюда, тварь! — заорал мужской голос.

Завизжала собака, и снова хлопнула дверь.

— Весь подъезд провонял! Перестрелял бы вас всех!

Антон еще в квартире учуял острый запах «Звездочки» и вспомнил о водителе автобуса. Теперь уже было ясно, что в подъезд зашел Ильич, а Антон вышел из его квартиры. Взгляд пробежался по спасительной лестнице, ведущей на второй этаж, — там легко можно переждать. Но неожиданно для себя мальчишка развернулся, прошмыгнул обратно в квартиру, закрыл дверь и повернул до упора колесико замка.

— Ты чё, малой, творишь?! Я же тебе сказал под окном ждать! — зашипел Серый, но Антон прямиком рванул к окну и начал дергать шпингалеты на раме.

— Я тебе сейчас всеку и не посмотрю, что ты мелкий! — заорал пьяным, дурным голосом Серый и двинулся к Антону.

Но тут входная дверь лихорадочно затряслась и за ней послышался другой, уже нечеловеческий рев:

— Вы кто такие?! Дверь мне быстро открыли!

Серый дернулся, как ошпаренный, развернулся, попятился, но его ноги подкосились, и тело приземлилось на задницу. Глаза таращились сквозь мрак на дверь, которая громыхла и ходила ходуном.

Антон уже сумел открыть одну раму и безуспешно дергал затвор на второй.

Дверь внезапно замерла, и все как по команде тоже затихли, прислушиваясь к звукам. Серый, часто дыша, попробовал подняться, но тут же упал на четвереньки. Спазм согнул его тело пополам, и фонтан рвоты смачно ударил в пол. Все, что подросток так усердно вливал и впихивал в себя этим многообещающим вечером, теперь растекалось лужей вокруг. Серый все еще продолжал сидеть, приходя в себя, когда жуткой силы удар разорвал тишину. Мучительно захрустел дверной косяк, и в темную квартиру ворвалась полоска жгучего, хищного света.

Серого подбросило на ноги, он окончательно вышел из оцепенения, подбежал к окну и, оттолкнув Антона, вцепился в шпингалеты. Но те не собирались уступать ни миллиметра, намертво склеенные засохшей краской.

За спинами мальчишек не умолкал грохот ударов и треск дерева. Очередной удар — и дверь отлетела в сторону, как сбитый насмерть пешеход. В проеме, готовый растерзать любого, кто попадет под руку, медвежьим силуэтом застыл Ильич. Водитель всматривался в темноту в поисках жертвы.

— Я вас на куски сейчас рвать буду, твари! — И темная фигура бросилась через всю квартиру к окну, на фоне которого маячили две головы.

Звериными прыжками она стремительно приближалась к сникшим ребятам. Жуткий рев вогнал мальчиков в оторопь. Антон съежился на подоконнике, а Серый сполз по батарее на пол и зажмурился. Шаги хозяина гулко отсчитывали мгновения до сурового наказания. Но вдруг их мучительный ритм сменился каким-то протяжным звуком, и мужская фигура совершила непродолжительный, но эффектный полет. Ноги Ильича, ступив на рвотные массы, заскользили, оторвались от пола и вынеслись вперед. Водитель рухнул на спину.

Грохот и беспомощный стон заставили мальчишек открыть глаза. Им представлялся единственный шанс убраться из квартиры невредимыми, но проход к двери перегородило тело хозяина, который с руганью, скользя руками и ногами по полу, пробовал подняться.

Серый взмыл на подоконник и пинком распахнул оконные рамы. Хруст дерева и звон стекла слились с несущимися вдогонку проклятиями.

Мальчишки вылетели на улицу вслед за осколками и, не останавливаясь, бросились наутек.

От звериных воплей и жутких угроз хозяина испохабленной квартиры каменели мышцы, перехватывало дыхание. Никакого азарта от баловства и погони и в помине не было: ноги у обоих беглецов то и дело предательски подгибались, затылки ломило, а спины жгло ледяным холодом. Казалось, крики преследователя заполнили и сотрясали весь ставший крохотным и безвыходным мир. И как только ребята добежали до зарослей сирени, они сразу повалились на землю и отползли поглубже в кусты.

Хищник смолк, но ходил кругами, придвигаясь все ближе. Его выдавало тяжелое дыхание, а вскоре стал чувствоваться удушливый запах рвоты с едкими нотами «Звездочки». Теперь замутило Антона, он чаще задышал, попытался подняться, но рука Серого крепко прижала его к земле. Через мгновение над головами мальчишек пролетела нога Ильича — тот вслепую пинал кусты в поисках своих врагов.

— Даже не надейтесь, что я ментов буду вызывать! — орал почти над ухом Антона Ильич. — Я вас сам найду, твари, и вы пожалеете, что родились на свет!

Постепенно шуршание кустов и свирепый голос удалялись. Мальчишки тихонько отползали все глубже в заросли, пока наконец не наступила тишина. Она казалась оглушительной, словно рухнула с неба и накрыла собой все. Антон даже зажмурил глаза — и сразу ощутил, будто летит где-то в космосе, далеко от дома, вдвоем с неизвестным товарищем и, возможно, новым другом, все дальше и дальше и они оба превращаются в сверкающие крупинки на фоне огромных галактик и немислимых пространств...

Космическую тишину полета аккуратно прервала трель соловья. Его песня вернула Антона из далекого путешествия, а вся земля вдруг разом изменилась, став совсем не той, какую мальчик покидал на время, — теперь это была уютная, гостеприимная планета, мирно летящая среди искрящихся звезд.

— Малой, — прошептал рядом голос Серого, и в нем неожиданно послышалась забота и беспокойность, — а ты чего ночью один лазаешь и молчишь, как немой? Слышь, давай я тебя хоть домой провожу... Тебе вообще куда нужно? Тебя, наверное, мамка заждалась и с ума сходит!

Ребята вышли на улицу, освещенную четырьмя фонарями, и остановились.

— Ну и куда тебе?

Антон посмотрел на безлюдную остановку, где несколько часов назад он слез с последнего автобуса, но вместо ответа указал спутнику в противоположную сторону, куда-то в темную ночную даль.

— Ну пошли. Сигарет бы еще...

Они шли все время прямо, никого не встречая. Поселок спал. Даже собаки не хотели больше нарушать тишину. В конце улицы Антон остановился у высокого деревянного забора.

— Слышь, малой, а ты зачем сюда пришел? Ты вообще знаешь, кто здесь живет? Тут Солнце живет — авторитет местный. Ты ничего не путал?

Антон просунул руку между калиткой и забором, звякнул засовом и исчез, оставив Серого наедине с его вопросами.

Сени были не заперты. Мальчик зашел, включил в них свет, сжал кулак и принялся долбить им в массивную деревянную дверь. Услышав, что ее открывают, он отступил на пару шагов.

Босиком, в одних семейных трусах, в сени вышел худой, покрытый синими узорами татуировок мужик.

— Антоха, сын?.. — Раздражаясь на свет, он скривил обвислое лицо и провел ладонью по своей грязно-рыжей голове, будто проверяя, на месте ли она.

Расписное тело отца всегда казалось Антону заколдованным местом, на котором застыли пойманные в ловушку существа. Мальчик и теперь искоса поглядывал, не готовы ли они стряхнуть с себя дурман. Но неподвижные фигуры не оживали. Сквозь вынужденный сон они все чувствовали, иногда открывая глаза и устало посматривая на Антона, и наверняка пытались избавиться от чар. Но колдовство было сильнее и никого не отпускало.

— Тебе чего? — заторможенно произнес отец и, видимо, не отдавая себе отчета в том, какое сейчас время суток, добавил: — Давай к мамке газуй. Я не один.

Мальчик наконец поднял взгляд с татуировок на вялое, как перекишенное тесто, лицо отца и нырнул в дом. Раздалось смущенно-игривое женское «ой», зашуршали вещи, захлопали какие-то дверцы, но Антон уже стоял в сенях лицом к выходу, с черным пластиковым свертком в руках.

— Чё приходил-то? — Мужчина не торопясь взял с печи пачку сигарет, прикурил и сел на корточки спиной к стене. — Все так же молчишь, артист?

Мальчик все так же молчал и спокойно смотрел на отца, а когда тот положил сигареты на печь, взял их, сунул в карман и вышел из дома.

На противоположной стороне улицы, непонятно чего ожидая, сидел на корточках Серый.

— А я думал, мы больше не увидимся!

Антон подошел и протянул товарищу пачку сигарет.

— Благодарю! — Тот взял и сразу вытянул одну сигарету за фильтр. — Тебе не предлагаю — ты еще мелкий. Здесь останешься или у тебя еще есть дела?

Антон показал на дорогу, ведущую к конечной остановке.

— Ну пойдем, бродяга! — хмыкнул Серый. — С тобой так-то весело! Уже светать начинается... Прикинь, малой, солнце встает! Это же ты сходил и разбудил Солнце!

Серый выпустил дым из легких и сипло закатился над своей шуткой. Антон улыбнулся. Смех товарища не прекращался и был настолько заразителен, что мальчишка вскоре звонко заливался вместе с ним, держась за живот, не в силах остановиться.

Солнце действительно давало о себе знать, высветляя небо на пути ребят. А когда они добрались до остановки, погасли фонари.

— Фонари выключили — ушло воровское время! Слышь, малой, а из тебя кучерявый поделник выйдет! Ты же мусорам не сольешь, даже если захочешь!

И Серый заржал, но уже каким-то дурным, обидным смехом, так что к Антону вернулась его прежняя суровость.

— Слушай, а ты писать-то хоть умеешь? — сквозь смех продолжал выспрашивать подросток.

Антон, измерив спутника неодобрительным взглядом, отрицательно мотнул головой.

— Вообще ништяк! — хмыкнул Серый и уже серьезно спросил: — Слушай, а что у тебя в пакете? Дай заценить!

Антон снова отрицательно мотнул головой и прижал сверток плотнее к себе, отчего пакет предательски-заманчиво зашуршал.

— Не гони! Дай посмотрю! — еще настойчивее потребовал Серый, подходя ближе.

Антон шагнул назад.

— Я посмотрю и отдам, малой!

Антон снова мотнул головой.

— Слышь, мышь, я же все равно посмотрю!

Антон сделал было еще шаг назад, но Серый в два прыжка оказался рядом и ухватился за сверток.

— Не тупи, малой, я только гляну!

Мальчик развернулся спиной и крепко прижал пакет к животу. Серый попытался разжать тонкие пальцы, но Антон начал умело и больно лягаться. Тогда подросток повалил его на землю, перевернул на спину и прижал коленями к земле беспокойные барахтающиеся ноги, а чтобы удержать верхнюю часть тела, которая извивалась ужом, упер в шею мальчишки свое предплечье. Оставалось вырвать свободной рукой сверток. Антон, хоть и хрипел с разбухшим багровеющим лицом, но только крепче сжимал пальцы, а Серый со все большим усердием дергал сверток, наваливаясь ему на шею. На миг мальчик замер, тараща глазенки. Серый уже ощутил приближение победы, как вдруг некая сила оторвала его от земли и он завис в воздухе прямо над загадочным черным свертком. Беспомощно размахивая конечностями, тупо моргая и вращая глазами, он пару секунд парил над землей, а потом рухнул на нее, корчась от боли.

— Ну что, отродье, я вам обещал, что найду вас? Теперь вторая часть моего обещания! — проскрежетал Ильич и с силой пнул подростка в живот.

Сонная округа вздрогнула от вопля, а с тополей возмущенно слетело разбуженное воронье.

— Я никуда не тороплюсь, это мы с тобой еще разминаемся!

Обойдя кругом сопящую в пыли жертву, мучитель наступил ей на кисть. В этот раз Серый сдержал крик и перешел на ругань.

— Ты смотри-ка — скалится!

В голосе водителя прорезался азарт. Ботинок сильнее прижал пальцы подростка к земле для нужного эффекта.

Но тут мир перед водителем вздрогнул и даже на мгновение вспыхнул искорками. Ильич покачнулся, обхватил руками голову и, потеряв равновесие, осел наземь.

Антон отбросил в сторону второй приготовленный для Ильича камень и пустился бежать вдоль улицы, словно пытаясь обогнать свою длинную, скользящую по дороге тень.

— Выродки... — Ильич растерянно размазывал по бледному лицу липкую черную кровь.

Не обнаружив за собой погони, Антон перешел на шаг и добрал до ближайшей остановки.

На первом утреннем автобусе он вернулся в дом Григория, где пьяный храп гостей и хозяев сотрясал окна. Люди лежали на кроватях, на полу, на столах среди пустых бутылок и остатков еды.

Мальчик огляделся, устало улыбнулся и развернул потрепанный черный сверток...

Через час, никем не замеченный, он спал в кровати, предварительно убрав оттуда скрученный из вещей и оставленный на ночь под одеялом муляж.

Разбудили Антона голоса. В доме громко ругались. Он подскочил, испуганно оглядывая комнату, но понял, где находится, и снова рухнул на подушку. Шум ссоры продолжался, заснуть уже было невозможно. Мальчишка лежал с довольным лицом, слушая, как Григорий кричит на мать и требует развода.

* * *

— Но как? Откуда взялись наши с твоим папашей долбанные фотографии в доме Гриши, на стене, да еще и в рамочках! — не унималась Лена даже после скоропостижного развода с Григорием. — Ты точно мне ничего сказать не хочешь?

Антон, не меня выражения лица, покачал головой.

— Господи, когда же ты снова разговаривать начнешь? — с тоской в голосе произнесла Лена, закрывая лицо руками. — Не все же тебе на родителей сердиться!

Антон с тревожным ожиданием посмотрел на мать. Никогда он не видел ее такой беззащитной и наконец-то по-настоящему близкой — такой, какой хотел видеть всегда. Такой, для какой был готов сделать все что угодно.

— Прости меня! — вдруг взмолилась она, убирая ладони от мокрого лица и протягивая их к сыну. — Как нам дальше-то жить? Господи...

— Вдвоем, и больше никого, — шепотом, словно открывая тайну, ответил мальчик, пойманный объятиями матери.

Татьяна КЫРОВА

СЧАСТЛИВЧИК АРАМ

Р а с с к а з

Санаев знал Арама накоротке. Не в том смысле, что это было тесное знакомство, — как раз наоборот: общение двух мужчин было очень недолгим. Но, несмотря на это, выражаясь языком чиновников, — весьма продуктивным.

Арам встречал Санаева в аэропорту. За двадцать минут поездки таксист успел рассказать ему свою жизнь и даже чуть больше.

— Здравствуй, брат. Как тебя зовут?

— Вячеслав...

Санаев замялся, говорить ли отчество, но таксист решил эту проблему быстрее.

— Как? Извини, дорогой, я не расслышал.

— Слава.

— Меня Арам зовут.

Таксист нагнулся и протянул руку за санаевским багажом:

— Давай свой чемодан. Я лучше сам в багажник положу. Говорю тут одному пассажиру: «Давай я сам». Нет, лезет. В результате поцарапал мне машину.

— Бывает.

Таксист убрал багаж и весело подмигнул Санаеву:

— Обидно, слушай! Машина, сам видишь, совсем новая. Садись, дорогой, садись! Сейчас отвезу тебя в отель. Прекрасно устрою, даже не сомневайся. Будешь очень доволен. Отель принадлежит моему дяде Артаку. Он позвонил: «Арам, сынок, выручай! Надо встретить хорошего человека». Всегда пожалуйста! Когда это Арам отказывался? Просто тут такое дело. Раньше я ездил на его машине... Подожди, сейчас туда-сюда вырулим, потом расскажу.

Арам быстро крутил руль и, завершив ловкий маневр, удачно перестроился.

— Здесь платно. Надо успеть выехать за десять минут. Десять минут бесплатно, а потом денежки спишут. Вон, видишь, на лобовом стекле

у меня чип приклеен? Маленький такой, размером с виноградную косточку. Я здесь зарегистрирован. Иначе не пропустят. Порядок такой.

Только для того, чтобы поддержать разговор, Санаев сказал:

— У нас в аэропорту такая же система.

— И у вас? Понятно. Деньги все любят.

Таксист нажал на клаксон, поздоровался с кем-то и продолжил:

— Ты, наверно, обратил внимание, что машина у меня без наклеек? Жалко портить мою белоснежную ласточку! А так я уже месяц в такси работаю. Сам на себя, конечно. Я придумал классный ход: нашел одного парня и наклеил рекламу на его машину. Ему не жалко, машина старая. Ну, ты понимаешь. Мне башляют за рекламу, я — ему немного, и все довольны. Езжу на своей, а на сайт фото его машины выкладываю. Когда дядя Артак забрал меня из дома, то дал свой автомобиль. Я на него работал. Спасибо ему! Если бы не дядя, не знаю, что было бы с бедным Арамом. До сих пор гнул бы спину на виноградниках. Родился я в маленьком горном поселке. Третий по счету сын старого Вазгена не мог даже и мечтать о такой жизни! А теперь я себя называю «счастливчик Арам». Не при всех, конечно, чтобы не завидовали. Зачем народ волновать?

Таксист оживленно жестикулировал, время от времени бросал руль, и тогда его руки, будто птичьи крылья, взлетали вверх. Санаев смотрел неодобрительно, но водителя это ничуть не смущало.

— Веришь, нет — каждое утро говорю себе: «Арам, ты настоящий счастливчик!» А сам чем занимаешься? Какая у тебя профессия?

Санаев сделал вид, что не расслышал вопроса.

Вообще, для мужчины сорока пяти лет Вячеслав выглядел отлично. Про таких говорят: «хорошо сохранился». Поэтому он не слишком удивился тому, что счастливчик Арам принял его за своего сверстника. Но признаваться в том, чем он занимается в жизни, ему совсем не хотелось. Санаев не любил такие разговоры.

Таксист долго ждать не привык и продолжил рассказывать свою историю:

— Сейчас с правой стороны будет мой участок. Я выкупил землю под строительство дома. Район здесь не такой престижный, как на побережье, но, поверь мне, лет через пять здесь все изменится. И тогда земля здесь будет стоить бешеные бабки. Я знаю, что говорю.

Пассажиру пришлось повернуть голову. Заболоченный участок смотрелся непрезентабельно. Но лицо счастливчика Арама растеклось в блаженной улыбке. Похоже, всех своих клиентов таксист в обязательном порядке провозил мимо упомянутого места и это стало своего рода ритуалом.

Санаев промычал в знак одобрения:

— М-м-м, понятно. А что? Нормально...

— Ты тоже так считаешь?

— Конечно.

На самом деле Санаеву было глубоко безразлично. После утомительного ночного перелета и смены часовых поясов хотелось как можно скорее заселиться в номер и провалиться в сон.

Счастливчик Арам некоторое время продолжал улыбаться и вдруг спохватился:

— Слушай, брат! Совсем забыл. Ты же наверняка проголодался. Здесь рядом есть недорогой ресторан с хорошей кухней. Отличный ресторан! Могу заехать.

Санаев многозначительно постучал указательным пальцем по циферблату наручных часов, намекая на разницу во времени:

— Завтрак я пропустил, а обедать еще рано.

— Понял. А так смотри. Арам плохого не посоветует.

По голосу было понятно, что таксист слегка разочарован отказом. И тут же последовало объяснение:

— С этим рестораном у меня договор. Я завожу к ним клиентов, а они с каждого заказа делают мне откат. В зависимости от суммы чека. Понимаешь, да? К примеру, покушал человек на две тысячи — мне двести рублей падает на телефон. Туда-сюда, им хорошо, и мне хорошо. А что в этом плохого? Так ведь? Согласен?

— Конечно. Человек покушал, а вы заработали. Все правильно.

— Вот и я говорю. Вроде мелочь — двести рублей. А за день прилично набегает. Тут все так: ты — мне хорошо, я — тебе хорошо...

Санаев натянуто улыбался. Откровения счастливого Арама начинали надоедать. Уж слишком они диссонировали с тем, как обстояли его собственные дела.

Не успел Санаев погрузиться о своих проблемах, как получил хорошую встряску.

Таксист неожиданно впал в экстаз, иначе и не скажешь:

— О-о-о! Смотри, смотри! Это что? «Майбах»?! Не может быть! «Майбах»! Надо притормозить...

«Тойота» послушно сбросила скорость. Арам увидел фирменный значок и пришел в неопишуемый восторг:

— Точно! «Майбах»!!! Нет, ты видел? Видел?! О, что это за машина! Она бешеных бабок стоит. Пятьдесят миллионов, брат! Я тебе ручаюсь. Ой, надо держаться подальше!

Счастливчик Арам перестроился в крайний правый ряд, но продолжал ерзать в своем кресле и искать «майбах» в зеркалах заднего вида.

— Мама дорогая... Вот красавчик! Молодец! Уважаю таких людей. Заработал и купил. Как заработал? Неважно. Кому какое дело, если у тебя такой автомобиль! Сумел и купил. Молодец! Правильно, брат?

Слегка ошалевший от такого дикого восторга Санаев кивнул. Счастливчик Арам ненадолго замолчал, приходя в себя от потрясения. А что может вернуть мужчину к действительности после таких сильных переживаний? Конечно, женщина.

Таксист чуть хриповато спросил:

— Ты женат?

— Женат.

— Молодец. Я тоже скоро женюсь. Моя невеста ждет уже пять лет. Как только дядя Артак решил забрать меня из моего родного села, я пришел к Мадине свататься. Ей тогда всего четырнадцать лет было. А в этом

году она медицинское училище заканчивает. Я давно решил, что жена в первую очередь должна быть умной. Мадина по соседству жила. Маленькая все время с книжкой сидела. Другие дети бегают, играют. А она книжки читает. Тогда я и решил, что женюсь на ней. Зимой ездил в гости. Я ей документы на участок земли показал. Говорит, что не передумала за меня выходить. Красота — что? С лица не воду пить. Верно говорю?

После русской поговорки («с лица не воду пить») Санаев догадался, что таксист рассказывает эту историю всем своим пассажирам. Кто-то из них (скорее всего, женщина в возрасте) поддержал разговор такими словами, и Арам запомнил.

Свернули в полумрак узкого проулка и остановились у отеля. Санаев не мог поверить, что его мучениям пришел конец. Двадцать минут поездки показались целой вечностью. Счет за такси был вполне умеренным. Это обстоятельство улучшило Санаеву настроение и слегка компенсировало усталость от бесконечной болтовни таксиста.

Расстались они вполне дружелюбно. Санаев от всей души пожал протянутую руку счастливого Арама. Сам того не предполагая, таксист неожиданно плеснул ложку дегтя:

— Так я не понял, ты чем по жизни занимаешься? Где работаешь?

Вдохновленный рассказом о читающей Мадине, Санаев решил признать:

— Я писатель.

Арам с интересом посмотрел на него:

— И что, хорошо платят?

Осознав свою ошибку, Санаев уклончиво ответил:

— Я бы не сказал.

— А зачем ты этим занимаешься? Если платить не хотят, пошли их куда подальше! Я тебе сочувствую, брат.

— Хорошо. Так и сделаю.

В гостиницу заселили без проволочек. Только к тому времени сон как рукой сняло. Слова Арама о том, что надо послать всех куда подальше, сверлили Санаеву мозг. Этим советом таксист уязвил писателя. А своим сочувствием — вообще пригвоздил к позорному столбу.

Вячеслав давно знал, что занимается делом, которое не принесет ему материальной выгоды. Послать куда подальше надо было себя самого. В этом и крылась главная заковыка. Решиться на такой шаг следовало как минимум лет двадцать назад. Переступить через себя и делать то, к чему не лежит душа, но что приносит доход. Однажды ему даже пришла в голову мысль, что вот так и становятся киллерами. Не может же быть, чтобы убийство по найму могло кому-то нравиться! Надо очень сильно разочароваться в людях, чтобы начать убивать за деньги.

Таким образом, радужные мечты, с которыми Санаев ехал к морю, потерпели крах в первый же день. Писатель возненавидел счастливого Арама. Отдохнуть ему так и не удалось, он сел и попробовал работать...

Открытый ноутбук давно перешел в спящий режим. Санаев вышел на балкон. Послеобеденный зной плавил крыши многочисленных отелей-

скворечников. Сизая дымка висела над поверхностью моря и незаметно переходила в небо, линию горизонта было невозможно различить. Если у местных перед глазами каждый день такая идиллическая картинка, то ничего удивительного, что они живут словно на другой планете. Люди здесь не смотрят телевизионные каналы, а если и смотрят, то новости из Москвы воспринимаются ими так же, как события далекого зарубежья...

Вячеслав вернулся в номер, выпил черного кофе и решил отправиться на пляж.

Преодолеть двести метров по узкому проулку оказалось целой проблемой. В руки то и дело совали буклетики туроператоров с обещаниями незабываемых впечатлений. Санаев не планировал покупать экскурсии, но продавцам не было никакого дела до его планов. Как, впрочем, и торговцам из многочисленных лавочек с фруктами, вином и пивом. Ему то и дело перегораживали путь и предлагали зайти. Санаев купил две бутылки пива и поспешил к морю.

Он был в этом городе много лет назад, еще студентом. Отдыхал с Людмилой — любимой девушкой, которая потом стала его женой. После той поездки Санаеву удалось написать небольшую повесть. Работа была отмечена критиками и, самое главное, «последними из могикан» советской литературы. Окрыленный успехом, Слава бросился творить. К сожалению, все последующие произведения были намного слабее. Но он упорно продолжал писать, считая себя непризнанным гением.

Однажды Людмила не выдержала и собрала вещи:

— Если родной отец не может обеспечить своего ребенка, значит, это будет другой человек.

— Что, по-твоему, я должен сделать? Пойти на рынок торговать?

— Да. Если ничего другого не остается.

— Но я писатель!

— Кто тебе сказал?

Жена забрала трехлетнего сына и ушла.

А Санаев продолжал упиваться своим страданием. Ему казалось, еще чуть-чуть — и все изменится. Надо только потерпеть. Когда было совсем нечего есть, он шел на рынок разгружать фуры.

Страна бурлила в торгово-криминальном водовороте. Каждый день происходило что-то ужасное, но вся эта муть проносилась мимо Санаева. Не успевая опомниться и осмотреться, Вячеслав кувырком летел в бездну. Надежды на перемены к лучшему в конце концов растаяли, выхода из тупика он уже не видел.

В один из таких отчаянных моментов он встретил старого приятеля, и тот предложил ему писать сценарии для «бандитского» сериала:

— Там много ума не надо, важнее точное попадание в образ. Ты же хоть примерно представляешь себе эту публику? Будешь писать диалоги для бандюков.

Санаева зацепили слова приятеля насчет отсутствия ума, но он сдержался. Работа была нужна как воздух.

Сериал растянулся на несколько сезонов. За это время Санаев успел прийти в себя и немного залечить душевные раны: стабильная зарпла-

та творит чудеса. Сошелся с администратором проекта. Леночка даже переехала к нему на несколько месяцев, но ничего серьезного из этого романа не получилось. Однажды она ему заявила, что «двушка» на окраине города — не ее уровень, и ушла. Санаев только криво усмехнулся ей вслед.

Вот когда проект закрыли, тогда он по-настоящему расстроился. Эта работа и в самом деле не требовала большого ума и напряжения сил. Он уже научился больше ценить стабильность, чем малопригодные в повседневной жизни собственные амбиции.

И сегодня, разозлившись на счастливого Арама, Вячеслав прислушался к себе и пришел к выводу, что просто завидует этому парню. Мечты таксиста были просты и даже примитивны, но Арам честно выложил свою жизненную установку. Что писатель Санаев может сказать в ответ этому человеку? Какую предложить ценность? Разве что одну из прежних, давно забытых. Ведь ничего нового придумать невозможно...

На одном из литературных фестивалей ведущий, вызывая к микрофону очередного участника, объявил:

— А сейчас перед вами выступит знаменитый писатель Вячеслав Санаев, признанный автор художественного слова. Кто из нас не читал его замечательную повесть «Синие дали»? Я думаю, в этом зале таких людей нет. Встречайте! Вя-че-слав Са-на-ев, друзья!

Видимо, ведущий считал, что гость будет ему благодарен за такие слова, но Санаев только расстроился. Его никто не предупредил о предстоящем выступлении, и произносить речь он был не готов. Мало того, такое раскатистое, полущутовское представление сбilo его с толку. Он знал, что сегодня так принято — нарочито громко, с надрывом в голосе выкрикивать со сцены имена знаменитостей. Но Вячеслав был уверен, что большинство присутствующих в зале в глаза не видели его повести. Он поймал ехидную усмешку Мишки Солина: ну-ну, давай, «знаменитый писатель»? Мишка недавно выпустил десятый по счету роман, но старательно скрывал этот факт и публиковался под псевдонимом. Детективами Дуни Фоминой были завалены прилавки всех книжных магазинов. Вот уж кто был знаменит на всю страну! Все это давало право Мишке ехидно улыбаться.

Однажды Санаеву пришло приглашение на совещание молодых писателей. Он с недоумением повертел в руках стильно оформленный кусок картона. Может быть, это какая-то ошибка? Перезвонил на указанный контактный номер. Милая барышня подтвердила, что Вячеслав Санаев действительно внесен в список участников всероссийского форума молодых писателей. Вот тебе и признанный мастер художественного слова! Санаев был раздосадован.

На совещание все же поехал — из любопытства. Там он познакомился с модератором мероприятия Юлией. Это с ней Санаев говорил по телефону. Подарил ей выпущенную за свой счет книгу стихов.

Девушка увлеклась им. Понимал ли Санаев, что вводит в заблуждение милую барышню? Понимал. Любовался ею, но влюблен не был.

Ему нравилось видеть, как она смущается. Как вздрагивают ее ресницы и уголки губ. Это был в том числе и самообман с его стороны. Этой игрой Санаев хотел оживить свои чувства. Ждал, что щелкнет внутри невидимый тумблер — и вспыхнет свет. Так ждал, что они с Юлией даже поженились.

Время шло, а ничего не происходило. Тускло и пусто оставалось внутри. И только страх, верный спутник последних десятилетий, то и дело напоминал, что сросся с Вячеславом навсегда. Это был не тот много раз описанный в литературе липкий ужас, посещающий человека внезапно и ненадолго. В Санаеве поселился и благополучно обитал самый настоящий животный страх перед завтрашним днем. И не просто обитал, а руководил им.

Страх успешно справлялся с ролью хозяина. Санаев был для него всего лишь удобным вместилищем. Вячеслав подозревал, что непрошенный сожитель и родился вместе с ним, но до поры сидел тихо и никак не проявлял себя. Впервые страх дал о себе знать тогда, когда Славка был на летних сборах и чуть не сорвался со скалы. Вернувшись в альпинистский лагерь, мальчик весь вечер улыбался в ответ на дружеские похлопывания по спине. Бодро отвечал, что он в полном порядке. Только на следующих сборах среди членов команды его уже не было. Потом страх встал, что называется, в полный рост, когда от Санаева ушла первая жена...

В конце концов Санаев привязался к своему страху, сжился с ним. Страх стал для него лучшим другом. Понимал все его слабости, помогал находить оправдания безволию. После знакомства с Юлией страх ненадолго отступил, словно говоря: «Хочешь поиграть в крутого парня? Посмотрим, как это у тебя получится!»

Юлия организовала Санаеву несколько подработок. Затем купила ему путевку на море, истратив на нее весь полученный гонорар. Возможно, и больше, Санаев не вникал. Он обещал вернуться не только загорелым, но и с готовым текстом новой повести. Убеждал жену и себя в том, что повесть уже сложилась в его голове, осталось только перевести образы и визуальный ряд в текст.

Вернувшись с пляжа, Санаев весь вечер продолжал думать о счастливчике Араме. К работе он так и не приступил.

На следующий день все повторилось.

Таким же образом прошло еще несколько дней.

Санаев оправдывал свое безделье тем, что таких, как Арам, сейчас большинство и писать книги для этих людей нет никакого смысла. В голове все крутилась фраза: «Вот так и становятся киллерами». Кажется, Санаев ее где-то слышал. Он не хотел присваивать авторство себе, эти слова его пугали, фраза становилась похожей на идею фикс. Страх забавлялся со своим безвольным товарищем.

Вячеслав в отчаянии понимал, что вернется домой ни с чем. Задуманное произведение так и не увидит свет. Как после этого он сможет смотреть в глаза Юлии? Он уже сейчас представлял себе ее разочарование. Это был крах.

Санаев, мрачнее тучи, собирал чемодан и никак не мог решиться на звонок Араму. Он всей душой ненавидел этого парня. Вечером попросил на ресепшен телефон такси — ему дали до боли знакомый номер. Было глупо спрашивать другой: стали бы задавать ненужные вопросы. Он позвонил счастливчику Араму.

А когда утром спустился, с удивлением обнаружил за рулем другого человека. Гамлет был четвертым сыном старого Вазгена и приехал заменить брата-счастливчика. Он был хмур и молчалив.

Санаев не выдержал и поинтересовался:

— Арам взял отпуск?

— Ты знал моего бедного брата Арама?

— Да. А что с ним?

— Нет больше с нами Арама! Утонул в море.

— Сочувствую...

Счастливчик Арам погиб в результате нелепого стечения обстоятельств. Тот человек, который обклеил рекламными текстами свою старую тачку, назначил ему встречу. Арам ждал его на пирсе. Он ходил туда-сюда и, как обычно, много разговаривал по телефону. Пробегавший мимо мальчишка нечаянно со всей дури врезался головой ему в живот. Таксист от неожиданности выронил смартфон. Мальчишка извинился и побежал дальше, а гаджет, дважды подскочив на бетонной поверхности пирса, улетел в воду. Счастливчик Арам забыл, что не умеет плавать, и бросился спасать смартфон. Море в тот день слегка штормило. На берегу никто не обратил внимания на человека, нырнувшего в воду в белой рубашке и шортах. Отдыхающие, кто успел обгореть на солнце, часто купались в футболках.

Погибшего нашли утром работники пляжа. На днях дядя Артак отвезет племянника обратно в родное село...

Всю дорогу домой Вячеслав размышлял над судьбой Арама и над собственной жизнью. Снова перебирал в памяти подробности короткого общения с таксистом. Теперь ему было неловко за свою беспричинную злость, от которой он так и не смог избавиться за две недели праздной пляжной жизни. Пожалуй, эта история вполне может послужить сюжетом для нового рассказа...

Таксист в родном городе Санаева был не столь разговорчив, как его южные коллеги, и не мешал писателю думать. Наскоро перекусив с дороги, Вячеслав отправил жене сообщение о том, что с ним все в порядке, долетел хорошо, и поспешил за рабочий стол. Пока Юлия не вернулась с работы, он успел набросать черновик рассказа и этим снял тяжесть с души.

И тут же, без перерыва на обед, приступил к повести — истории первой любви, — которая давно ждала своего часа.

Олег ЗОЛОТАРЬ

ТЕЛО

Р а с с к а з

С самого утра тело снова начало отделяться от Леонида Федоровича. После нескольких недель относительного единства теперь оно так и норовило вырваться из-под контроля сознания и обрести непривычную для себя свободу, как будто в этой свободе был смысл или она могла продлиться дольше нескольких мгновений.

«Неужели опять простудился? — тревожно подумал Леонид Федорович, когда в гардеробе, отделившись впервые за день, тело успело самостоятельно надеть синюю рабочую майку. — Хотя вряд ли! Вон в прошлый раз тоже с самого утра отделялось — и ничего, даже соплей потом не было!»

Защелкнув замок и проверив надежность согнутых из нержавеющей стали секретных задвижек (в последнее время Леонида Федоровича частенько обворовывали, причем в результате этих диковатых набегов сильно страдали дверцы шкафчика, а пропадало всегда почему-то только мыло), он вышел из душного, насыщенного несвежей влагой гардероба в цех.

Конвейер еще не работал, и приятная тишина подвесного участка, разбавленная шипением воздуха в старых стержневых автоматах, немного скрасила общее разочарование от начала очередного рабочего дня.

Прямо посередине цеха тело предприняло еще одну попытку отделиться, но на этот раз трюк ему не удался. Мимо как раз прошла бригада формовщиц, которые не преминули уделить Леониду Федоровичу немного своего матерного внимания. Вытяжка их участка переживала тяжелейший период вялотекущего ремонта, и Леонид Федорович, как слесарь по вентиляции, едва ли мог рассчитывать на понимание со стороны этих суровых и профессионально-чумазных женщин.

Но сегодня он был даже благодарен им — за возможность пресечь очередную попытку тела на несколько мгновений обрести свободу. Из личного опыта Леонид Федорович знал, что тело не могло отделяться от сознания во время даже самого формального общения с другими людьми.

«А вообще, следовало бы уже привыкнуть! — размышлял Леонид Федорович по пути из подвешного цеха в формовочный. — Ну что такого, если твое тело на считанные секунды становится как бы и не твоим? Всего лишь общая жизненная усталость, недосып и монотонность однообразной работы — вот и весь секрет, который позволяет сознанию на мгновение отключиться, давая телу возможность совершать отдельные действия на автомате. Между прочим, так оно даже и проще. Особенно с утра!»

Леонид Федорович себе не лгал, в этом состоянии действительно было что-то приятное. Возникало ощущение какого-то надежного уединения посередине грохочущих механизмов, раздраженных людей и производственных планов, абсурдная целеустремленность которых выглядела не столько ориентиром, сколько насмешкой над всеми, кто решился связать свою жизнь с производством. На фоне этой нездоровой суеты отношения Леонида Федоровича с собственным телом выглядели абсолютно нормальными, можно даже сказать естественными.

Хотя всего пару лет назад, при самых первых отделениях тела, Леонид Федорович был далек от подобного, почти философского спокойствия.

Тогда он решил, что у его проблемы с телом может быть только медицинская причина. Например, от частых сквозняков у него развилась атипичная шизофрения, выросла какая-нибудь маленькая, но очень вредная опухоль или начались проблемы с сердцем, которые с таким злорадством пророчит всем людям зрелого возраста современное здравоохранение, вина в них неблагоприятную среду и вредные привычки. И если вредных привычек у Леонида Федоровича не водилось, то уж неблагоприятной среды вокруг было просто завались. Чего стоили хотя бы встречи с формовщицами, вечно недовольными своей жизнью и с агрессивной готовностью включающими в эту жизнь каждого, кого угораздило оказаться у них на пути.

Но, пройдя очередной медосмотр в заводской поликлинике, Леонид Федорович лично был свидетелем, как терапевт Юнона Леонардовна Розенгольд размашисто вклеила в его карточку приятный для глаз и возвращающий душевное равновесие штамп «здоров», а на робкие замечания самого вентиляторщика о некоем странном недомогании раздраженно ответила, что у всех сейчас масса неких странных недомоганий и нечего из-за такой ерунды отнимать у людей время.

Несмотря на безапелляционную грубость терапевта, вера в собственное здоровье начала потихоньку возвращаться к Леониду Федоровичу, пробуждая желание разобраться в происходящем без паники и не только с бытовой точки зрения. На первых порах Леонид Федорович решил обратиться к телевизионным программам, посвященным тайной природе человека. И пусть эти программы по своей популярности не удаивались прайм-тайма, а их научность выглядела какой-то не слишком научной, сама идея обрести душевное равновесие у голубого экрана казалась привлекательной и не обещала каких-либо катаклизмов.

Но с тайной природой человека все оказалось гораздо сложнее, чем предполагал Леонид Федорович. Он долго не мог найти достойных

контраргументов тому, что он, слесарь вентиляционных систем пятого разряда, — почти наверняка потомок инопланетян или дальний родственник скифов-людоедов, отдельные особи которых якобы до сих пор встречаются в глухих таежных лесах и опознаются наблюдателями как представители «снежных людей».

Проведя несколько дней в тяжелой, инопланетной тоске, Леонид Федорович решил не испытывать нервную систему сенсациями современного телевидения и вместо этого обратиться к привычным духовным традициям, проверенным многими поколениями предков и подкрепленным авторитетом официально признанной религии.

«Чем наша церковь хуже инопланетян или скифов-людоедов?» — подумал Леонид Федорович и намекнул супруге, что неплохо бы им наведаться в храм и совершить там... ну все то, что обычно в храмах совершается.

Но и в церкви ожидаемого умиротворения Леониду Федоровичу испытать также не удалось. И хотя посреди храма единство тела и сознания ощущалось им как никогда ясно (при каждом взмахе кадила батюшки Леонид Федорович чувствовал, как его мысли буквально сливаются с волосками на ногах), покоем это состояние даже отдаленно назвать было нельзя. Просто страх за собственное тело здесь уступал место страху за собственную душу, а любые надежды, в их полуобморочном символизме, сливались с пламенем свечей, которые горели красиво и умиротворяюще, но при этом выглядели совершенно беззащитными перед малейшим жизненным сквозняком.

Словом, как и большинство простых рабочих людей, Леонид Федорович оказался не готов регулярно посещать храм и на постоянной основе разрешать свои душевные и телесные вопросы.

Кроме того, к этому времени он уже неплохо изучил повадки своего тела и понял, что бояться его свободолюбивых порывов не стоит. Отделялось тело не каждый день, а если и отделялось, то не более чем на несколько секунд. Так что легче было закрыть глаза на подобное своеволие, чем пытаться изменить положение дел при помощи телевизионных скифов или церковных батюшек, которых, если признаться честно, Леонид Федорович побаивался примерно в равной степени.

* * *

Сегодняшний трудовой день пока складывался для Леонида Федоровича неплохо. Боги вентиляции решили смириться над своим скромным служителем и позволили ему пребывать в полусонном оцепенении, лишь изредка орудуя отверткой, молотком и рулеткой. Начальство не досаждало своим вниманием, крыльчатки и воздуховоды не ставили неразрешимых задач, а приближение обеденного перерыва заставляло вопросы о разьединенности бытия и сознания отходить далеко на задний план.

В столовой удача также продолжила благоволить Леониду Федоровичу. Очередь, стремительно подгоняемая голодом и грозной кассиршей

Катериной, двигалась быстро, экономя минуты законного, прописанного в трудовом графике личного времени.

На этот раз личное время получилось даже более личным, чем рассчитывал Леонид Федорович. Привыкнув за полдня к относительной свободе, тело воспользовалось полудремой своего хозяина и самостоятельно поглотило весь обед, старательно придерживаясь последовательности, в которой это привык делать Леонид Федорович. А именно: начало с компота и булки, продолжило трапезу гуляшом и завершило ее рассольником.

И только когда тело аккуратно водрузило поднос с пустой посудой на ленту подносоприемника, тревожный звон стаканов напомнил Леониду Федоровичу о пошатнувшемся равновесии физических и ментальных сфер его рабочего бытия.

«Вот только дай свободу — каждый начинает наглеть!» — раздраженно думал Леонид Федорович, энергично направляясь в слесарку.

Тело совершенно забыло о времени, и теперь Леонид Федорович опаздывал. Подобного за ним ранее не водилось, поэтому он твердо решил до конца смены проучить свое тело, назначив последнему какую-нибудь особо ответственную и скрупулезную работу.

Но сразу после обеда настроение вентиляционных богов по неведомой причине резко испортилось.

Стоило Леониду Федоровичу открыть дверь мастерской, как до его слуха долетели обрывки невнятной, но очень эмоциональной речи бригадира Кузьмича. Особо угрожающими вибрациями выделялись фразы «по протоколу», «а что поделает?» и «Бог ей судья!». Судя по всему, Кузьмич находился в активном поиске добровольца для выполнения какой-то необходимейшей, но едва ли выполнимой в срок работы.

Леонид Федорович не сомневался, что его опоздание значительно облегчит задачу бригадира. Тут же подтвердив эти опасения, Кузьмич бросил взгляд на часы, после чего расплылся в широкой, торжествующей улыбке. Вопрос с добровольцем был решен. Теперь Леониду Федоровичу предстояло наведаться на участок засыпки, вентиляция которого не первый месяц ожидала нового двигателя и чьего-нибудь энтузиазма.

Работа там предстояла не только нудная и кропотливая, но еще и рискованная. И если сами раздавальщицы, чьей вотчиной был участок засыпки, не отличались особой агрессивностью, то их бригадир Дебеліна Ерохова с лихвой перекрывала общий вольтаж своих подчиненных. А в том, что с ней придется столкнуться, сомнений у Леонида Федоровича не было.

* * *

Участок засыпки располагался прямо над формовочным цехом и представлял собой весьма внушительную надстройку, в которой в единое целое срастались балки, листы металла, трубы, бункера, ресиверы, лестницы, бочки, тельферы и неизвестно что еще. Посреди этого сооружения, больше похожего на декорацию для постапокалиптического спектакля,

проходил конвейер, по ленте которого в жерла формовочных автоматов неслась бурая смесь песка, смолы и керосина.

Осторожно вскарабкавшись наверх, Леонид Федорович осмотрелся и, стараясь как можно тише ступать по гулкому металлическому полу, направился к злосчастной вытяжке.

Стремительное движение конвейера на мгновение вырвало сознание Леонида Федоровича из тела. Десяток шагов последнее успело пройти самостоятельно, но, как только из-за бункера показалась растрепанная шевелюра Дебелины, вновь поспешно уступило бразды правления сознанию.

«Как обед сожрать, так это без проблем! — раздраженно пожурил тело Леонид Федорович. — А как с Дебелиной общаться, так сразу в кусты!»

Впрочем, в данном случае он был готов проявить снисхождение. Будь сейчас у Леонида Федоровича выбор, он не стал бы возражать, чтобы тело отделилось от него и на время разговора с бригадиром засыпки.

Дебелина была очень непростым и громким человеком. Даже формовщицы избегали ее компании и побаивались неконтролируемой агрессии этой женщины.

— И что вы там все смотрите да высматриваете?! — вонзился в мозг Леонида Федоровича голос Дебелины, как только слесарь приблизился к злосчастному месту поломки. — Когда уже нам вытяжку нормальную сделаете? А нет — так хоть бы по-старому все оставили!

— Когда двигатель новый купят, тогда и сделаем! — дипломатично ответил Леонид Федорович.

— А зачем старый убрали? Старый бы оставили — и по-старому бы все работало!

— Так старый сгорел, — сказал Леонид Федорович, стараясь соблюсти рамки конструктивного диалога и выражая свои добрые намерения манипуляциями рулеткой.

— Как это сгорел?! — всполошилась Дебелина. — С чего это он сгорел?! Тут и огня никогда не бывает! Огнетушитель третий год без дела стоит, место только занимает! А если кто и курит из нашенских, то все в курилку ходят, как и предписано! А тут нельзя, тут — керосин! Вот сняли двигатель, он у вас и сгорел! А на нас вину нечего спихивать! Мы тут не дуры набитые! Я еще и побольше вашего знаю! Железное не горит, а коптится! А мы бы и на закопченный согласились, лишь бы вытяжка была! Видите, как женщины бедные мучаются?! — И бригадир кивнула в сторону раздавальщиц, сонно орудующих шуфелями*.

— Так я же не... — предпринял еще одну попытку объясниться Леонид Федорович, но Ерохова уже утратила способность слышать.

— Что — «я»? Что — «я»? — орала Дебелина. — Все только и знают, что «я»! А тут не «я» надо, а вытяжку!

Отчаявшись отделаться от надоедливой бригадирши, Леонид Федорович устало приложил руку ко лбу. Вторая рука, которую он предусмотрительно засунул в карман, сжалась в кулак.

* Шуфель — лопата для разгребания углей, горячей золы.

«Как бы не врезал он ей! — промелькнуло в мыслях Леонида Федоровича. — Я бы, наверное, уж точно...»

* * *

Закончить свою мысль Леонид Федорович не смог, потому что в этот момент осознал, что снова пребывает в состоянии разъединения со своим телом. И это даже несмотря на вполне ясные мысли, из которых, если так разобраться, Леонид Федорович сейчас и состоял.

Он видел свой затылок, короткий, порядком поседевший ежик волос, нехарактерную для себя жестикуляцию. Сомнений не было — тело продолжало вести разговор с задеревеневшей в своем невежестве женщиной и делало это гораздо увереннее, нежели сам Леонид Федорович.

Тело что-то энергично кричало Дебелине и крутило пальцем у виска. Еще через несколько минут оно и вовсе нашло способ уязвить бригадира раздавальщиц настолько, что та демонстративно бросила шувель на пол и с оскорбленным видом удалилась в направлении бункеров. Теперь тело и мысли Леонида Федоровича остались в гордом (если говорить о теле) и растерянном (если говорить о мыслях) одиночестве.

Воспользовавшись удобным моментом, тело быстро замерило габариты воздуховодов, небрежно записало результаты своего труда в блокнот, спустилось вниз, завернуло за угол компрессорной и скрылось в комнате отдыха обрубного участка.

С опозданием в пару секунд туда прибыл и Леонид Федорович.

За все время своей работы в цеху он ни разу не был в этой комнате и теперь, зависнув под потолком, испытывал резкий, леденящий душу страх. Дело было не в самой комнате отдыха (хотя и она могла напугать неподготовленного человека, у которого отдых обычно ассоциируется с чем-то не столь тесным, душным и грязным), опасался Леонид Федорович исключительно за свое тело. А оно принимало вполне самостоятельные решения и, кажется, вовсе не собиралось возвращаться в подчинение к своим мыслям.

К тому же его тело попросту филонило. По-другому объяснить визит в комнату отдыха не получалось. Около часа проваляв там дурака, тело еще какое-то время бесцельно пошаталось по цехам, после чего, напустив на себя усталый, но гордый вид, направилось напрямик в гардероб. Отчитываться перед начальством о проделанной работе оно явно не собиралось.

Леонид Федорович с ужасом представил, что будет делать его тело, когда доберется до дома, но его страх оказался сильно преувеличен. В домашних условиях тело вело себя привычно и не выходило за рамки обычных действий Леонида Федоровича. Большую часть вечера оно посвятило газетам и телевизору, хотя и обнаружило несколько иные вкусы и приоритеты. В первую очередь тело интересовалось спортивными состязаниями, отдавая предпочтение футболу, хоккею и — на удивление — конному спорту.

— И давно это ты спортом интересуешься? — спросила супруга, в остальном не заметившая разницы между телом и цельным образом своего мужа.

— Да всю сознательную жизнь! — бодро ответило тело, после чего направилось на кухню и съело половину копченой курицы, которую супруга купила, рассчитывая растянуть на несколько последующих дней.

Плотный ужин оказал на тело расслабляющее воздействие, и оно, совершенно не заботясь о слишком раннем времени, спокойно завалилось спать, отделившись от жены простым и предельно искренним признанием:

— Что-то я устал. Пойду-ка лягу.

Леониду Федоровичу оставалось только удивляться, с какой легкостью его тело использует любые обстоятельства исключительно для собственной выгоды. Оно вело себя так, словно избавилось от того внутреннего лицемерия, которое на протяжении многих лет заставляло Леонида Федоровича «ради семьи» идти на жертвы вроде экономии курицы и выслушивания постоянных причитаний супруги по поводу неудобств совместного быта.

Теперь же, наблюдая за реакцией родных, Леонид Федорович вынужден был признать: подобных жертв от него не требовалось! В конце концов он пришел к пугающему выводу: его тело избавилось вовсе не от лицемерия. Оно избавилось от самого Леонида Федоровича.

* * *

Несколько недель Леонид Федорович неустанно следовал за своим телом, лихорадочно пытаясь нащупать хоть какую-то связь, которая давала бы надежду на скорое воссоединение. Никакой связи не ощущалось. Тело не реагировало на собственные мысли и продолжало демонстрировать чудеса находчивости в решении любых вопросов, особенно если эти вопросы казались Леониду Федоровичу неразрешимыми.

Тело уверенно доказывало начальству, что давно и успешно выполнило поручения, которые выполнены не были, язвительно указывало Кузьмичу на недостатки его личности (в сравнении с которыми любые изъяны самого тела выглядели чуть ли не достоинствами), а формовщиц и вовсе посылало так далеко, что Леониду Федоровичу оставалось только удивляться лексической подкованности своего тела и его готовности отстаивать свою профессиональную честь.

Вдобавок ко всему тело играючи решило проблему с вытяжкой на злосчастном участке засыпки. Установив на место сгоревший двигатель, тело спокойно заявило Дебелине, что пока вытяжка будет работать как работала, а если когда-нибудь начальство соизволит почесать свой зад и купит новый двигатель, то вытяжка станет работать еще лучше и женщины, на которых совершенно точно держится все вокруг, наконец смогут вздохнуть полной грудью.

Благодаря такой наглости тело Леонида Федоровича не только избежало взысканий со стороны начальства, но даже, наоборот, несколько

раз было названо «думающим специалистом», получило от Кузьмича гарантии насчет летнего отпуска, а в лице Дебелины и вовсе приобрело надежного и очень решительного союзника.

На этом тело останавливаться явно не собиралось. Еще через пару дней оно приняло активное участие в собрании цехового профсоюзного комитета, выдвинув несколько неудобных вопросов по поводу распределения материальной помощи. Тело не скрывало своего желания внедриться в цехком, пылко уверяло участников собрания в своей готовности бороться за права коллектива, не жалея собственных сил и рабочего времени.

Так далеко от своих мыслей тело еще не заходило, и Леонид Федорович твердо решил, что откладывать вопрос о воссоединении с ним нельзя.

Сразу же после собрания Леонид Федорович проследовал за телом на улицу (ухватив кусок гофрированной трубы, тело, похоже, намеревалось затеряться на просторах завода до самого конца смены), после чего, собрав мысли и волю воедино, мужественно застыл на месте. По его расчетам, тело должно было хоть как-то отреагировать на подобный мысленный демарш.

Повергнув в шок своего законного обладателя, тело даже не заметило, что его мысли остались далеко позади. Задорно почесав свой зад и перекинув кусок гофры под левую руку, оно беззаботно скрылось за обшарпанной дверью соседнего цеха, насвистывая какую-то бессовестно веселую мелодию.

Теперь Леонид Федорович остался вовсе без тела. И что делать дальше, он просто не знал!

* * *

— Да не ори ты, ради бога! Ничего с ним не случится! — обратился к Леониду Федоровичу чей-то голос, как только он запаниковал и решил броситься вслед за своим телом. — Они без нас даже лучше живут, чем с нами!

Голос показался очень знакомым, но вспомнить, кому именно он принадлежит, Леонид Федорович так сразу не мог. Дело было в том, что этот голос не звучал. В сущности, это была просто чужая мысль, которая вклинивалась в поток сознания Леонида Федоровича, свободно дрейфовала в нем и была едва различима на фоне отчаянных воплей самого вентиляторщика. А интонации, которые позволяли называть эту мысль голосом и придавали ей осязаемую эмоциональную окраску, являлись как бы более расплывчатыми и мелкими мыслями, сопровождавшими основную. Только сейчас Леонид Федорович обратил внимание на то, что он и сам мыслит подобным образом. Но если в его случае основная и сопутствующие идеи были одинаково паническими, то мысли таинственного собеседника были совершенно спокойны. И если воспринимать их как голос, то это был очень уверенный и слегка ироничный баритон.

— Не почудилось, — через мгновение продолжил незнакомец. — И не шизофрения. И перестань орать, когда с тобой разговаривают!

— Не наседай на него! Разве не видишь — он только недавно от тела отделился. Себя вспомни! — встрял в поток сознания Леонида Федоровича еще один голос-мысль. Тоже совершенно спокойный и даже сонный.

— Я за своим телом не бегал.

— Брешешь! Наверняка бегал. Все бегают.

Второй голос был тоже знаком. Леонид Федорович подумал, кто бы это мог быть.

— Да Петька Чибукин я! А это Слава Самопалов! — не дожидаясь четко оформившегося вопроса, удовлетворил любопытство Леонида Федоровича второй собеседник.

— Вы?! — удивился Леонид Федорович.

Эти двое были его соседями по гардеробу, хоть и работали электромонтерами в ремонтном цеху. Вообще-то, Леонид Федорович обоих недолюбливал за примитивность жизненных устремлений и грубый физиологичный юмор, с которым они к тому же всегда перебарщивали. Более того, именно эту парочку Леонид Федорович подозревал в регулярных кражах мыла из своего многострадального шкафчика...

Но сейчас он был рад слышать мысли других людей.

— А давно вы отделились? — поинтересовался он.

— Давно. Ты еще здесь и не работал. Помню, в твоём шкафчике дед какой-то переодевался, — ответил Самопалов.

— Так что же это получается? Я только с вашими телами знаком был? — удивился Леонид Федорович.

— Ну да. Обычное дело! — отозвался Чибукин.

— Знаете, ваши тела такие козлы! — решился на откровенность Леонид Федорович.

— Бывает, — неожиданно спокойноотреагировал Самопалов. — Но знаешь, мы за них не в ответе. Сам со временем поймешь.

— А почему это произошло?

— А кто его знает.

— Это что же получается, мы с вами — души?

На секунду-другую мысленные потоки собеседников прекратились.

— Это вряд ли, — ответил наконец Чибукин. — Если ты не можешь влиять на собственное тело, то претендовать на звание души как-то наивно и не очень убедительно.

— А что мне делать дальше?

— Что хочешь. Только не ори так истошно больше, хорошо? — ответил Самопалов.

— А вернуться в свое тело как-нибудь можно? — с надеждой спросил Леонид Федорович.

— Можно! — проскользнула уверенная мысль Чибукина.

— Нельзя! — так же уверенно подумал Самопалов.

Потом они оба снова немного помолчали.

— Есть мнение, что для того, чтобы вернуться в свое тело, нужно стать ему сообразным! — продолжил гнуть свою линию Чибукин.

— Ерунда! — возразил Самопалов.

— А вот и не ерунда! Станешь таким же, как твое тело, — сразу же с ним и объединишься!

— А сам тогда почему в свое не вернешься?

— А на кой оно мне сдалось? Сам видишь — даже окружающие его козлом называют!

— Как я погляжу, что тело, что мысли у тебя одинаковы! — с иронией подумал Самопалов.

— Чья бы корова мычала! — с готовностью парировал Чибукин.

Манера мысленного общения этой парочки, как отметил Леонид Федорович, мало чем отличалась от привычного общения их тел. Но теперь их неотесанный юмор не раздражал Леонида Федоровича. Наоборот, он освещал его собственные мысли неким слабым проблеском надежды. Раз уж в подобном состоянии он пребывал не один, где-то наверняка существовали люди, которые могли объяснить все произошедшее обстоятельнее, нежели соседи по гардеробу.

— Чушь! — резко оборвал мысли Леонида Федоровича Самопалов. — Никто и ничего объяснять тебе не будет!

Леонид Федорович замылся, насколько ему позволяло бестелесное состояние. Он пока не мог привыкнуть к тому, что любая его мысль доступна окружающим.

— Да ладно, проехали! Считаешь нас козлами — ради бога! Ты тоже, знаешь ли, не херувим! — продолжил мыслить Самопалов. — А что касается объединения с телом, ты на этот счет хорошенько подумай. Ему же без тебя лучше — сам видишь! Да и тебе неплохо — никаких преград или социальных обязательств. Хочешь — в Америку, хочешь — в женскую баню. Свобода!

Свободы Леонид Федорович в данный момент не ощущал вовсе. Идея Чибукина насчет сообразности своему телу также не выглядела убедительной. Если бы она была верна, Чибукин с Самопаловым наверняка уже давно вернулись бы в свои тела, не прилагая для этого особых усилий. Что же касалось самого Леонида Федоровича, то он не представлял, как ему стать расчетливым и наглым циником, если все, что у него было на данный момент, — это мысли, как никогда далекие от расчетливости и еще более далекие от цинизма.

Ситуация выглядела безнадежной.

— А ты вообще чего такой взвинченный? — поинтересовался Самопалов.

— Устал, — честно признался Леонид Федорович. — Все думаю, как тело вернуть. Не специально. Просто само по себе так получается.

— А ты что, как отделился — все время думаешь? — искренне удивился Чибукин.

— Ну да. А как по-другому?

— Зачем?! Ну остался без тела — с кем не бывает. Нельзя все время думать! Отдых нужно не только телу давать, но и мыслям.

— А разве я тогда не исчезну? — удивился Леонид Федорович.

— Ну как сказать... — Чибукин задумался.

— Ты теперь не тело, так что сам факт исчезновения для тебя будет означать несколько иное, — тут же подхватил мысль товарища Самопалов. — Это для тела исчезнуть страшно и фатально, называется «смерть». А для сознания это просто период! Вот ты спрашивал давеча, много ли нас таких? Я думаю — до фиги! Только большинство не думает, понимаешь? Иначе шизофрения начнется. А в нашем состоянии это последнее дело.

— А как это получается? В смысле, не думать? — поинтересовался Леонид Федорович.

Теперь пришла очередь задуматься Самопалову. Судя по затянувшейся паузе, о нюансах не-думания сам он размышлял не так часто и конкретность вопросов Леонида Федоровича вогнала его в ступор.

Но мысленный горизонт беседы недолго оставался свободным. Воспользовавшись молчанием Самопалова, слово снова взял Чибукин, который и без того практически всю беседу открыто размышлял о том, что он гораздо умнее и рассудительнее своего товарища, просто не такой горластый.

— Понимаешь, какая штука, — нравоучительно подумал Чибукин. — Это для сознания в теле чем проще вопрос, тем легче на него найти ответ. А для сознания как такового все немного наоборот. В общем, я могу тебе сказать только одно. Для того чтобы не думать, нужно просто не думать. А дальше понимай как хочешь. Но стараться, конечно же, надо. Это сперва страшно. Зато потом за уши не оттянешь! А вся прелесть именно в том и заключается, что ушей у тебя больше нет, да и оттягивать тебя от чего-то ни у кого желания не возникнет. В общем, не думай сколько тебе захочется. Но не думать надо обязательно!

— А вы почему тогда думаете?

— Тебе, дураку, помогаем! Хоть бы поблагодарил! А так все остальное время мы не думаем, — заявил Самопалов.

— Между прочим, я уже задолбался думать! — тут же отозвался Чибукин.

— Да ты отродясь этого не умел!

— На себя посмотри!

Далее товарищи дружно захохотали, после чего их мысленные потоки начали стремительно мельчать, а через пару секунд исчезли вовсе, оставив Леонида Федоровича в растерянном одиночестве. Теперь он был лишен всего: тела, семьи, надежд, планов на будущее. И могла ли все это хоть в какой-то степени компенсировать женская баня, Леонид Федорович уверен не был. Хотя идея насчет отдыха выглядела разумной.

Только сейчас Леонид Федорович ощутил, насколько спутаны и обессилены его мысли. Они скрежетали, наслаивались одна на другую, раскалывались на части, проваливались куда-то, а потом снова налетали со всех сторон, заставляя Леонида Федоровича биться в бестелесных судорогах и рвать на себе такие же воображаемые волосы.

Следовало действительно успокоиться, собрать мысли воедино и решить, что делать дальше. Раз уж Чибукин с Самопаловым говорили

о не-думании настолько уверенно, Леонид Федорович не сомневался, что это простое и естественное состояние.

«Что-то вроде сна, но только когда спать совсем не хочется!» — рассуждал он, блуждая по цехам и улицам в поисках места, где никто не смог бы отвлечь его мысли от их полного отсутствия.

Вот только отсутствовать мысли упорно не хотели. Думалось Леониду Федоровичу везде. Думалось посреди цеха, думалось в гардеробе, совершенно невыносимо думалось дома, думалось в церкви, думалось в транспорте.

В роли самой последней надежды выступил безлюдный пустырь, который обреченно лежал чуть в стороне от проходной завода. Мимо него Леонид Федорович проходил каждый день по пути на работу и не переставал удивляться такой бесхозяйственности. Пустырь был большим, и на нем можно было построить что-нибудь полезное. Когда-то здесь и правда планировалось возвести некое сооружение (местами из кустов выглядывали остатки кирпичной кладки и мрачные бетонные перекрытия). Но по неведомой причине пространство было оставлено хлипкой городской природой, которая оказалась не слишком заинтересована в новых площадях и не спешила устанавливать здесь свои порядки, демонстративно ограничившись парой чахлах деревьев и чисто номинальными зарослями кустарника. Со временем пустырю все же нашли применение. Именно сюда часть заводчан выбиралась после трудовой смены для ударного распития алкогольных напитков.

Леонид Федорович быстро сообразил, что если не думать действительно возможно, то легче всего это должно получаться именно здесь, где даже обладающие своими телами люди успешно лишались многих мыслей, а некоторые — даже и сознания.

Но и посреди пустыря его ожидало жестокое разочарование. Мысли упорно не хотели смешиваться с тишиной. Более того, механизм их возникновения стал здесь проявляться еще нагляднее. Леонид Федорович быстро понял, что главная проблема заключалась в том, что мысли возникали вовсе не из него самого. Сперва на горизонте сознания появлялись некие зародыши мыслей, что-то вроде прозрачных оболочек, которые свободно дрейфовали на периферии и не были заполнены конкретным содержанием. И лишь когда Леонид Федорович обращал внимание на один из таких коконов, тот резко увеличивался, заполнял собой весь горизонт и пропускал реальность сквозь себя, словно через слегка замутненное стекло. Получалось что-то вроде калейдоскопа, в котором реальность играла роль разноцветных камешков, сознание выступало в качестве призмы, а самому Леониду Федоровичу приходилось довольствоваться ролью пустотелой трубки.

Предугадать, какой рисунок сложится при очередном повороте этой трубки, было совершенно невозможно. Комбинации и преломления фрагментов реальности отказывались подчиняться простой логике. Например, несколько галок, деливших остатки промасленной газеты, легко превращались в мысли о прошедшей молодости. Серые тучи, проплывавшие

обрывками по грустному небу, хмуро напоминали о росте тарифов ЖКХ. Колыхание крон высоких тополей навевало заунывные думы о мрачной неизбежности, дыхание которой испытывают на себе не только люди, но и бестелесные создания.

Последняя идея выскочила как-то особенно назойливо. Получалось, что это не Леонид Федорович думает о неизбежности, а она думает о нем. И в этом смысле прекратить ход собственных мыслей было ничуть не легче, чем изменить все мироздание в целом.

Поэтому разочарованному Леониду Федоровичу только и оставалось, что вернуться на завод, отыскать свое тело и хотя бы таким образом максимально сократить дистанцию между ним и своими мыслями. Хотя сейчас, в конце смены, поиск тела мог оказаться задачей не из легких.

* * *

Обыскав все возможные убежища, где с большей или меньшей вероятностью могло скрываться тело, Леонид Федорович переместился к участку засыпки. В последнее время тело все чаще использовало его в качестве укрытия. Начальство, запуганное криками Дебелины, предпочитало не появляться на участке без крайней нужды, и тело могло спокойно коротать здесь рабочее время за чтением газет и разгадыванием кроссвордов.

Но сегодня ему, похоже, удалось перехитрить собственные мысли. Облетев участок, Леонид Федорович убедился, что тела нет и здесь. Несколько раздавальщиц сонно орудовали шуфелями, конвейер продолжал наматывать километры производственной судьбы, а злосчастная вытяжка, разделившая жизнь скромного вентиляторщика на две метафизические половины, по-прежнему возвышалась в дальнем углу участка.

На секунду задержавшись возле двигателя, Леонид Федорович ощутил, как по его мысленному горизонту едва заметной рябью пробежало несколько плаксивых мыслей. Но раскисать Леонид Федорович не спешил: мысли совершенно точно принадлежали не ему.

С ним снова кто-то пытался говорить, хотя робость этих попыток делала их едва различимыми.

— Они неправильно вам сказали... про не-думание это, — лепетал чей-то неуверенный и очень тонкий голос.

— Кто здесь? — осторожно спросил Леонид Федорович.

— Да это же я — Дебелина!

Услышав грозное имя, Леонид Федорович запаниковал. Мало того что именно в разговоре с Дебелиной он лишился своего тела, — теперь он вынужден был общаться с ее мыслями, не имея возможности крутить пальцем у виска.

— А я ничего такого думать и не собиралась, не беспокойтесь! — торопливо принялась оправдываться Ерохова. — И о вытяжке мое тело тогда вам все неправильно говорило, я это сразу поняла. А на самом деле вы мне всегда нравились...

Леонид Федорович немного успокоился. Мысли Дебелины отличались какой-то прозрачной искренностью. Они совершенно не были похожи на фразы, которые обычно извергала бригадир раздавальщиц. Если бы Дебелина не представилась, Леонид Федорович мог бы подумать, что общается с юной и скромной особой, наивность мыслей которой мило переплелась с их же естественностью. Сама Дебелина, кажется, и правда не находила разницы между этими понятиями.

— Так я с шестнадцати лет вне тела, — смущенно подумала в ответ Дебелина, хотя грусти в ее мыслях Леонид Федорович не ощутил.

— Нет, иногда грустно становится, — тут же пояснила она. — Каким бы ни было твоё тело, оно же все-таки не чужое. А в жизни такие ситуации случаются, что, кроме как мысленно пожалеть саму себя, ничего другого и не остается.

— Это да, — подумал Леонид Федорович. — А вы вернуться в своё тело не пробовали? Поговаривают, что это возможно.

Вместо ответа Дебелина замаялась, призывая Леонида Федоровича обратить внимание куда-то в сторону бункеров. Там как раз показалось её тело, закутанное в прорезиненный фартук, с бесформенной и не очень свежей копной волос на голове.

— Мысленно согласиться с тем, что иногда выкидывает твоё тело, не всегда получается, правда? Да вы и сами уже все наверняка поняли, — грустно подумала Дебелина.

Леонид Федорович действительно понял, что она имела в виду. Юная шестнадцатилетняя девушка едва ли могла прийти в соответствие с телом Ероховой. Теория Чибукина трещала по швам. Да и мысли насчет не-думания в этом свете представлялись не более чем глупой шуткой.

— А вот это как раз возможно! — уверенно отозвалась Дебелина. — Только объяснили они вам неправильно. Не думать вообще — нельзя. Думать необходимо! Просто думать нужно немного по-другому. Так, как в теле никогда не получалось. Думать нужно не о чем-то одном, а обо всем сразу.

— Обо всем сразу? — удивился Леонид Федорович.

— Это значит, в первую очередь не о себе, — пояснила Дебелина. — А не получается это у вас, потому что вы до сих пор думаете так, словно еще в теле находитесь. И смотрите на окружающий мир как будто глазами, которых у вас на самом деле больше нет. А когда можешь видеть все сразу, оно как-то само собой получается, что искать смысл в окружающем мире становится не нужно. Достаточно просто смотреть.

— Вроде медитации, что ли? — недоверчиво подумал Леонид Федорович, против воли припоминая телепрограммы о различных нефизических возможностях тела, в которых медитация упоминалась настолько же часто, насколько сами эти рассуждения прерывались рекламой памперсов и средств для чистки туалетов.

— Для человека в теле медитация требует соблюдения многих условий. — Дебелина снова обратила внимание на своё тело, пытавшееся при помощи подошвы ботинка придать шuffелю необходимый угол наклона. —

Тело вообще требует многих условий. А с мыслями все гораздо проще. Даже Самопалов с Чибукиным днями напролет думают обо всем, считая, что они ни о чем не думают. Вот и у вас получится. Не сомневайтесь! А передохнуть вам действительно надо...

* * *

В очередной раз выйдя из состояния не-думания, Леонид Федорович принялся размышлять над вопросом, что именно заставляет его мысли обретать четкую форму и структуру, вне которых он только что пребывал.

Леонид Федорович был готов поклясться, что он сам не имеет к этому отношения, и в то же время, кроме как ему самому, сделать это было некому.

Подобные размышления теперь занимали большую часть времени Леонида Федоровича, когда он не находился в состоянии не-думания. А не думал он теперь часто. Можно сказать, он не думал почти все время.

Это занятие оказалось действительно очень приятным, хотя никакие оценочные категории не были способны описать всю глубину опыта всестороннего созерцания. Проще всего это состояние можно было передать отношением понятий «думать» и «не думать», в котором частица «не» теряла свой смысл, а весь мир непринужденно избавлялся от самой необходимости что-либо отрицать. При этом сам мир ничего не терял и даже наоборот — приобретал особую завершенность во всех своих проявлениях, включая самого Леонида Федоровича.

В перерывах между периодами не-думания Леонид Федорович продолжал интересоваться жизнью своего тела, хотя теперь делал это значительно реже, чем в первые месяцы после отделения. Изменился и характер этого интереса. Если раньше любые поступки своего тела Леонид Федорович рассматривал исключительно сквозь призму желания вновь вселиться в него, теперь он все чаще выступал в роли статиста, наблюдавшего за проявлениями изворотливости некоего субъекта (сам Леонид Федорович теперь предпочитал называть это жизненной хваткой), к которому имел самое непосредственное отношение, но при этом едва ли был обязан нести за него ответственность.

«Почему бы и не порадоваться за себя, даже если ты к своим успехам не имеешь отношения?» — рассуждал Леонид Федорович.

Обычно свои наблюдения за телом Леонид Федорович проводил здесь же, на заводе. Как ни странно, домой мысли Леонида Федоровича не тянуло. Возможно, за этим скрывалась сильная тоска по родным и близким, возможно — страх, что им никогда по-настоящему не было дела до его мыслей (Леонид Федорович всегда это подозревал, а теперь его подозрения были подкреплены конкретными фактами). Но главное, что, как ни жалел себя Леонид Федорович, для него стало очевидно, что без мыслей своего номинального главы его семья чувствовала себя счастливее. И отрицать это было настолько же глупо, насколько тяжело было с этим смириться.

Поэтому Леонид Федорович предпочитал встречать свое тело на остановке на улице Чигладзе, после чего некоторое время сопровождал его, старательно соблюдая дистанцию и избегая крайних оценок его поведения.

Вот и сегодня, едва осознав самого себя и немного поразмышляв об общих закономерностях возникновения сознания, Леонид Федорович неторопливо направился к остановке.

Тело опаздывало, но беспокоиться по этому поводу Леонид Федорович не спешил. Заручившись крайне лицемерной дружбой с охранниками на проходной, тело позволяло себе легко и беспечно относиться к правилам трудового распорядка, о чем сам Леонид Федорович втайне мечтал уже давно.

И лишь когда время опоздания перевалило за полчаса, мысли Леонида Федоровича наполнились тревожной вибрацией. Сегодня телу предстояло участвовать в работе заводского профкома. Оно должно было зачитывать доклад ревизионной комиссии, сидеть за одним столом с руководством предприятия. Для тела это было важным событием, и по собственной инициативе пропустить его оно точно не могло.

«Ведь так стремился и мечтал об этом!» — думал Леонид Федорович, с надеждой вглядываясь в каждый автобус и троллейбус, подъезжавшие к остановке.

Наконец тело приехало. Оно вышло из троллейбуса и тяжело опустилось на скамейку. Вот теперь Леонид Федорович испугался уже не на шутку. С телом было что-то не так. Оно стонало, прижимало руку к груди и, кажется, вот-вот собиралось рухнуть со скамейки прямо на асфальт.

* * *

— Братцы, я, кажется, умер! — вопил Леонид Федорович, носясь по цеху в надежде, что хотя бы на этот раз Самопалов и Чибукин решат прервать свое не-думание.

Смерть коллеги и правда заставила обоих включиться в осязаемый мысленный процесс.

— Да ну? — отозвался Самопалов.

— Шутишь?! — присоединился к товарищу Чибукин.

— Нет. Прямо на остановке. Инсульт или инфаркт. Скорая пока приехала... Врачи только руками развели. Все! Конец!

— Ну прими мои искренние соболезнования! — без всяких сопутствующих эмоций подумал Самопалов.

— Ага. И не падай духом! — добавил Чибукин.

— И что теперь будет? — встревоженно спросил Леонид Федорович.

— Ну что будет, что будет... Исчезнешь, наверное, — не очень уверенно подумал Чибукин.

— Как это — исчезну?

— Да так. Сознание без тела — нонсенс!

— Ерунда все это! — тут же возразил товарищу Самопалов. — Никто не знает, что происходит с сознанием после того, как тело копыта отбросит. Да и вообще, что общего между телом и сознанием? Тебе не сокрушаться, а радоваться нужно. Я вот давно жду, когда мое тело загниет. А то как подумаешь, чего оно достигло, завидно становится.

— А говорил, за телом своим не бегаешь! — тут же съязвил Чибукин.

— Да ладно, все бегают. Я в свое время нужник новый на даче осилить не мог, а этот даже баню выстроил за лето.

— А вы когда-нибудь сталкивались с мыслями умерших? — осторожно поинтересовался Леонид Федорович.

— Мысли умерших? Да хрен их знает... — неуверенно подумал Чибукин.

— Ну вы даете! Живете вне тела, а о таких вещах не думали даже.

— Ну а нафиг думать, если можно не думать? — вполне логично подумал Самопалов и в подтверждение своей идеи тут же покинул мысленный горизонт Леонида Федоровича.

Чибукин последовал примеру товарища. На мгновение Леониду Федоровичу показалось, что Чибукин хочет извиниться за глупые шутки с похищением мыла, но в последний момент тот передумал, посчитав подобные признания мелочными и неуместными.

В данном случае следовало отдать должное пронизательности Чибукина. Леониду Федоровичу сейчас было совершенно не до шуток.

* * *

Весь день после собственной смерти Леонид Федорович не находил себе места. О не-думании сейчас не могло быть и речи, так что он даже не предпринимал попыток раствориться в чистом созерцании. Созерцать, по его мнению, было нечего: мир был подчеркнуто хмур, механистичен и, главное, остался точно таким же, каким был до смерти тела Леонида Федоровича. Последнее угнетало особенно сильно.

«Как будто и не жил!» — подумал Леонид Федорович, на всякий случай переместившись в цех посмотреть, все ли добросовестно сдают деньги на похороны.

В целом коллектив не подкачал. Сдавать деньги отказались только тела Самопалова и Чибукина, которые в один голос заявили, что толком не знали Леонида Федоровича и вообще относятся к соседнему цеху, а значит, никому и ничего не должны. Но посетить процедуру прощания оба хотели, раз уж это давало возможность пораньше уйти с работы.

— А когда его хоронить будут? — уточнили они у цехового профгруппа Витьки Бабурина.

— Завтра в два. На Восточном, — ответил тот.

Узнав дату и место своих похорон, Леонид Федорович снова принялся блуждать по цехам. Очень хотелось заглянуть домой, но на этот шаг Леонид Федорович все же не отважился. О том, чтобы находиться рядом

с родными, для которых твоя смерть наверняка стала тяжелым ударом, и при этом не иметь возможности хоть как-то их поддержать, даже думать было невыносимо.

Сначала Леонид Федорович решил не присутствовать на собственных похоронах, но ближе к утру понял, что отдать дань памяти своему телу необходимо. Все-таки они многое пережили вместе, и далеко не всегда Леонид Федорович уделял своему телу достаточно внимания.

Поэтому в назначенное время Леонид Федорович собрался с мыслями и направил их к ритуальному залу.

То, как его тело выглядит в гробу, Леониду Федоровичу, в общем-то, понравилось. «На себя похож, ничего не перекошено», — подумал он.

А вот церемония прощания выглядела до обидного скромно. Пришедших проститься с телом было меньше, чем ожидал Леонид Федорович.

— А это, интересно, кто? — утирая слезы, поинтересовалась вдова Леонида Федоровича, кивнув в направлении тел Чибукина и Самопалова.

Те явились вместе с заводской делегацией и даже купили две невзрачные гвоздики.

— Коллеги, — так же сквозь слезы ответила дочь. — Тоже скорбят. Папа был золотым человеком! Особенно в последнее время. Как будто чувствовал...

Чибукин и Самопалов тем временем напряженно выжидали удобный момент, чтобы поскорее освободиться от взятых на себя скорбных обязанностей.

— Да, вот так оно обычно и бывает... — заявил вдове и дочери Леонида Федоровича Самопалов, смущенно переминаясь с ноги на ногу и стараясь не смотреть на гроб.

— Все там будем, — поддержал товарища Чибукин.

После этого они быстро положили цветы в гроб и стремительно направились к выходу, выбрав ориентиром ближайший гастроном.

— Ну что ж, вполне приличные похороны! — вдруг сказал Леониду Федоровичу Самопалов, мысли которого, оказывается, тоже были здесь.

— Вдову твою жалко и дочку. Ну да ладно, время лечит! — сухо и даже как-то официально промыслил Чибукин.

— И вы здесь?

— Ну да. Ты, кстати, молодец — держишься. Если честно, не ожидал.

— А когда мое загнетса, я к себе на похороны не пойду, — подумал Самопалов.

— Побежишь. Что я — тебя не знаю? Все за телами своими бегают, — сказал Чибукин.

— Тела ваши, кстати, приходили, — сказал Леонид Федорович.

— Это их профгруппорг Бабурин заставил, — пояснил Самопалов. — Сказал, что если раньше с работы под предлогом твоей кончины смыться хотят, то хоть на минуту, но сюда зайти должны. Мол, товарищеская

совесть и все такое... Ладно, мы тоже, пожалуй, снова не-думать будем. Тут уж, как говорится, мыслями ничем не поможешь.

— Да вы постойте, не торопитесь! Что мне дальше-то делать? — спохватился Леонид Федорович.

Но мыслей Чибукина и Самопалова слышно уже не было. Должно быть, они снова не-думали или решили провести свои тела.

Гражданская панихида близилась к завершению. Четверо незнакомых Леониду Федоровичу людей принялись монотонно вворачивать в крышку гроба блестящие и, как показалось Леониду Федоровичу, не очень надежные шурупы. Несколько раз Леонид Федорович даже слышал неприятный хруст, похожий на какие-то слова.

Впрочем, это и были слова.

— Дебелина, это вы? — догадался Леонид Федорович.

— Я.

— Спасибо, что думаете обо мне в такой момент. Вот и Чибукин с Самопаловым навевдывались. И телами своими, и мыслями.

— Не спешите о них так хорошо думать, — сказала Дебелина. — Они на спор сюда явились. Чибукин думал, что вы вопить будете, а Самопалов уверял, что на похороны свои вовсе не пойдете.

— Должно быть, я их обоих разочаровал, — грустно усмехнулся Леонид Федорович.

— А они все равно ничего не поняли. Мне кажется, они всеми силами в тела свои вернуться хотят. Сама слышала, как они рассуждали, что, раз уж их тела дачи выстроили и автомобили купили, было бы здорово снова в них пожить. А вам они просто завидовали. Сами-то, когда от тел отделились, вопили годами напролет, не знали, что и как думать. Вот и сейчас хотели узнать, о чем думает человек, когда его хоронят.

— Хотел бы я знать, о чем мне сейчас думать, — честно признался Леонид Федорович.

— А вы знаете, — подумала Дебелина. — Совершенно точно знаете! Об этом все знают, даже когда еще в телах живут. Только думать об этом почему-то боятся. Но тела всегда чего-нибудь боятся, и вряд ли их можно в этом упрекнуть.

Наконец гроб с телом вынесли к катафалку, и Дебелина, превратившись в какую-то очень светлую и невыразимую словами мысль, постепенно исчезла из внимания Леонида Федоровича. Кажется, это было то самое прощание, искренность которого только подчеркивается отсутствием слов. Леониду Федоровичу оставалось лишь удивляться, насколько пронизательными и чуткими могут оказаться мысли человека, внешность которого выглядит грозной и даже отталкивающей.

* * *

Леонид Федорович опасался, что на кладбище ему придется слишком тяжело, но на самом деле все получилось как-то быстро и буднично, если так можно выразиться о собственных похоронах.

Крест, венки, холм свежей земли — все, что было так страшно представить на протяжении жизни, теперь обрело лобовую очевидность и при этом не вызывало каких-то особенных эмоций. Даже когда Леонид Федорович остался у собственной могилы в одиночестве, чувства сожаления у него не возникло.

Возвращаться на завод не хотелось. Перед Леонидом Федоровичем вдруг особенно ясно промелькнула мысль, что после смерти на заводе появляться не просто не нужно, но даже как-то и противоестественно.

Бесцельно подрейфовав мыслями по кладбищу, Леонид Федорович решил, что единственное, чем он мог бы сейчас заняться, — это успокоиться и постараться снова ни о чем не думать. Но теперь, когда тела у него не было вовсе, временное не-думание выглядело слишком поверхностным и ненадежным. Хотелось не думать как-то посерьезнее, а если получится, то даже и навсегда.

Именно у своей могилы Леонид Федорович впервые ощутил, что это возможно. Более того — это было совершенно не страшно. Сейчас в совершенном не-думании ощущалась какая-то особенная естественность. Она выходила за рамки телесных представлений о вечности и сливалась с ощущением той самой неизбежности, которая заставляла людей совершать ежедневный ритуал своих жизней, разделяя тела с мыслями или, наоборот, не ощущая между ними разницы.

Специально подыскивать место для постоянного не-думания Леониду Федоровичу не хотелось.

«Если ты умер, все места на земле становятся совершенно одинаковыми», — решил он.

Заметив сразу за забором три тополя и покосившийся, но старательно выкрашенный кем-то сарай, Леонид Федорович мысленно пожелал счастья родным (при жизни в теле подобным образом он общался с ними гораздо чаще, так что сейчас не слишком отличался от себя живого), после чего переместился ближе к деревьям и рассредоточил мысли в окружающем дождливом пространстве.

Сразу за сараем начиналось какое-то унылое поле, но невзрачное содержание реальности совершенно не смущало Леонида Федоровича. Ведь он знал, что именно здесь брала начало целая вселенная, в которой мысли человека не отличаются от тишины, а вечный покой — от вечной жизни. И сейчас от этой вселенной Леонида Федоровича отделяла самая малость реальности — всего лишь он сам.

Илья ПЛОХИХ

НЕВЕСЕЛЫЙ ВЕСЕЛЫЙ

* * *

Летит по небу спутник
в неведомую даль.
Подайте, люди, рублик,
вручите мне медаль.
В глазах ночная немочь.
На небе — беспредел.
Летит такая мелочь,
а я вот разглядел.

Вселенная большая.
Хотя какой в том прок?³
По небу, завершая
очередной виток,
чертя прозрачный бублик
сквозь черную эмаль,
летит бездомный спутник,
кончается февраль.

Подайте, люди, рублик,
вручите мне медаль.
Летит бездомный спутник,
его немного жаль.
Так невелик, но светел
среди прочих звездных тел.
Эх, я и не заметил,
куда он улетел.

* * *

Невеселый веселый идет со своей не-своею.
Он уводит свою не-свою в золотую аллею.
Там у них под ногами мерцают осенние пятна.
Он уводит ее, но всегда возвращает обратно.

По недолгой дороге, по волглой листве тополиной
невеселый веселый идет с несчастливой счастливой
в золотую аллею, и та золотая аллея
никого не винит и часов не считает, жалея.

Я себе говорю, что и сам я живу как умею.
Невеселый веселый идет со своей не-своею
в золотую аллею, ее закольцовано русло.
— Отойди от окна, — я себе говорю, — это грустно.

* * *

Псих сочинил стих.
Стих получился лих,
можно сказать, огромен.

Псих, как бы ни был скромн,
ходит вокруг него,
думает: «О-го-го!»

Псих, как бы ни был тих,
прыгает: «Ай да псих!» —
славу стиху пророча.

Завидуем психу молча.

* * *

Читайте меня, не читайте меня,
но где-нибудь снова случится фигня.

И снова узнаете из репортажа:
случилась какая-то жуткая лажа,
и даже — какое-то дикое горе
(дай бог, чтоб не с нами, дай бог, чтоб не вскоре).

Тужи не тужи и страшись не страшись ли,
гони не гони беспокойные мысли,
а все же еще никогда не случалось,
чтоб где-то чего-нибудь вдруг не случалось.

Читай не читай — не минует. Но вдруг вы
наивно, как древние, верите в буквы
и верите снова, что слово — как витязь.
Да хоть и не верите, а — помолитесь.

2020

* * *

У нас на станции — козы.
Они такие большие.
Я чую от них угрозу,
когда не сижу в машине.

Бывает, рукой некроткой
судьба предъявляет кукиш:
нельзя не пойти за водкой —
и больше нигде не купишь.

Три дня никуда не еду,
сказав, что лежу в остуде.
Ходил на поклон к соседу,
сосед мне ответил: «Будя».

Грохочут электровозы.
Не время для променада,
когда на станции козы.
Как страшно идти. Но надо.

Октябрь

В лесу просыпали осины
свои прекрасные мониста.
У неба плащ из парусины
и суть эксгибициониста.

Сквозь небо — бледные флюиды,
неспешные, как те верблюды.
Но разве могут быть обиды
(в отличие, скажем, от простуды)?

Зубря латынь, бубни: sic transit...
Октябрь — прерывающая причуда.
Как ни хандри, а всем он в праздник
и в чудо ожидания чуда.

* * *

Говорил — уеду, а сам не ехал.
Не хватало, видно, угла наклона.
То лепил заплатки своим прорехам,
то терял зарядки для телефона.

Сколько раз почти покупал билеты,
столько раз в ночи собирал манатки...
Принимая дружеские советы,
головой кивал у пивной палатки.

Будет снег, и будут следы на белом
вокруг дома, будет пуста бравада.
Слушайте, но нам-то какое дело?
Не уехал — значит, не так уж надо.

Михаил КАЛАШНИКОВ

ТУМАН ВОЙНЫ

Главы из романа

Демон

Спустилась декабрьская ночь. Мачты сосен в парке раскачивались под налетевшим ветром. По насту гнало рыжие иголки вперемешку со снегом и чешуйками сосновых шишек.

Виктория отворила дверь вестибюля, отряхнула снег с пухового платка и плеч, обмела веником старенькие полусапожки, чьи каблуки помнили питерские мостовые. Кафельный панцирь на полу: кремовые, черные и бордовые плитки выложены в знак солнца — свастику. Владелец, строивший до войны этот дом, наверняка увлекался оккультными знаниями, в нишах на лестничных переходах и других укромных местах Вика замечала гипсовую фигурку совы, изображение распяленного циркуля, на потолке — лепнину из шахматных фигур или иные шифры.

Она попала в этот дом без особых усилий: в сентябре закрывали временный лазарет, куда она устроилась, часть пациентов лазарета переводили в дом на окраине Киева. Их раны больше не гноились, не кровоточили, но пускать этих людей в свет, «к нормальным», было пока рановато. Старший доктор вызвал Викторию для ознакомительной беседы, и она поняла главную установку этого заведения. Доктор процитировал кого-то из философов:

— В час, когда с лица земли исчезнет последний сумасшедший, мир умрет от переизбытка посредственности.

Здесь были свои старожилы, не выходившие из палат с решетками на окнах по несколько лет кряду. Были середнячки: попавшие сюда с фронтов мировой войны, травленные газами, сошедшие с ума под невыносимыми бомбежками, люди, чья психика не выдержала многих смертей, проплывших перед их глазами. И вот пришли свеженькие — жертвы взорванных на Лысой горе артиллерийских складов.

Вика довольно скоро успела со многими подружиться, а они ее даже полюбили со всем своим детским радушием, неожиданно появившимся

у взрослых, не вполне здоровых людей. Она заходила в палату к бывшему пулеметчику-вольноперу, и он встречал ее одинаковым приветствием:

— Виктория, а вы знаете, что над водопадом Виктория в полночь можно наблюдать редчайшее природное явление — лунную радугу? В мою палату такая радуга wpłyвает по утрам.

Хвостова каждый раз удивлялась и делала вид, что ей приятен комплимент. Она измеряла ему температуру, давала положенные лекарства, наблюдала за поведением, речью и всерьез начинала обманываться насчет его здоровья. Он говорил приятные, вполне нормальные вещи о ее внешности, о нынешнем положении дел, потом внезапно менялся в лице и возвращал Вику в реальность:

— Говорят, если пороховой дым рассеется, то мы сможем увидеть истинное обличие жнеца.

За пределами палаты Хвостовой рассказывал о бывшем пулеметчике его боевой товарищ — Пахом, устроившийся здесь же санитаром:

— Гришка на тот свет много народу отправил. Как до третьей сотни счет довел, так и свихнулся. А так он парняга бойкий... ему б жениться — глядишь, выздоровел бы.

В палату Федора Рыбака Вика заходила с опаской. Он не был буйным (тех держали в отдельном крыле, туда ее не пускали, и только вопли она иногда слышала), но речи его всегда леденили кровь в жилах Виктории. Пахом делился с ней биографиями пациентов: Рыбак тоже сошел с ума на фронте, но не из-за войны, а вследствие сифилиса, которым заразился там же. В свою деревню он вернулся юродивым, стал побираться у церкви и на рынке, весь заработок отдавал неимущим, перестал жить с женой, а скоро вышел на открытую проповедь, босой и без шапки. Возвещал о пришествии антихриста, снятии благодати с церкви и скором конце света. Вика убедилась, что этот сельский житель не так прост и имеет за плечами груз, выходящий за рамки церковно-приходской школы:

— Чего ждал Николка от большевиков? Что пожалеют его детей? Не станут расстреливать? А его пращур Михайло Романов пожалел Воренка? Вот и сбылось проклятие Мнишек — сгинул романовский род. И все правители в Смуту так поступали: пришел Расстрига — велел убить Годуновых — вдову и сына, а царевну Ксеньку — сначильничал. Пришел Васька Шуйский — зарядил пушку пеплом от Расстриги. Пришел Сигизмунд — сгноил Ваську Шуйского в темнице до скелета. Пришел отрок Михайло — повесил младенца Воренка. Керенский Гришку-распутника еще до своего прихода извел. Пришли большевики, не стали нового выдумывать, правление начали с убийств — перевели Михайлов корень.

Рядом с Рыбаком помещался Поэт, на фронте не бывавший, но много думавший, писавший и употреблявший. Он не скрывал, что болезнь его вызвана медицинскими препаратами, с их помощью он пытался расширить сознание и свой талант.

Поэту тоже были не чужды религиозные рассуждения, наслоенные на потрясения минувшей войны:

— Мешая прогрессу, удерживая его, церковь продлевала средневековье и огораживала человека от апокалипсиса. Костры инквизиции не

давали погрязнуть в адском огне. Но пришел Гутенберг со своим дьявольским печатным станком. Теперь мы сидим в вонючих ямах и уничтожаем друг друга. Мы обзавелись картонными крыльями, отрастили бумажные перья и думаем, что стали равными Богу. Спасибо цивилизации, что вырвала нас из такого уютного и консервативного средневековья.

Вика размышляла, что будет, если устроить публичный диспут между Поэтом и Рыбаком. Родится ли из этого научная монография или пьеса для современного театра? На ее предложение Поэт отреагировал вяло:

— Даже если разрешит больничное начальство, я с этим святошей дискутировать не буду. Вы слышали, что заявляет мой юродивый сосед? Москва, говорит, перестала быть Третьим Римом, ведь большевики из нее выгнали православие. Киев будет четвертым, вопреки заветам царя Ивана, будто четвертому не бывать.

Иногда и у Поэта бывали минуты, когда Хвостова начинала сомневаться в его болезни:

— Мы не живем, мы бредим. Я сейчас не о нас, сидящих в этом доме, а о тех, кто за его стенами. Тиф, кокаин и морфий нынче правят бал. Бред морфиниста породнился с бредом тифозного.

Внезапно он становился отчаянно искренним, с детской доверчивостью заглядывал в глаза Виктории:

— Вы знаете, милая, перед тем, как попасть сюда, я вечерами рыскал в надежде в последний раз увидеть призрак... Каждый раз мечтал заковать его в глубоком подземелье очередной ампулой, но солнце вновь умирало на моих глазах, и я слышал противные визги... Шкафы открывались сами собой, в них маячили странные рожи. Я понимал, что этого не может быть, но картинки были настолько четкие и яркие, что я уже ничему не верил, кроме своих глаз. Мозг рисует нам, морфинистам, очень правдоподобные ясности... Одни мой киевский знакомый, кокаинист правда, рассказывал, что видел, как шагает по Тверской бронзовый Пушкин. В пьедестале памятника остались четкие следы от его ног. Мозг предусмотрел и эту деталь... Мозг или сатана.

Вика думала про себя: «Вот так и мой Петя, траченный мировой войной, где-то сидит безумный, никому не нужный, покинутый в одном доме с психами».

На проживании тут находились разные мерзкие личности. К старику, носившему имя Князь, Викторию не допускали, и все необходимые процедуры выполняла пожилая сестра Клавдия. Вика выпытала у Пахома, чем страшен Князь.

— Это тот еще Гамлет! Причуда здоровая у барбоса в голове сидит. Жил себе тихо-мирно, имение там, прислуга, женился в положенный срок. А потом стали по околотку слухи ползти: завел Князь себе обычай — как возвращается с охоты или с другого отъезда, так непременно дворня вся у крыльца в господский дом собирается и туда же сама княгиня выходит в чем мать родила, на золоченом подносе чарку выносит. Он картуз снимет, перекрестится, чарку опрокинет, потом на колени перед женой становится и в оба сосца ее целует, вроде как закусывает. То ли хвалился перед всеми красотой ее, то ли еще чего... Блажной, одним словом. Дохвастался,

что жена от него с каким-то ухарем сбежала, через эту беду он к нам и попал.

...Из дворницкой появился Пахом, помог снять искристое с мороза пальто, весело предложил:

— Чайку, сестрица?

Затем взгляделся:

— Чего смурная?

— Эх, Пахом, миляга... Много ль надо сегодня для мрачности?

— Брось, сестрица. Красные Киев брали, казаки, немцы. Вот опять Петлюра пришел. Нам-то что? Как служили, так и будем служить. Мы люди нужные, для всякой власти пригодные. Властям невыгодно, если божевольные без надзора по улицам шляются.

Украину трясло от новых метаморфоз. Из небытия вынырнули Винниченко с Петлюрой, призвали население Украины к восстанию против гетмана. Киевляне, всю осень тревожно ждавшие: «Вдруг железная стена немецких штыков рухнет, и с севера хлынут орды Красной армии?» — теперь с ужасом осознали: «Боже, немцы уходят!..»

Гетман издал манифест и раскрыл карты: клялся отстаивать «давнее могущество и силу Всероссийской державы», призывал к строительству Всероссийской федерации, к воссозданию великой России. Его «Грамота» поставила крест на мечте о «вильной и нэзалэжной», оттолкнула украинских федералистов, военных и интеллигенцию.

К двадцатым числам ноября войска Директории окружили Киев. Киев молился и ждал прихода союзников, на свои силы уже не надеялись, верили только заморским избавителям. На глухих окраинах города еще до прихода гайдамаков начались еврейские погромы, шла перестрелка. К городу тошнотно накатывала подзабытая жуть. Отдельные немецкие солдаты, усвоившие скверную привычку шататься по окраинам, исчезали по ночам. Утром прохожие подбирали на улицах трупы. Немцы не показывались на улицах без оружия и ходили группами, ежедневно штурмуя начальство: «Где наши поезда? Мы тоже хотим домой! Хватит ставить нас между гетманом и этими головорезами! Мы навоевались до блевотины».

Петлюра видел, как с прибытием к нему новых повстанческих отрядов с немцев слетает спесь и боевой настрой. Повсюду на киевской земле немецкие казармы были окружены, солдатские комитеты вывесили белые флаги и сложили оружие без боя.

Скоропадский не выдержал переговоров с представителями Рады, подписал отречение от престола Украины и, забинтовав наглухо голову, выехал в немецком поезде из Киева в сторону Германии. Фронт под Святошином гайдамаки прорвали, артиллерия их гвоздила по окраинам. На Печерске завязались тяжелые бои. Утром 15 декабря Киев был в руках украинских атаманов.

Виктория, пока шли бои, несколько дней жила в доме умалишенных (Пахом делил с ней свою дворницкую), к себе на Подол пробираться боялась. Весь город со страхом ожидал прихода гайдамаков. Когда утихли мародерство и последствия еврейских погромов, Виктория решила навещать домой. Она вышла на улицу с опаской, ждала виселиц на каждом

углу, где, как предупреждали соседи, будет болтаться любой вздумавший заговорить по-русски. Город выглядел привычно, если не считать запаха гари, наплывавшего из еврейских кварталов. По-прежнему звенел в рыночной толкотне суржик, разбавленный чистым московским говором, и никто на этот говор не грозился нацепить замок. А киевлян, кажется, даже веселило, что гайдамаки ходят по Крещатику со стремянками, снимают русские вывески и цепают правильные — украинские. С новыми войсками приплыл тяжеловесный галицийский говор, набравшийся польских и немецких слов от соседей, и потеснил жемчужный и поющий народный язык, царивший здесь до этого.

По улице строем шли освободители. Словно в эволюционном калейдоскопе, мелькали они перед взглядом Виктории. Первыми шагали добровольцы — кто во что горазд, никакой строгости в форме, что было лучшее в доме или снятое в бою с приличного, не обезображенного ранами труп, то и на нем. Потом топтали снег свежие, только набранные из крестьян холоднорцы: ярко-красные шаровары, такого же цвета широкие кушаки, алые шлыки свешивались со смушковых папах, вздрагивали желтые кисточки в такт маршу. Черные свитки, отороченные серой выпушкой, дружно звякавшие шпоры на глянцевах сапогах. Следом шла синежупанная рота, одетая и обмундированная еще немцами, на белоснежных каракулевых шапках — голубые умеренной длины шлыки и вместо кисточки — желто-голубые значки национального флага. За ними шагали сечевые стрельцы. Шинелишки их, выданные австрийским интендантством, за четыре года войны пообтерлись, и поверх формы у многих были натянуты галицийские дубленые жилеты с национальным узором, под ними позвякивали медали исчезнувшей империи.

Гребни французских шлемов плыли над папахами, придавали шагавшим дополнительного роста. Прапоры гордо лопотали на ветру, трепались их замахровевшие хвосты. Лица выражали радость — вот и сбылось, о чем мечтали: объединили страну от Карпат до Днепра, а скоро и дальше объединим! Теперь у нас древний Киев, теперь мы что хочешь своротим!

В колоннах ни грамма официоза, солдаты переговаривались с прохожими.

— Зима — лиха кума! — кричала баба с обочины.

— Идэ лютый, пытае: чи обутый? — отвечал казак в худом кожушке.

Стройные ряды холоднорцев прорубили детские салазки, слетевшие с бугра. Изломанный строй захохотал, подняли срезанных санками товарищей, вываленных в снег детишек, всех расставили по местам, пошли дальше.

Виктория вспомнила тот случай, улыбнулась. Пахом подлил свежего чая. Дверь в вестибюль снова хлопнула, оба выглянули из дворничьей. На простеленной тряпке стоял господин в драповом пальто и котиковой шапке, обхлопывал себя. В черной бороде его и мохнатом шарфе сверкали иней.

— Могу ли я видеть кого-то из руководства?

Пахом закинул в рот надкушенный сухарь:

— Сейчас, обождите.

Господин расстегнул пальто, ослабил шарф. Виктория вынесла из дворницкой стул, господин любезно поблагодарил. Она почти была уверена: если просьба гостя незначительная — доктор не откажет, ведь человек он добрый и, более того, благородный. В тревожном декабре доктор приютил целую еврейскую семью. Только начались погромы, на пороге психлечебницы появился старый иудей, потом его семья в три поколения, потом узлы с вещами, а через день из флигеля и иных подсобных помещений неслась склочная ругань на жаргоне, запах жареного лука, детский щебет, стучала механическим ладом швейная машинка и на дверном косяке появилась мезуза. Доктор запоздало хмурился, но обратно семью не гнал. Женщины в благодарность за приют устроили уборку коридоров, перемыли все стекла в корпусе, оттерли подоконники и крашенные в белое двери. Еще не утихли до конца выстрелы в еврейских кварталах, а к старому Гершу прибыл первый заказчик:

— Месьё Герш, готовы мои бруки?

— Готовы, месьё Цудечкис.

Заказчик разводил руками:

— Ну, наконец-то, месьё Герш. Я вас невольно вспоминал на днях и подумал: Бог создал землю за шесть дней, а старый Герш не может сделать мне пару несчастных брук за полмесяца.

Из комнаты с затихшей машинкой выходил старый Герш, расправлял в руках выполненный заказ:

— Месьё Цудечкис, все так. Но вы посмотрите на этот мир и на эти бруки.

Заказчик тактично соглашался:

— Старая голова вынуждена говорить мудрые слова: мир несовершенен. Как, скажите, я могу делать свою работу, если ко мне приходят и бьют горшок с похлебкой об мой затылок?

Евреи долго спорили о цене, о нынешнем положении, гадали о ближайшем будущем и снова вызывали этой суетой нервную бледность на лице доктора. Потом семья ушла, машинка больше не стучала. Мезуза на дверном косяке осталась и висела там до сих пор.

Скоро пришел доктор, протянул незнакомцу руку:

— Чем обязан?

— У меня небольшое дело к вам, вернее просьба.

— Желаете пройти в кабинет? — сделал пригласительный жест доктор.

— Нет, не стоит. Мне сказали, вернее, я слышал, что у вас есть один преступник, признанный психически больным.

— У нас много преступников.

Господин шарил в карманах, выудил портмоне и долго копался в нем.

— Этот особенно агрессивен... Изнасиловал двух женщин и убил всю семью, даже детей...

— Да, есть такой. Командир Черноморского коша сам его отдал нам, решил: лучше так, чем трибунал.

Гость наконец нашел в портмоне нужную вещь — протянул доктору визитную карточку.

— Я ищу натуру для картины, пишу демона. Можно взглянуть на вашего буйного?

— Пахом, будь любезен — проводи! — разрешил доктор.

На следующий день художник появился с мольбертом, холстом и палитрой. От Пахома Виктория узнала, что преступник дал согласие на работу. Она хотела догнать художника в коридоре и попроситься побыть свидетельницей, но передумала: «Наверняка художнику не понравится моя просьба, а отказать из скромности — не сможет». Она решила понаблюдать за процессом тайно.

Вика остановилась в темном углу коридора. Решетчатое окошко, прорезанное в двери, позволяло видеть её часть палаты, но сама она была плохо различима оттуда. Пахом не оставил художника наедине с его натурщиком, остался вместе с ними, Виктория слышала его грубоватый голос, которым он общался с пациентами:

— Не вздумай баловать. Сюда садись. В случае чего — ты меня знаешь, спуску не дам.

Потом что-то тихо говорил художник, и натурщик ему так же тихо отвечал, Виктория не разобрала слов. С ее позиции был виден угол мольберта, плечо художника и его снующая рука с карандашом. Вике стало скучно, она осторожно кралась к двери. В зарешеченном квадрате наконец появилась голова натурщика, и Хвостова тут же поняла, как повезло художнику.

Сквозь черную бороду пациента просвечивали тонкие шрамы на щеках, перебитый нос бугрился, смотрел на сторону, крылья хищно раздувались. Смоляные отросшие волосы курчавились, падали на лоб и уши. Глаза светились затаенной ненавистью, и Вика засомневалась: по доброму ли согласию натурщика художник здесь. Она долго смотрела на него и стала замечать, как в глазах пациента меняется огонь, они затухают, становятся влажными, потом задергался на шее кадык и в палате раздался всхлип.

Пахом шумно вскочил на ноги, придвинулся к натурщику:

— Не балуй! Ну!

Тот закрыл руками лицо. Художник вежливо заметил Пахому:

— Голубчик, не обижайте его, вы мне все испортите.

Пациент поднял заплаканное лицо:

— Вы не узнали меня, господин художник?

В палате повисла пауза, художник выдавил:

— Нет, не припомню.

— Много лет назад вы уже рисовали меня, через деревню нашу ехали, на дороге я был, заметили. Мамке пять рублей сулились за работу... У меня тогда и волосы светлей были, не вытемнило их еще... А вы сказали, что на картине они белесыми будут.

О пол стукнулся выпавший из пальцев карандаш.

— Херувима с тебя писал...

Девушка пела в церковном хоре

Ледяной ветер со взморья. Глыбы льда, навороченные гигантской силой. Заметенные по горло парадные. Не разобрать — где мостовая, где тротуар. Обестрамваевшие улицы. Балконы, карнизы, статуи, лепнина и любые уступы на домах, за которые способна уцепиться снежинка, заросли снегом, счищать его некому. Голые фасады со следами вывернутых из кирпича вывесок, ржавые крыши с шелушащейся жостью. Стекланные витрины заколочены горбылем, кривыми деревянными щитами. Окна, где не моргнет огонек, потому что затянуты они толстыми одеялами, коврами, завалены подушками.

Летела скрипучая метель. В хороводах ее пряталась худая старуха. То кривя уродливую личину, то злорадно хохоча, стучала сухой оглоданной костью о подоконники, в заколоченные двери. Кривую, безносую рожу плющила о мутные стекла. Подолом рваного савана стегала по трепетавшим воззваниям. Они покорно шелестели, а старухе и дела нет, что в них прописано. Что ей, безумной, до известий, будто одна власть выгнала за пределы такой-то губернии другую, если ее силами промерз и скрючился от голода растерявший великолепие столичный город. Скоро вырвется старуха за его пределы и пойдет гулять широкой землей.

По вытоптаным в белых барханах тропам шатались люди-призраки. В замороженных, лишенных уюта зданиях терпели страсти безмолвные и худые. Их единственная музыка — хруст кофейных мельниц, перемалывавших пайковой овес.

Василий Голицын не был здесь ровно год. И в то время город выглядел скверно, сейчас вид его леденил кровь в жилах. Исчезли дворники, стоявшие раньше на мостовых через каждые две сажени, сгребавшие лопатами снег и тут же топившие его в своих снегоплавильных печах, установленных над ливневыми решетками. Про себя Голицын думал: «Москва так же застыла в недоумении, в страхе за жизнь. Взять хотя бы декабрьский строжайший приказ — снять в краткий срок все вывески. Их там такая пропасть, и они такие громадные, а как крепко прибиты к стенам! С грохотом валились под ноги, на тротуары, может, и убило кого. Стены домов оголились, углы выворочены, карнизы и окна разбиты. Вид — точно после пожара. И чего этим достигли? Использовать железо в дело при таком варварском сдирании уже нельзя, оно исковерканное, никуда не годное. Только портят и само железо, и кирпич, и штукатурку, и окраску домов. Одна польза — нет теперь пошлых названий: “Братья Васюки”, “Сукин и сын”, город одинаково гол и нищ».

Парадная, как и ожидалось, была заколочена, наглухо замечена. На обледенелых ступенях черной лестницы можно было убиться. В лестничных пролетах выросли желто-грязные сталактиты — ватерклозеты давно не работали, у ослабевших людей не хватало сил выносить помойные ведра в дворовые ретирадники, и они опустошали их, выйдя за пороги квартир.

Голицын взобрался на нужный этаж, долго стучал в дверь Новиковых. Из глубины квартиры наконец донеслось слабое шевеление. Изнутри долго шарили слабые руки, то ли не могли найти задвижку, то ли

не справлялись. В приоткрытую дверную щель упал вялый свет свечного огарка. В человеке, открывшем дверь, Голицын не узнал старого приятеля:

— Аркаша, ты?.. Или, виноват, Дмитрий Павлович... Вы?

— Нет, Вася, это я. Папу схоронили осенью.

Голицын грустно улыбнулся, осторожно обнял хрупкое тело:

— Это свет, наверное, так падает.

Новиков почти не ответил на объятия, остутился, невольно провел небритой щекой по шее Голицына и тут же отстранился, пряча виноватое лицо.

Внутри квартиры стоял такой же зверский холод, что и на улице, Голицына обдало духом ледяной пещеры.

— Ты здесь живешь? — пораженно выдохнул он.

— Нет, не здесь. Пойдем, — поманил его Новиков и зашаркал в глубину темной бездны.

Жуткий голубоватый свет в дрожавшей руке, рождаемый огарком, слепленным из лоскутьев, вервия и жировых отходов, выхватывал нагромождения массивной мебели, обломки шкафов, закоптелую посуду, покрытые наростами пыли волны гардин. Тускло блеснули зеленью глаза жестяной кошки, вмурованной в тело ослепшей лампы. Новиков при ходьбе держался за полированные стенки комодов:

— Натаскал, пока силы были... Из чужих квартир, опустевших. А разделить на дрова — уже не могу.

Они прошли в обширную залу, здесь когда-то пиновала их компания, праздновала первую революционную Пасху. Голицын часто вспоминал тот вечер: Петр клялся, что уйдет добровольцем на фронт, Щерба ему вторил, а Виктория собиралась убежать из дома и записываться на курсы сестер милосердия. Кажется, у всех сбылось.

Посреди залы из огромного ковра был скручен шалаш — дом внутри дома. Новиков откинул ковровую полу:

— Нырять скорее, не расходуй тепло.

Голицын проворно заскочил в низкое логово, у самого хозяина получилось не столь ловко. Голицын подал ему руку, помог опуститься на тюфяк. Внутри оказалась железная печурка с выведенной в крышу палатки трубой, труба длинным горлом тянулась к заваленному перинами окну. Печурка пережевывала осколки мебели, слабо потрескивая.

— Аркаша, тебе надо уезжать отсюда, — распаковывая сумку с сухарями, немедленно начал Голицын. — Ты либо устроишь пожар, либо угоришь в своем шалаше.

— Куда мне ехать? — возразил Новиков со слабой улыбкой фаталиста.

— Ко мне — в Москву. Ты знаешь, после годовщины Октября началась выдача всем, без различия категорий, праздничного подарка: полфунта масла, столько же конфет, по два фунта хлеба и рыбы. День и ночь у лавок нескончаемые хвосты стояли. Всем хватило.

— Без гроша и Москва — вша.

— Это все так! Но там ведь жалование, там теперь столица, служба, там и гроши, — горячо настаивал Голицын, нашаривал сухарь, протягивал Новикову.

— Всего лишь временная вежливость, из которой торчит виселица, — не заражался его жизнерадостностью уставший Новиков.

— У тебя есть в чем вскипятить воду? Давай размочу сухарь.

Новиков молча взял из его рук угощение, стал осторожно сосать потревоженным цингой ртом. Шамкая и причмокивая, он продолжал:

— Подождли Россию и наблюдают. Сидя в башне из слоновой кости, чувственно напевают «Крушение Трои»... Мы вымерзаем целыми квартирами, и наши трупы несут не на кладбища, а в зоосад, на прокорм гиенам. Вместо опустевших скотобоев работают сырые подвалы, там теперь скрипят производственные лифты, вынимая кровавые туши на свет. Скот на Руси перевелся, зато человеческого материала вдосталь. Говорят, на Невском поймали китайца из ЧК, торговал мясом. И по косточке узнали в этом куске — человечину. Стали допрашивать, признался: разделявал осужденных и приговоренных.

Голицын сам отыскал в наваленном хламе небольшой чайник, бутылку с водой, встав на колени у печки, колдовал в ее утробе, раздувая угли, почти не слушал приятеля:

— Тебе надо к доктору. У тебя ноги, десны... да и общая слабость организма.

— А зачем? — не выпуская сухаря изо рта, шамкал Новиков. — Все равно городу быть пустым, как предсказывала кикимора. Стояла на этом месте шведская Ландскрона, потом русские ее разрушили и возвели «Невское устье». Шведы снова выстроили Ниеншанц, пришел Петр и снес его, поставил Шлотбург — Петрополь — Петербург — Петроград. Нынешнему городу выпал долгий век — две сотни лет, и вновь здесь будет пустыня. Только останется торчать из болот обломок Александрийского столпа.

Глаза Голицына слезились, когда он дул на угли, покашливая, разгонял в стороны напозавший из печного зева горький морок. Тоску и дурные мысли приятеля пытался отпугнуть своим оптимизмом:

— Большевики расстарались по осени ради праздника. Красную площадь, Воскресенскую и Театральную украсили громадными плакатами, лозунгами по шаблону. Были щиты, исполненные очень талантливо, но преобладали футуристы. Мазня не веселящая, а устрашающая. В сквере против Большого театра даже кусты, сбросившие листья, раскрасили ярко, разноцветно. Наскоро наклеили памятников, бесчисленных шатров, трибун и киосков. Флаги, прочая мишура.

Баюкая Новикова ласковым голосом, Голицын думал: «До вокзала я его не дотащу, надо подправить на месте. Но чем лечить? В городе не осталось никого из всемогущего прошлого».

Аркадий дождался едва вскипевшую воду, опустил в кружку обсмоктанный сухарь. Хлебнув с причмокиванием, немного окрепшим, согретым голосом он заговорил:

— Живого человека я видел неделю назад. Сказал мне: «Эта зима самая лютая за всю историю метеонаблюдений». Я с ним заспорил: морозы не такие бывали, просто топить нечем. Вот у меня весь дом завален мебелью, но продавать дрова нельзя, они как хлеб — товар нелегальный.

Само собой, и покупать не разрешается, за это тоже: попадешься — не обрадуешься... Мы теперь как Израиль: вышли из Египта, а до Палестины дойдут лишь наши дети.

— Брось, брось, не ворчи, — повысил голос истративший доводы и терпение Голицын.

Новиков отставил порожнюю кружку, медленно укладываясь на бок, скрипел:

— Я тебя утомил своим нытьем, Вася. Я понимаю. Клянусь: если в твоих сухарях присутствует жизнь и они вернут в мои кости хоть каплю силы, я выведу тебя в здешний свет. Питер не был бы Питером, если б здесь перестали читать стихи, и можешь удивиться — их читают, даже теперь. Собираются призраки, вроде меня, женщинами не интересуюсь вовсе, стали импотентами. У женщин пропали месячные.

Скоро Новиков уснул. Голицын провел в поезде беспокойные сутки, устал и почти не смыкал глаз. Он долго гнезился в ворохе из покрывал и подушек, долго ворочался, снова колдовал над затухающей печкой, стараясь не шуметь, колол ножом щепки, вылезал из палатки с зажженной лучиной, бродил по темному замороженному гроту, потерял счет времени, не мог понять — почему так долго не настает утро? Подойдя к задропированному байковым одеялом окну, он оторвал плотно подогнанный край. В комнату упал бледный свет. Голицын испугался его, снова прикрыл окно, обратив просветлевшую и оттого страшную комнату снова в пещеру, в первобытное логово. Тихо собравшись, он прокрался к двери, уходя, подложил обувную щетку, чтобы дверь не захлопнулась.

Редкие прохожие, человеческие тени. Красноармеец на углу спросил «документ». Жалкое лошадиное копыто из сугроба, обрамленное бахромой заиндевелой шерсти, все, что выше копыта, — оглоданная людьми и собаками кость. Хотя врут, что уже и собак в городе не осталось. Около учреждения мобилизованные из «бывших» людей: старик в дорогой, но измазанной шубе, женщина с серым лицом, у третьего из-под длинного края пальто стелется ряса священника — выеденный взгляд, проседь в бороде. Вяло долбают лед, таскают глыбы на носилках, чистят вход в подвал.

На углу торговка выложила на застеленном холстиной ящике еловые ветки.

— С Рождества, что ли, здесь? — удивился Голицын.

— Что ты, милый, — растянула худую улыбку прибывшая из новгородской деревни баба, — это не для веселья. Отвар с елки для лекарства. От цинги, против куриной слепоты — первое средство.

Голицын поворошил лапник, будто что-то понимая в товаре, узнал цену, полез в карман за деньгами, спросил:

— Не гоняют тебя?

— Отцы-святители, хоть на это запрет еще не наложили, — порадовалась торговка и тут же шепотом:

— Хлебца хоть чуть нету? Я царскими заплачу.

— Откуда? — обиделся Голицын.

— Известно: у нас хлеб гребут для вас, городских, пайками раздавать.

Голицын упрятал за пазуху еловый лапник, виновато нагнул голову, пряча от торговки свое сытое, по питерским меркам, лицо.

Через два дня Новиков решил на выход из своей пещеры. Помогли сухари или горький отвар — не имело значения. Он покорно дал Голицыну выскоблить от щетины свои щеки, не возражал против стрижек, мытья головы и шеи, согласился сжечь кишевшее насекомыми белье.

Под сводами бывшего дворца, на скорую руку перекроенного в новый университет, собралась публика. Много бывших, не уехавших за границу, не вымерших в ледяных квартирах, не озлобившихся и не растерявших жизненной жажды. Среди них разговоры:

— Думаю: а вдруг за это время назначат какую-нибудь неделю бедноты или, наоборот, неделю элегантности и все мои вещи конфискуют? Попросила заявить, что сундук пролетарского происхождения, принадлежит бывшей кухарке Федосье. А чтобы лучше поверили и вообще отнеслись с уважением — положила сверху портрет Ленина с надписью: «Душечке Феничке в знак приятнейших воспоминаний. Любящий Вова».

Среди них — люди новой формации, нарождающаяся интеллигенция со своими старыми пережитками:

— Генерал был так себе, невзраченький, но голос командирский имел. Бывало, как чихнет, так у мамзели ихней аж собачка под себя мочилась, а один раз даже померла со страху, сердечко воробьиное лопнуло.

— Англичане высадили в Баку стада обезьян, обученных правилам военного строя. Их нельзя распропагандировать — у нас на обезьяньем пока не говорят. Вот с этими обезьянами может выйти заминка.

Кто-то озабоченно качал головой, другие прятали робкие усмешки и дивились святой наивности. В уголках потемнее — глухие разговоры:

— Говорят, дочь Пушкина умерла в полном одиночестве, в маленькой комнатке в Собачьем переулке.

— Чему удивляться — молодые-здоровые мрут, а тут старушка вековая.

— Уехала в Москву, спасалась от голода. Луначарский ходатайствовал и выбил ей денежный пансион, но власти так долго совещались, что Мария Александровна не дождалась — первая пенсия пришла ей в день похорон.

Голицын ухватил этот разговор краем уха и вспомнил, как сам видел хрупкую старушку на Тверском бульваре, на скамейке у памятника ее отцу. Говорили, она проводит здесь все дни до самых сумерек, всегда на одном и том же месте, и в дождь, и в снег, а приют ей дала сестра бывшей горничной.

Среди публики сновали сонмы неизвестных поэтов: вышедшие из прошлой сытой жизни, увлеченные декадансом и мистикой, ненужные слушателю ни тогда, ни сейчас. Между ними роились новые — пролетарские, крестьянско-батрацкие. Они сменяли друг друга на сцене, взаимно пыжились перед собратьями по перу и аудиторией. Чьи-то стулья пустели, на них приходили другие люди или возвращались снова прежние, по рядам бродило: «Не расходитесь, в конце обещают выступление

знаменитости». И чем дальше, тем громче слышалось из зрительной залы: «Где же мэтр?»

Очередной чтец, чье ухо резанула эта дерзость, оборвал недочитанный стих, ушел, гневно топая башмаками. Сцена долго оставалась пустой, за кулисами слышался небольшой шум и настойчивые уговоры. Ведущий в буквальном смысле вытолкнул на сцену человека с худым породистым лицом и сведенными наверх, как у Пьеро, печальными бровями. Немногие узнали в нем мэтра. Зал покрыли ровные аплодисменты, похожие на шум ночного спокойного дождя.

Мэтр долго молчал, поглядывал вбок и, видно, рассуждал про себя: можно ли уйти, вовсе не начав? Дома его ждала жена, он думал о ней: «Несчастливая бедняжка, старается прокормить меня, не пожалела пяти сундуков своего актерского гардероба, коллекции старинных платков и шалей и даже обожаемой нитки жемчуга».

Из зрительных рядов повелительно закричали:

— «Двенадцать»! Даешь «Двенадцать»!

Мэтр перебирал на месте ногами, молчал, потом вздохнул — в зале повисла тишина — и грустно сказал:

— Стихи о России.

Опять долгое молчание. Публика потеряла терпение, начала возмущаться и даже оскорблять поэта. Тогда он вздернул голову, зала притихла, и зазвучало:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

.....

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Впервые за вечер залу окутала могильная тишина. И те, кто что-то мыслил в поэзии, и те, кто никогда не думал об «этих глупостях», понимали — мы никогда не вернемся назад. В стихах не было никакой надежды на будущее, но все уверяли себя: это отчаяние и есть самая настоящая надежда. Никто не знал, что на их век уготовано много терзаний и через пару десятков лет над Петроградом, сменившим к тому времени вывеску, снова разгуляется лютая голодная зима, сотрет память об этой злой зиме, выпавшей на эпоху военного коммунизма.

За окном бесилась метель. Оглоданной трубчатой костью погромыхивала безногая старуха. Ангел Питера взирал со столба на выжженные морозом и метелями опустевшие улицы, на дикий танец безумной старухи. Над метелью, над голодом, войной и разрухой, с заплатанными полотняными крыльями и небритым лицом, плыл скорбный Ангел, ронял соленые льдинки на Россию. Ведь должен же быть Ангел и у нее. Иначе как она выстояла?

Екатерина ТРОШИНА

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ БОЛЬНО

Р а с с к а з

Петру Алексеевичу больно. И тошно, оттого что больно.

Оттого что не хватает богатырской удали, которая сдерживалась княжеским воспитанием, но все равно прорывалась в широком жесте или громком оклике. Как инструмент преподнесения себя обществу удаль была безотказна: откровенно любопытные взгляды и притворное равнодушие в глазах смотрящего — он все принимал как лавровый венец. Бравировал. Время от времени позволяя себе эту роскошь, позже платил за нее. Не золотой монетой, а муками совести — карикатурно-требовательной гувернантки, будто проверявшей урок. Тогда эпизоды чрезмерной вольности с позором изгонялись из памяти. Не до конца, конечно. Возвращались блудными детьми. Иудушками.

С годами несдержанность выветрилась, не успев превратиться в распушенность. Для Петра Алексеевича «годы» не были сопряжены с сединами, отнюдь: они пришли к нему намного раньше — холодом Ильхури-Алиня и загадками ледников. Кабинет казался приветливее балной залы, куда он входил все реже волею обстоятельств, а книги и карты не волнует экстерьер собеседника, им подавай натуру без *morte*. И Петр Алексеевич подавал. Деяние, действие, деятельность — в бурление труда физического и умственного он погружался ежедневно, не зная иного, пребывая в счастливом неведении.

Пока человеческое в нем не начало разрушаться. Он никогда не перерезал глотку недоброжелателю, только мужественно заглядывал в пасть этого жестокого соблазна, не более. Дело не в этом. Впервые Петр Алексеевич понял «человеческое» в ином значении. Дышать, не мучаясь приступами кашля, и видеть шишкинский пейзаж без налета коровинского мазка становилось все труднее. Крепостью здоровья он не отличался никогда, в жизни ему об этом приходилось вспоминать часто, но воспоминание проглатывалось с поистине аристократическим достоинством — ровно до того момента, когда глотание начало причинять стреляющую боль, против которой и выдержка оказалась безоружной.

Дошло до того, что постель осталась его единственным прибежищем. Прилежищем. Ему уже давно не удавалось обогнать резвый ветерок, проносившийся сквозь коридоры. «Набегался достаточно...» — шутил себе в бороду Петр Алексеевич, чьи мысленные странствия по знакомым лесным тропинкам заканчивались на Финляндском вокзале.

Жена Софья Григорьевна деловито жужжала рядом, ему все труднее становилось разбирать ее речь, и он довольствовался только звуком голоса, удивительно пригодного и для нежного шепота, и для боевого клича. Перед ней было стыдно особенно. Брачный договор, венчание, «в горе и в радости» — как громко, как оглушительно громко для того, что в одночасье может быть разрушено «причудами организма». Никак иначе происходящее с ним Петр Алексеевич называть не хотел. Честность ученого подсказывала ему, что так безжалостно с ним поступает старость, мучающая любое живое существо в последние годы его жизни, но это был тот единственный случай, когда всегда зоркий, пока дело касалось науки, глаз предпочитал спасительное дилетантство.

Больше всего пугала ночь. Летом она приходила робко, скромной девичьей приближаясь к охочим до поздних кутежей кавалерам. Зима меняла красавице не только прическу. Зимняя ночь была совсем другой. Разочаровавшаяся в подвыпивших гусарах и прожженных шулерах, она врывалась сквозь двери и окна неистовым зверем, стремительно растворяла интерьер и ложилась рядом, сжимая в объятьях, противоестественно холодных. Тогда Петру Алексеевичу становилось стыдно перед светильником, картиной на стене, колышущейся занавеской. Их жуткая гибель свершалась в его присутствии, но сделать хоть что-нибудь, чтобы сберечь их от участи, которую он никогда не видел, но слишком явственно представлял, было не в его силах.

А что было в его силах?

Его силы?

Были?

Сомнения, отсекаемые им ранее с точностью бывалого картографа, теперь гириями висли на руках. Руки-плети, не пошевелишь даже, чтобы отогнать непрошенных гостей, преподать им урок приличного поведения в чужом доме. Какое там! Дверь выламывают только так, новую поставить не успеваешь...

Так он и жил: предпочитая не думать, что доживает, — и думая об этом вопреки собственной воле.

— Тебе назначили сиделку, — заявляет в один из мрачно насупившихся дней Софья Григорьевна, терпящая все, кроме возражений.

Несколько минут требуется ему, чтобы бесформенные звуки ее голоса расшевелили воображение и оно вывело перед ним смысл корявыми чернильными буквами. Право, не может не злить, что наследство приносит больше горестей, чем радостей. Проклятый семейный недуг!

— У меня это вызывает только сочувствие к даме. — Петр Алексеевич боится даже думать, как долго он складывал нехитрую, на первый взгляд, фразу, какие прежде моментально высекало искрами благородное воспитание.

Сиделка. Само слово уже раздражает. Веялка, сеялка, сиделка... Петр Алексеевич прокашливается, призывая на помощь некогда зычный голос и готовясь сформулировать первый аргумент против — предрассудков, лингвистических конфузов и самого решения, — одновременно возвращаясь в мир осязаемый, туда, где он уже не может разразиться едкой тирадой. Возраст не тот. Да-да, возраст!

— Не паясничай и не пугай ее с порога, — добродушно реагирует на его реплику супруга, чуть отходя в сторону от дверного проема. — Знакомься! Екатерина Андреевна.

Тоненькая, хрупкая фигурка, для которой эти эпитеты справедливы даже на расстоянии вытянутой руки, неловко жметя к стене. Петр Алексеевич долго не может рассмотреть глаза — первое, на что он всегда обращает внимание. Зрение не радовало давно, но не это главная причина затруднений: девушка усиленно созерцает деревянный пол.

Пусть не смотрит. Пусть не смотрит, ибо он давно переиграл в своей трухлявости доски небольшого, но верного жилища, терпит поражение по всем фронтам в бою с надвигающимся будущим. Но не бежит от позора, а спокойно капитулирует, покоряясь закономерности. С ним будут спорить, он знает, будут убеждать, твердить «дёржитесь молодцом», «вам к лицу возраст» и бессмертное «все там будем». И хорошо, если так. Это «хорошо» Петр Алексеевич старался вывести-вычленил из любых обстоятельств.

Хорошо бы ей и правда не смотреть на него. Но она вдруг смотрит.
— Здравствуйте.

Капелькой росы, аккуратно покидающей сторбленную травинку, сходит на него приветствие. В Екатерине Алексеевне юность зрелая, он и не знал, что такая бывает. Не знал, но сейчас понял это, застыл в благоговейном возбуждении первооткрывателя. Длинная шея, длинные руки — в ней все длинное, протяжное, еще не тронутое тяжестью семейных забот и скверной лихолетья. Летне-пшеничные волосы убраны в небольшой пучок, не удержавший, впрочем, несколько вьющихся прядей, спадающих на лоб — широкий, но не давящий на чуть вытянутые глаза, для которых любопытный прищур кажется естественным.

— Когда-то ты реагировал на прелестных барышень более оживленно, — безжалостно нарушает тишину Софья Григорьевна, довольно ухмыляясь себе под нос. — Екатерина Андреевна будет приходить каждый день, обращай к ней по любому поводу. Я уже дала ей предварительные инструкции. Она девушка сообразительная, а в случае чего я подсоблю.

Ей хочется сказать что-то еще, Петр Алексеевич угадывает это — возраст приносит обостренное чувство невысказанного, — но ее намерение так и остается лишь трепетанием в воздухе. Софья Григорьевна волнуется, принимая свое чувство за случайный сбой в гармонии всегда ровной осанки и нескгибаемого характера, и сейчас волнение выталкивает ее из комнаты к домашним делам, среди которых она ощущает себя уверенной и полновластной хозяйкой.

Петр Алексеевич пытается чуть приподняться с подушек. Инстинктивное движение. Впрочем, он, похоже, забыл об истинно животном

значении понятия «инстинкт». А еще ученый! Тщетно: локти неловко разъезжаются, восхождение заканчивается, толком не начавшись. Хорошее начало знакомства, можно сказать, многообещающее. Остается лишь растерянно повести бровью, пытаясь выдать случившееся за досадный казус.

Борясь с замешательством, Екатерина Андреевна делает осторожный шаг. Небольшой, крохотный — точно воду пробует, входя в реку в жаркий полдень.

— Да вы не бойтесь, — срывается с языка прежде, чем Петр Алексеевич осознает, что едва ли его укутываемая в остатки достоинства немощь может внушать страх.

— Я не боюсь. — А голос подрагивает, подрагивает против воли владелицы, не лишаясь, однако, чарующей мягкости.

Хочется, чтобы она повторила это еще раз. А потом еще. И так до тех пор, пока от забытья в нем не очнется все молодое и отважное, не вскинется против напора времени. Пока он сам не поверит в то, что не боится. Она не боится — и он. Он тоже не боится!

Ее присутствие теперь воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Они не знакомы и двух минут, но кружащие в диковинном танце руки сплетают вокруг него камерный мир покоя, используя для этого такие смешные вещи, как одеяло и простыни. Петр Алексеевич даже не задумывается о том, когда он подпустил эти руки к себе, когда она успела оказаться так близко, что близость пространственная и душевная (именно душевная, а не духовная) потеряли всякое различие. А действительно, какая разница? Для него — отныне никакой, и он вновь вспоминает об этом, когда Екатерина Андреевна возвращается уже в другом платье. Из прошлого подсказывают, что, видно, уже прошел день, но двадцати четырех суровых минувших часов он не ощущает, ему кажется, стрелка подвинулась едва ли на деление.

Так шло их время.

Было бы наивным полагать, что паразиты сердца оставят заживать выгрызенные раны и даруют покой, но отчего-то стремление выдворить их собственноручно, ранее угасавшее с каждой минутой, обрело новую силу.

Она всегда входила неслышно, не тревожа ни миллиметра старых половиц, и за секунду до пробуждения Петр Алексеевич пытался угадать, увидит он ее сейчас перед собой или нет. Здравый смысл подсказывал, что Екатерина Андреевна дежурит рядом почти безотлучно, и Петр Алексеевич играл в рулетку предположений, упиваясь предвкушением неизбежного выигрыша.

Ему нравилось ощущение ее прихода. В самом деле — к нему давно никто не приходил: ни восторженный студент, ни, будь оно трижды неладно, вдохновение. Последнее, казалось, и вовсе позабыло его адрес, бессовестно проводя вечера у новых героев пера — гусяного ли, павлиньего или вороньего. Петр Алексеевич не обижался: не пристало ему обижаться — не позволяла гордость, приобретенная предками в далекие века и любезно переданная потомку (хоть что-то, кроме болезней). Расстраивался — как расстраивается долго и верно служившая великой

миссии рождения звука виолончель, чьи струны стали жестки и больше не слушались искусных рук.

Он всегда приходил — к новому горному массиву, смелому выводу, любимому человеку. И к нему приходили — успех, слава, выдающиеся современники. Это каждый раз была некая вершина. На ней делаешь глубокий вдох — и отпираешь душу для новых открытий.

А потом вершины стерлись. Сжались до крохотных бугорков — и вовсе исчезли, превратившись в редкие грязные пометины на линии жизни, летящей «без цели и следа, Бог весть откуда и куда»*.

И вот давно забытые образы вдруг начали возрождаться.

Екатерина Андреевна чувствовала его интенции за мгновение до того, как те выражалась каким-либо видимым образом. Поистине поразительное умение! Он с детским удивлением смотрел на вложенный в его руку стакан воды и гаснущую ровно в девять свечу. Мысль обретала форму, форма — содержание. Петр Алексеевич же не прикладывал для этого никаких усилий: не смог бы, даже если бы и захотел. Но чудо все равно свершалось.

Они никогда не разговаривали. Софья Григорьевна несколько раз на дню заглядывала в комнату, сталкиваясь разве что с тенью некогда пламенного оратора и плохо пряча удивление. Этот дух комнату Петра Алексеевича не беспокоил. Не в присутствии Екатерины Андреевны.

Иногда она кружила в изящном танце с метлой. Партнер ей катастрофически не подходил — низкий, уродливый и совершенно не знающий фигур. Но даже он не мог испортить туры вальса, переходившие в мазурку, — нечто давно забытое, оставшееся на дне облезлой шкатулки среди пожелтевших листков, когда-то выданных из календарей. Следить за ней неотступно, сделать ее кометой догорающих дней, превратиться в художника... Петра Алексеевича мучило осознание, что белый холст так и останется белым, что у крыльца не выстроится очередь из мэтров Академии (и лишь позже он вспоминал, что новый мир нещадно потрепал их дипломы и грамоты), что она останется лишь в его памяти — хранилище слишком ненадежном и уж точно недоступном человеку грядущего.

Быть может, к лучшему! Делиться? Нет, помилуйте, он только и делал, что делился и делил. Нехитрые математические операции осточертели до сдавленного стога. Подводя итоги и окидывая взглядом нетленное, не хочется видеть полумеры и полувещи — повидал достаточно.

Он тут же укорял себя в малодушии. Да, душа — кроха, душа — пепел, которым только голову посыпать...

Умиротворив быт вокруг себя, Екатерина Андреевна садилась к окну. Пишущая машинка на столе перед ней когда-то гулко отчеканивала мысли своего владельца, но сейчас молчала, только удивляясь даме, посетившей ее механическое уединение. Стоило бы Екатерине Андреевне дунуть — бумага бы затрепетала стихом, Петр Алексеевич верил в это тверже, чем в законы природы. Но девушку помощница пишущего интересовала мало. Она застывала в одной и той же позе, вся устремленная

* Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». — Прим. ред.

в законный мир. Ее глаза исследовали его быстро, живо, перескакивая с предмета на предмет, с прохожего на прохожего.

Разноцветная листва, то и дело пронзаемая солнечным лучом, иногда позволяет ему прикоснуться к земле, но тут же играючи перекрывает его путь, колеблемая старым добрым другом — юго-восточным ветром. Кроны шумят, волнуются. У этой музыки нет нот, музыка подлинная, не закованная в репризы и требования крещендо-диминуэндо. Свои голоса порой подадут пробегающие мальчишки, увлеченные играми, в которых правила придумываются только ими. Окрик матери, согнувшейся под тяжестью молочных бидонов, — и вот юнцы уже переходят на шаг, еле сдерживая рвущееся к горизонту беззаботное веселье...

Все это увидеть из окна невозможно. На улице завывает косматый февраль, обламывая хрупкие голые ветви, серое небо покинуто светилом, а дети укрываются от метели дома, и лишь редкий прохожий неуклюже бредет, скользя на ледяной корке дороги.

И все же Петр Алексеевич думает, что Екатерина Андреевна видит именно это.

— Уходите, — выдыхает он однажды, пытаясь придать себе хоть толику величия.

Неясно, сколько дней прошло с их встречи, для него они все слились в бесконечное море размышлений, подстерегающих перед сном, после сна и даже в самих снах.

Испуг, сквозящий в ее движении, ранит глубже кинжала. Он не хотел быть жестоким.

— Пожалуйста... — Он пытается смягчить свою резкость, сдобрить всегда вырвавшимся словом, но оно бессильным серым зверьком забивается в угол, отказываясь от роли помощника.

— Что вы такое говорите?

Даже после многих часов, проведенных вместе, он все равно удивлен, на этот раз — позабытой глубиной ее голоса. Нет, воспитанное годами научных исследований умение видеть и слышать не исчезло, как бы ни хотел Петр Алексеевич. Сейчас он действительно этого хочет.

— Я прошу вас уйти, Екатерина Андреевна. — Не подведи, точность формулировок! — Уйти не из комнаты, не для моего получасового уединения, — поверьте, я уже способен оставаться один в любом обществе... Я полагаю... — Осечка. — ...полагаю, что не должен вас задерживать... тяготить...

— Вы нисколько меня не...

— Позвольте! Вы исключительно вежливы. Молоды. Я исключительно брюзглив и стар. Не способен подняться с кровати, самостоятельно есть, пить. Простой вдох — действие, доступное каждому живому организму, — скоро станет недоступным для меня. Пусть вас не пугают эти слова: напугать вас я хотел бы в последнюю очередь. Признаюсь, они пугают меня, хотя вам, наверно, кажется это смешным — зачем старику понапрасну тревожить воздух в легких, тратя его скромные запасы? Если я что-то и понял за свою жизнь, так это то, что громко высказанное опасение перестает быть таковым. Считайте это экспериментом, который я все еще в состоянии поставить.

Грудь предательски взрывается кашлем, словно протестуя против сказанного, и Екатерина Андреевна проворно приподнимает больного над подушкой. В ее глазах — страх и лихорадочное стремление понять только что услышанное.

Петр Алексеевич некрепко сжимает ей запястье, отводит ее руку в сторону. Она не сопротивляется.

— Видите, — грустно улыбается он, — жалкое зрелище. Вы достойны лучшего.

Екатерина Андреевна чуть отходит назад, неуверенно вглядываясь в его лицо. Борется сама с собой. Борется долго, и эта борьба вызывает в нем благодарность горячую, даже обжигающую. В конце концов, он может еще немного посмотреть на нее, лучше запомнить черты, которые тысячи раз пытался сознательно вызвать в памяти, и тысячи раз — безуспешно.

— Возможно, я совершаю самую большую ошибку в своей жизни, — произносит Екатерина Андреевна.

— Вы совершаете очень великодушный поступок. Не уверен, что самый. Ваша жизнь еще впереди.

Она улыбается. Печально, кротко, растерянно оглядывая комнату, будто проверяя, нет ли изъянов, требующих ее срочного вмешательства.

— Я распоряджусь насчет вашего содержания! — спохватывается Петр Алексеевич. (На что она будет жить, если оставит работу?)

И в следующую секунду очарован плавным покачиванием ее головы. Ей нет до этого никакого дела. Она сосредоточенно роется в небольшой сумке, выуживает из нее колокольчик, и тот приветствует комнату мелодичным звоном.

— Оставляю его вам. На память... Так и Софью Григорьевну вызвать будет проще. А я... Я живу неподалеку. Если что, ваша семья всегда может ко мне обратиться...

Колокольчик оказывается на тумбочке рядом, и Петр Алексеевич видит свое размытое отражение. Сохранить что-то, кроме воспоминания, чего иногда можно коснуться рукой, метафорически возродив почти стершуюся связь... Соблазн велик, но с соблазнами он успешно боролся даже в юные годы, тем более в зрелости удавалось одержать верх.

Он приходит... Мысль продирается сквозь туман сомнений, вспыхивает ярко и так неожиданно, что глубокие морщины старческого лица разглаживаются, словно от созерцания невиданного, от осознания возможности хоть на минуту вынырнуть из неуправляемого потока, несущего к смерти.

Он последний раз приходит к выбору. Важнейшему сейчас выбору, ни малейшего колебания на этот счет. Значимость его не уместится ни в один том, но вместить ее и не надо. Ее надо понять, принять со смирением последнего праведника и...

— Оставьте себе эту прелестную вещицу, Екатерина Андреевна. Я все же анархист.

...сделать выбор.

— А колокольчик — символ власти.

Андрей ЖГУТОВ

БОРОВАННЫЙ ДИАКОН

Р а с с к а з

В самом начале двадцатого века в селе Верх-Ирмень Барнаульского уезда Томской губернии усилиями священника Феодора Сапфинова был построен одноэтажный Пророко-Ильинский храм, получивший название в честь пророка Илии. В этот приход стекался народ из близлежащих деревень: Плотниково, Половинное, Панькино, Козиха, Еремино. Два служителя церкви — священник Илларион и псаломщик Кир — с усердием отпевали покойников, крестили новорожденных младенцев, реже — венчали супружеские пары, и совершали все иные положенные требы.

С приходом советской власти были напрочь снесены почти все Божьи храмы. А которые не разрушили и не растащили на кирпичи и бревна, заколотили досками и забросили. Ильинский храм был закрыт в октябре 1937 года. Трехъярусный, позолоченный по-красному иконостас погрузили в машину и увезли. Вместе с ним канули в неизвестность серебряные дарохранильницы, напрестольные кресты, серебряный потир, звездица и лжица, а также Евангелие в серебряном окладе. Колокола и позолоченные купола также сняли и увезли в город, саму колокольную разобрали, к зданию приткнули несколько пристроек и спустя год открыли клуб. Молодежь, воспитанная на атеизме, в танцах под гармонь и балалайки дробила каблуками деревянный пол, истертый коленями и лбами верующих, горланила под гармошку похабные частушки. Пили самогон, тут же блевали, смачно целовались в потемках, где раньше стоял иконостас.

Старики и старухи, всю свою жизнь молившиеся в своей церквушке, вмиг осиротели, словно малые дети, у которых отобрали любимую тряпичную куклу. Понося на чем свет стоит председателя колхоза, парторга Илюху, комсорга Тимошку и до кучи советскую власть, они принялись отбивать поклоны у себя дома, а позже тайно создали свою домовую церковь. Для этого дела облюбовали брошенный бревенчатый сруб с крышей, покрытой прогнившей дранкой. Собравшись как-то в выходные дни, позатыкали швы льном и мхом, вставили окно, два других просто забили досками, а внутрь насыпали опилки, покрыли старым тесом крышу и стали там тайком, сначала по воскресеньям, а потом и в будние дни, собираться. Чем смогли, нарядили нутро избы, подклеть обили свежестругаными досками, а потолок и печь обмазали глиной. Потом и побе-

лили. Получилось скромно и уютно, вроде как живет кто-то, на Божье заведение отремонтированный дом совсем не походил.

Приходящие на службу деды и бабки в нужное время собирались в сенях, потом проходили в горницу и сначала звучно отбивали поклоны и крестились на маленькие иконки, которые приносили с собой, а потом, закончив молебны, долго еще толковали о житье-бытье. А поговорить было о чем. Костерили председателя и его «банду», соседей, торговков, продовольственный магазин и затетеху Глашку, стоящую за прилавком в этом самом магазине, и только ближе к ночи споры стихали. Деды смолили сигарки возле входа и судачили о своем. Выпустив пар, бабки, прихватив дедов, расходились по домам.

Иконы и огарки свечей уносили с собой, потом образа стали оставлять в доме, соорудив для этого полки-божнички. Назначили местного сторожа — кривого от рождения Иннокентия — караулить помещение и охранять его от мальчишек и всякого рода любопытных и кляузников. В избе появились также толстые свечи, лампы, ладан. Бабы окутали образа вышитыми рушниками, а на пол кинули половики. Но не было главного — священнослужителя, который мог проводить всевозможные обряды и таинства! Вот этого-то где взять, откуда привезти, никто подсказать не мог, потому как, во-первых, боялись — если прознает ОГПУ, можно запросто угодить в каталажку, а во-вторых, поп-то ведь фигура как бы при Боге, от сырости они не заводятся. Те, которых увезли еще в двадцатых — тридцатых годах, уже вряд ли вернутся. Что делать?

Были предложения: выкрасть из города, там вроде, по слухам, храм оставили да при нем несколько служителей. Одним больше, одним меньше, никто и не заметит, а здесь он как воздух нужен, как керосин для лампы. И лучше всего — поп!

Решение принимали на воскресном сходе и порешили, что поп — фигура яркая, хватятся сразу, искать начнут. Утащить кого-нибудь саном поменьше, незаметнее, мож, и не хватятся.

Решено было немедля отправить в поход за Божьим человеком две подводы и при них четверых крепких мужиков. До города путь предстоял неблизкий, верст семьдесят пыльных дорог, множество проездных сел, да лихих людей немало на дорогах. Мужики запаслись топорами, у двоих после Гражданской остались обрезы с горсткой патронов в тряпице. Собрали им харчей на неделю: сала, сухарей, меду, моченой брусники, связку сушеных карасей — и, благословясь, отправили в путь. В сельсовете соврали, что мужики поехали-де на похороны родственника да подсобить там, подлатать и продать хозяйство, которое осталось после покойного. Отправили и стали ждать...

Мужики приехали довольно быстро — через пять дней. На одной телеге, и в ней — закутанный в мешковину, словно младенец, дьякон. Как потом выяснилось — иподиакон. Но это сути не меняло, верующие люди были готовы целовать руки и молиться на него, лишь бы это был человек Божий. Мужики были побитые и оборванные, зло и страшно сверкали глазами и на вопросы не отвечали, отмахивались, мол, потом все расскажем.

За стаканом самогонки разговорились и поведали собратьям, что в дороге нарвались на бандитов. Те напали ночью, когда мужики отдыхали вокруг костра. Но Тереха, озорной парень, незадолго до этого отлучился до ветру, а когда, сидя в кустах, услышал шум да крики, моментально все понял. Чисто случайно он и до ветру пошел с обрезом, прям со спущенными портками выскочил на поляну, где тлел догорающий костер, почти в упор пальнул в незнакомую спину. Мужик охнул и плашмя завалился на Ерофея, которого до этого успел несколько раз огреть кистенем. Пока Тереха передергивал затвор, остальные бандиты дали деру, успел только выстрелить в темноту.

Оказалось, что малец убил одного и ранил другого из нападавших. Второго, с простреленной грудью, нашли по слабым стонам недалеко от лагеря, видно, дружки его бросили умирать. Раненый то впадал в беспамятство, то очухивался — в эти малые промежутки времени мужики и узнали, кто на них напал. Банда состояла из кулаков-переселенцев, которые дали деру еще пять лет назад. Преступники орудовали вдоль Томского, Барнаульского и Рубцовского трактов и звали себя бандой Русанова. Нападали на магазины, склады, продуктовые обозы, одинокие подводы и отличались крайней жестокостью — не оставляли в живых никого. Однажды они застрелили трех колхозниц, а вместе с ними и тринадцатилетнюю девочку. Ирменские раненого бандита без сожаления добились и вместе с другим жмуриком закопали в овраге в паре километров от ночлега.

Когда подвода только въехала во двор, когда мужики и бабы с любопытством размотали пыльную мешковину и увидели испуганное лицо священнослужителя с тощей козлиной бородкой, впалыми щеками и огненными глазами, от которого нестерпимо несло мочой, — испугались содеянного. Совершили грех — украли человека, да еще приближенного к Богу. А вдруг возьмет этот человек Божий да прямиком в ОГПУ? Тогда всех на каторгу, лес валить да снег по всей Сибири убирать, никого не пощадят! Вот что натворили!

Первой мыслью было — тут же прибить этого козлобородого, и концы в воду. Наведет еще, анчутка, на моельный дом, на кающихся в нем грешников, на детей их. Ой, что будет! Да всех скопом, не разбираясь, в кандалы да в Магадан. Этого жуткого слова не боялся разве только годовалый ребенок да свиньи в хлеву, у всех остальных название города вызывало просто панику. Особенно усердствовала пожилая и одинокая тетка Хавронья. Имея внешность Бабы-яги и мерзкий писклявый голос, она визжала резаным поросенком, крутясь вокруг телеги с иподьяконом.

— Удавить его к чертовой матери, окаянного! — вопила она. — Он нас всех продаст, как Иуда! Он на Иуду-то и схож своей мерзкой бороденкой, а глазищами-то водит, словно жерновами ворочает!

— Да обожди ты, старая карга, — отталкивал ее от испуганного монаха мужик по имени Илья, из той четверки, что и выкрала священнослужителя. — Дай человеку оклематься. Он добрый мальи́й и ничего худого про нас не думает. Он всю дорогу просидел в телеге, как мышь, до ветру даже не ходил, все под себя делал. Мы ему твердили: подумаешь, оторвали от Божьего промысла, так ведь к другому приставить хотим. Факт!

Так ведь? — Он нагнулся прямо к лицу диакона, сверля его своим лютым взглядом. Монах в судороге затряс своей козлиной бородкой.

— Ну вот, видите, люди добрые. Схимник не против послужить нам верой и правдой в новом приходе!

На том и порешили. Насилу утомонили голосащих баб, отогнали настырных мужиков с вилами.

Иподиакона звали Харитоном, и он был совсем не против остаться в этом доме Божиим, лишь бы его кормили да принесли кое-какую одежду, штаны, рубаху или подрясник. Мужики, погрозив ему перед носом своими могучими кулаками, напоминающими самые здоровые магазинные гирьки, сказали, что не дай бог, ежели чего. Под землей найдут, из ада выкрадут, срок отмотают и придут, а шкуру живьем спустят. Харитон хлопал своими огромными глазами на ходящие перед самым носом «гири» и свято верил в мужицкие угрозы, поэтому никуда бежать не собирался и даже втайне был рад, что его увезли из городской церкви. Теперь решить вопрос с пропитанием и жильем, а там как повезет — Сибирь большая...

Поселили диакона в молельной избе, в глухой подклети. Вроде все получалось по-божески. Притащили матрас, набитый соломой, подушку с цветастой наволочкой, старый, простреленный в нескольких местах зипун вместо одеяла. Оставили немного харчей — серого отрубного хлеба, с десятков отварных картофелин, пару головок лука да чугунок воды. В корчажке — горсть соли. Доброхоты прибавили к этим яствам пяток вареных яиц и кринку молока. Ешь, Божий человек, да нас слушайся. Мы люди добрые и тебе добра желаем. Если ты к нам по-хорошему, то и мы к тебе со всей душой. С такими словами захлопнули перед ним входную дверь и повесили на нее большущий амбарный замок.

Иподиакон прижился в Верх-Ирмени. Днем он облачался в мирскую одежду, что-то делал в «Божьем храме»: деревянной лопаткой конопатил швы между бревен, просеивал и подсыпал землю на крышу, утеплял волокнами льна окна и дверь. Короче, занимался по хозяйству. А вечером, нацепив на себя стихарь, перекинув через плечо орать, скроенный на глаз и сшитый из холста бабами, он тут же преображался. С громадным железным крестом во все пузо и толстенной цепью, выкованной местным кузнецом, он натурально походил на священнослужителя. Образ дополняли поручи, которые он соорудил из портянок и которые лохмотьями свисали с рукавов. В таком виде он пел молебны, произносил наставления и проповеди. А прихожане, усердно отбивая поклоны и осеняя себя крестным знаменем, рассчитывали на милость Спасителя. Так как у Харитона не было Октоиха — богослужебной книги, он приноровился читать молитвы по памяти, те, что учил еще подростком из молитвослова, но их было недостаточно для полноценного молебна, и он стал включать молитвы собственного сочинения. Так появилось полное молитвенное правило на каждый день от Харитона. Утром он читал «Царю Небесный», «Трисвятое», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». Вечером — «От сна восстав», «Помилуй мя, Боже», «Символ веры», «Святый ангеле». Если оставалось время, Харитон бубнил «Боже, очисти», «К тебе, Владыко», «Пресвятая Владычице». И под конец молебна призывал имя святого и просил

прихожан покреститься за живых и усопших. При этом он помахивал самодельным кадилом, обходя престол, иконы и наполняя молитвенный дом фимиамом. Кадило, как и лампы, соорудил из консервных банок местный мастер-самоучка, который в рабочее время трудился на зернотоке. Он же снабжал ладаном, которым сам заправлял кадило, но на богослужения не ходил — то ли боялся власти, то ли уже отвык от молитвенных.

Иногда Харитону приходилось крестить детей — как правило, происходило это на сороковой день после рождения, чтобы на ребенка скорее снизошла благодать и тот обрел своего ангела-хранителя. С ловкостью окунал младенцев в купель, напевая при этом «Символ веры» своего сочинения, надевал на младенцев нательные крестики и собственноручно укутывал их в крыжму. В конце обряда давал всем целовать свой жестяной крест и причащал. Купель для крещения тайно заказали бондарю из соседней деревни Козихи. В Верх-Ирмени не было своего бочарника. Старого Гордея, руками которого были собраны почти все кадки и лоханки в Верх-Ирмени, за контрреволюционное вредительство арестовали чекисты еще осенью 1936 года. Вместе с ним в розвальнях увезли его расщепленную жену, сторбленную старуху-мать и двух взрослых детишек. Больше их никто не видел, а спросить, что с ними, все боялись. Поговаривали, что у Гордея во время обыска нашли какие-то деревянные заготовки, еще с Гражданской. Вроде белякам винтовки чинил да колеса тележные прачил. А может, беглым дезертирам и конокрадам.

Прошли остатки лета и осень. Прихожане привыкли к самодельной церкви, своеобразному молебному дому, всячески его оберегали и лелеяли. И помалкивали. Стать прихожанином православного прихода было не так просто. Сначала община выбирала верующего сельчанина, который мог осенить себя знаменем, где-то упомянуть имя Господне. Потом долго к нему приглядывались: велика ли вера его в Господа? А уж потом просили присоединиться к святому таинству, то есть к ним. И даже не давали выбора.

Кормили Харитона сносно — порой у него на столе появлялось мясо, добытое каким-нибудь охотником, сало и телячьи мослы. Сердобольные тетку украдкой совали ему самогонку, доброхоты приносили потрепанную одежку, парусиновые боты, галоши. Бабы наполняли храм посудой и церковными принадлежностями, каждую неделю делали генеральную уборку помещения, скоблили ножами пол, мыли единственное окно и гнали мыться Харитона. Он, в свою очередь, мыться не любил, считая это грехопадением, и, когда бабы на него напирала, вытесняя его своими рыхлыми телами из избы, яростно отмахивался от них кадилом и во весь голос орал псалмы. Иногда грозное пение из баса переходило в визг, отчасти напоминающий визг зажатою дверью поросенка. Женщины отступали, боясь, что схимник своим визжанием привлечет внимание наушников, а те, в свою очередь, доложат милиционеру. А это конец. Не только Харитону, но и всему приходу. Но пока обходилось.

Иподиакон освоился в новой обители, приловчился к богослужениям и, поняв, что он тут самый главный, начал устанавливать свои порядки, объясняя все Божьей прихотью. Заметив однажды деда Устина, осенявшего себя крестным знаменем левой рукой, тут же указал ему на бого-

хульство и остановил вечерню. Бабки тупо уставились на «батюшку» и сначала не поняли, в чем дело, — у Устина правый рукав пиджака был заправлен в карман. В 1920 году Устин Бабич служил у товарища Буденного и в одном из конных сражений под Ростовом был ранен. Юркий вахмистр, отражая удары Устина, успел рубануть его шашкой по правой кисти так, что отрубил три пальца. Тот выронил шашку и завалился на левый бок. Белогвардеец поймал удачный момент и со всей дури приложился по уже раненной руке Бабича. Рука выше локтя, вместе с рукавом шинели, упала под копыта лошади, а следом — и сам Устин. С тех пор прошло много лет, и однорукий Устин полностью освоил левую руку, даже умудрялся самокрутки крутить. И крестился тоже левой рукой.

Харитон отсутствие руки заметил, но заострил внимание на том, что при совершении ритуала следует класть крест как все, а не зеркально, как это делал Устин. То есть левую руку необходимо, как и правую, поднести ко лбу, потом к животу, после к правому плечу, а затем — к левому. Устин начал выполнять указание Харитона, запутался в своих телодвижениях и, плюнув, вышел из избы. Бабы зашептались, а иподиакон продолжил священнодействие.

Когда после литургии бабки в очередной раз оставались в избе, чтобы посудачить и посплетничать, Харитон решительно стал гнать их из помещения. Объяснял это тем, что церковь не место для разборок и это считается грубым неуважением к святым. Мирские дела, напутствовал иподиакон, несомненно, должны обсуждаться с открытой душой, верой и благими намерениями. Но вне стен Божьего храма. Бабки поскрипели, пошмыгали носами, но повиновались. Ну а как же? Человек-то Божий!

Бабки перед молебном почти строем шли к центральной лампаде, чтобы зажечь свою свечку, а потом отходили к поликандилу — тазу с песком — и, крестясь, втыкали свечку. Харитон и здесь нашелся, доходчиво объяснив, что через свечу отдают поднесение Всевышнему, поэтому нет разницы, от чего ее поджигать — хоть от лучины в углу избы. Прихожане согласились с иподиаконом и еще более уверовали в Божьего человека.

Но случилась беда — в октябре, аккурат через пару дней после Покрова, в Козихе сгорела школа. Небольшой поселок находился в семи километрах от Верх-Ирмени, а если идти напрямки через поля и околки — с пяток километров будет. Школа не ахти какая большая, но почти новая — летом на старом срубе поставили несколько венцов, взгромоздили крышу, покрыли ее новым материалом — толем, внутри настелили полы, проконопатили стены, переложили и побелили большую печь. Из райцентра привезли длинные столы и лавки — вот школа и готова. Радости ребятшек не было предела — они готовы были дневать и ночевать в классах, лишь бы приобщиться к знаниям — письму, чтению, математике, географии. Именно эти предметы вел специально приехавший из города учитель Семен Петрович Говоров. Он же — директор школы.

Говоров был ярым атеист и в корне отрицал любую религию. Бога нет! Если он не может быть доказан научным методом, то о чем говорить?

В ночь, когда сгорела школа, участковому Осипу Боровому и оперуполномоченному ОГПУ, который незамедлительно прибыл из райцентра,

донесли, что вечером возле школы терся какой-то человек в черном. Вроде не местный, худой и высокий. Худым и высоким в Козихе, почитай, был почти каждый первый крестьянин, но ни у одного из них не было мотива для поджога. А кому нужно было поджигать храм знаний? Правильно, только тем, чей храм важнее, — Божьей пастве! Но официальных церквей, монастырей, приходов и часовен в округе на сотни верст не наблюдалось.

Самое главное, что недалеко от пожарища был найден труп сельского полоумного — Севастьяна, который и зимой и летом ходил в ободранной шинели и буденовке. На вид ему можно было дать лет пятнадцать, на самом деле, со слов старожилов, уже перевалило за пятьдесят. Севастьян лежал в трех метрах от пепелища, лицом в снежной грязи, без явных признаков борьбы, но с ножевым ранением в груди. И с добродушной улыбкой на юродивом лице.

Опрашивая жителей Козихи, оперуполномоченный выяснил, что в Верх-Ирмени существует подпольный молебный дом, а при доме — служитель, который по приметам — худой и высокий. Выяснить, где находится притон врагов советской власти, было делом техники.

Уже в следующий вечер после поджога уполномоченный и участковый, а также пара крепких активистов из комсомольских вожakov — Артем Свиридов и Герасим Кошелев — нагрянули в «Божий храм». За свое нахальство и вечное попрошайничество Артемка Свирид прослыл в деревне шинорой и чужаком. Гераська Кошелев был при нем прихвостнем и никуда без своего товарища не ходил. Девки за чрезмерное любопытство прозвали его глазопялкой. Но в глазах советской власти это были честные и активные комсомольцы — образец для всего села.

В сенях было темно, и участковый Осип Боровой зажег спичку, чтобы найти вход. Тусклое пламя выхватило из темноты низенькую, обитую фуфайками дверь, а возле нее на гвозде — одежду. Темное драповое пальто и бесформенную шапку. Опер схватил шапку и со словами: «А вот и доказательство» — быстро засунул ее себе за пазуху. Комсомольские подхалимы рванули дверь на себя и толпой ввалились в горницу.

Посреди освещенной десятками свеч горницы стоял Харитон и держал в руках жестяной крест. Он ждал, что к нему пожалуют гости, видимо, «сарафанное радио» сработало быстро, и нимало не удивился вошедшим. Иподиакон поднял крест, так что тот уперся в побеленный потолок, и страшным голосом начал читать молитву: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его...» Закончить он не успел — мощным ударом кулака в ухо комсомолец Артем Свиридов уложил Харитона на пол.

— Полегше, полегшче, — напутствовал его опер. — Нам побои ни к чему. Аккуратнее нужно, чтобы синяков не осталось.

И склонился над лежащим иподиаконом.

— Да я слегонца его и задел, — оправдывался Свиридов. — А то ишь, развел тут молебны, раскурил, понимаешь, опиум для народа!

— Ну-ка, подымите етого проходимца! — скомандовал оперуполномоченный. — Посмотрим, кто таков будет.

Пара крепких рук схватила Харитона и поставила на ноги, попутно сняла с него крест и фелонь. Голова Харитона болталась, как поплавок на воде, из рассеченного уха текла кровь. Через какое-то время он поднял голову и приоткрыл глаза.

— Твое? — Опер достал из-за пазухи выдавший виды малахай, который снял с гвоздя в сенцах. — Шапка твоя, говорю?

— Моя, — безнадежно выдал из себя Харитон, сосредоточив свой взгляд сначала на шапке, а потом и на опере.

— Хорошо. Очень хорошо! Свидетели, — он кивнул комсомольцам, — запомните ответ подозреваемого, потом в протокол занесем. Он опознал свою шапку, которую нашли возле сгоревшей школы.

Харитон вздернул голову и взглянул в глаза оперу, а потом Осипу Боровому. Осип не выдержал взгляда иподиакона и отвернулся. Опер же сверлил Харитона немигающим взглядом и наслаждался триумфом.

— А ну-ка, ребята, пошукайте здесь маненько, мож, еще какие доказательства найдем, — властно приказал опер. — А этого доходягу приклоните к стене, куда ж он денется. Я его пока допрашивать буду.

Свиридов с другом бросили Харитона и начали лихорадочно обыскивать горницу. На пол полетела немудреная утварь, вещи, иконы...

— Эвона чо! — крикнул из угла обрадованный Свиридов. — Керосин тута.

Опер от неожиданной удачи даже повеселел. Свиридов вышел из потемок с эмалированным бидоном в руках, поднося его к лицу и нюхая.

— Ну-ка, дай-ка мне-ка! — Опер от нетерпения выхватил жестяную бадейку из рук Артема, театрально поднес к лицу и повел носом. — Конечно, керосин! Вот и улика! Школу тоже керосином запаливали, она ж вспыхнула как спичка. Просто так хворостом сруб не запалить.

— Это мне для ламп принесли, — подал голос Харитон, который стоял поодаль, прислонившись к стене и зажимая рукой кровоточащее ухо. — Вчера прихожане принесли лампы заправлять. Вот и осталось чуток.

— Прихожане, говоришь? — взвизгнул опер. — Какие еще прихожане при советской власти? Ты что тут развел? Антисоветчиной занимаешься, цыганские притоны содержишь, школы поджигаешь, невинных людей убиваешь? Ты кто такой, Иуда?!

— Ты и есть Иуда! — спокойно сказал Харитон. — Вы все здесь Иуды! Продались антихристу и творите бесчинства.

— Да ты что говоришь? Ты понимаешь, на кого руку поднял, сука! — заорал опер и, расстегнув кобуру, достал наган. — Да я тебя за такие слова на месте шлепну! И буду сто раз прав!

Оружие в волосатой руке опера вороненой сталью отсвечивало в пламени свечей. Даже комсомольцы опешили от такого поворота событий. Револьвер медленно уперся иподиакону в живот. Большой палец опера взвел курок — в тишине словно треснул сухой валежник. Харитон закатил глаза и шепотом стал читать молитву, на его лбу выступили крупные капли пота. Наступила мертвая тишина — было слышно, как

потрескивает воск в свечах. Все затаили дыхание, пламя свечей вытянулось и стало ярче. Но выстрела не последовало.

— Опомнитесь, безумцы, прекратите свои кровавые расправы! — грозный голос иподиакона потряс нависшую тишину. Пламя свечей колыхнулось, и по его лицу побежали блики. Его обезумевший взгляд уперся в глаза опера. — То, что творите вы и советская власть, не только жестокое дело, это дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Никто не ожидал от такого хлипкого и почти сломленного служителя непонятного храма в глухой сибирской деревне услышать в адрес советской власти столь грозные речи. Но все вдруг поняли, что Харитон обречен. Сколько таких же иподиаконов увозили на подводах, и никто из них не возвращался обратно. А они школ не поджигали и юродивых не убивали за просто так. Но сгнули без следа.

— Вязать этого гада! — почти шепотом выдавил из себя опер. — Я с ним без суда и следствия разберусь. И за поджог, и за убийство.

Оба комсомольца, стоявшие по бокам Харитона, заломили ему руки и связали его же хоругвями. А опер засунув оружие в кобуру, взял с пола бидон с керосином и с ухмылкой выплеснул его на иподиакона. Под ним тут же растеклась лужа с радужными разводами.

— Вот так-то лучше будет! — словно змей, прошипел опер. — Собаке — собачья смерть! Скажем, что при задержании хотел спрятать керосин, да нечаянно его и разлил. А тут свечи кругом, открытый огонь. Вот он и вспыхнул, словно береста...

— Что ты творишь? — подал несмелый голос стоявший сзади участковый Осип. — Ты что себе позволяешь? Это что еще за самосуд?

Но договорить не успел. Ударом тяжелого кулака здоровенный опер с разворота свалил его на пол, а потом наступил на грудь коленом идохнул табачным перегаром в разбитое лицо участкового одну фразу:

— С ним хочешь?

И спустя некоторое время добавил:

— У тебя под боком расцвела антисоветская секта! Почему от тебя не было никаких сигналов? Или, может быть, ты способствовал этим гадам? Приедем в райцентр — разберемся с тобой! Тоже на Колыму поедешь!

Осип заерзал под коленом опера и промолчал. А тот медленно поднялся и, повернувшись к иподиакону, который не переставая шептал молитвы, пнул его в живот. Харитон согнулся и сделал пару шагов назад, сбив спиной клиросный аналой, на котором стояли свечи. Упавшие огарки охватили огнем часть пообтрепанного подрясника, пропитавшегося керосином, и одежда на Харитоне вспыхнула факелом. Убийцы отпрянули от яркого пламени ко входной двери, но не выбежали, а уставились на пылающего человека.

Охваченный огнем иподиакон не кричал, не молил о пощаде и не метался по избе, слепо ища спасения. Он стоял прямо в ярком столбе огня и только охваченные пламенем губы уже не шептали, а выплевывали изо рта слова молитвы. И даже сквозь треск горящего тела убийцы могли слышать: «...прости им, Отче, ибо не ведают они, что творят...»

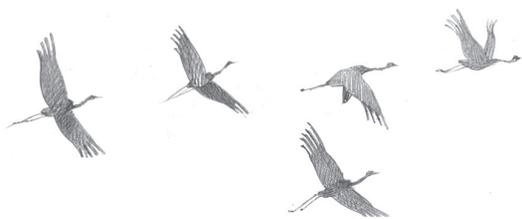
Виктор САЙДАКОВ

ПРЕДЗИМЬЕ

* * *

Уже темнеет, копится
По окнам синева,
И печь на кухне топится,
И в ней гудят дрова.
С вязаньем мама горбится,
Лелеет кот усы...
А за стеною в горнице
Ударят вдруг часы,
Качнется все, закружится,
И дом заполонят
Предметы, вещи... С улицы
Войдут отец и брат.
И все как раньше вроде бы,
Как много лет назад.
Так почему же родичи
Мне не глядят в глаза?
Я с табаком и спичками
Во двор — утишить грусть,
Себя отравой пичкаю
И в дом не тороплюсь.

...Я слез своих не скрою
И горя своего:
Сейчас я дверь открою,
А в доме — никого.

* * *

Все чаще и чаще мне снится
Родная деревня в степи:
Беленые избы, забытые лица,
Калитка, как прежде, скрипит.
И августа терпкость густая,
Польни горчайший настой,
Гусей говорливая стая
Над скошенной полосой...
Так близко, так явственно, вроде
Все можно потрогать рукой —
Скирду, что стоит в огороде,
И бочку с водой дождевой...
Но сон растворится, как в дыме,
В горячем степном мираже,
Где были с тобой молодыми,
Куда не вернуться уже.
И радости нет в пробуждении —
Вот горе еще от ума —
Преследуют, как наваждение,
Исчезнувшие дома...

* * *

Я, робея, входил в этот праздник лесной,
 Вспоминая утраты покинутых мест,
 Где любимых берез белоствольный оркестр
 Рассыпал свои древние гаммы окрест
 И дрожал между веток их звук голубой.
 Я в листву превратился, я множеством стал,
 Этим ворохом шумных осенних повес...
 Я себя ощутил — что я весь этот лес,
 Приподнявший себя до высоких небес
 И горевший в степи, словно желтый опал.
 Я до вечера вместе с листвою шептал
 Шелестящий мотив из березовых грез,
 И ожили восторги ребяческих слез,
 Размывая пророчества смертных угроз,
 Но усиливал ветер осенний хорал...
 А потом вдруг оглохшее эхо с утра,
 Тишина от корней и до голых вершин,
 Ностальгический приступ — ты снова один...
 И последний полет золотых паутин,
 И опавшей листвы под ногой мишура.

* * *

*Хотел бы создать я стихи,
 С лицом моим старым несхожие,
 О, первая вишня в цвету!*

Басё

Февральчик, февраль — молодой паренек,
 Ты солнышка мне покажи уголок,
 Да так, чтобы я из окна увидал
 В буране веселый прогал...
 И чтобы, ударив в промерзшую дверь,
 Я прыгнул с крыльца в голубую метель,
 В середку, где солнце пронизало снег
 И синим столбом поднимается свет...
 Февральчик, февраль, подними меня выше,
 Туда, где не бесится ветер над крышей
 И видно на тысячу ливней вперед,
 Где прячется в травах весенний восход
 И сердце степное надеждой живет...

* * *

В марте месяц совсем как иголка,
 Истончился почти что на нет,
 Он висит над далеким окошком
 И из прошлого сеет свой свет.
 Там ночами вздыхали просторы,
 Оседали снега средь полей
 И призывно звучали валторны
 К дому рвущихся лебедей.
 Я вернусь в эти дали и сини,
 Стану к озеру с мокрым лицом.
 Здесь, под яром, мы сено косили
 С молодым и веселым отцом.
 Мы смеялись, кричали, шутили,
 Поднимали все выше скирду,
 В небе ястребы древние плыли
 Через древнюю Кулунду.
 Детский сон под березовым яром
 Безмятежен и нежен, как шелк,
 Это место отец наш недаром
 Для работы и сердца нашел.
 Нас потом разметало по свету,
 Братя, где вы? Смогли ли забыть?
 Вот мы спим среди сладкого лета
 И нас мама не хочет будить.

* * *

А скоро по селам, по селам,
По голым прозрачным лесам
Первый снег голубым новоселом
Заживет, и привычное нам
Станет новым, другим, непривычным.
И народ оседает в домах.
Звуком тоненьким и синичьим
Открывается наша зима.

* * *

Ура, одолели мы зиму глухую!
Апрель заполняется гомоном птиц,
А раньше не слышали даже синиц —
Одна тишина заменяла другую.
И так надоела немая луна
И этот бесшумно крадущийся снег —
Казалось, он будет лететь целый век,
Холсты расстилая из белого льна...
И вот перемены — скворец говорливый,
Вернувшись из теплых загадочных стран,
С персидским акцентом про пестрый Иран
Вещает на сорок сторон торопливо,
И шумов, и гамов веселых орава
По улицам шастает и по дворам,
Устраивая по пути тарарам,
Не разбирая, где лево, где право...
Капели, ручьи, воробьиные споры,
И, кажется, звезды ночами звенят.
А может быть, с нами они говорят?
Ведь слышал же Лермонтов их разговоры.
И каждое новое свежее утро
Добавит в природу забытых до слез
Громов перекааты и шелест стрекоз,
Дрожащих зеленым своим перламутром...
А в августе возле румяной сосны,
Очнувшись от времени гулко́го бега,
До боли захочется белого снега
И деревенской ночной тишины...

Письмо из заброшенной деревни

Здесь синее утро и синий снежок,
И скрипы под окнами русские,
Зима продолжается, милый дружок,
Под песни метельные, грустные.
В них больше не дышит любимая степь,
Снегирь на плетне догорает,
И жизни надежной старинная крепь
Шатается и пропадает.
Здесь в старых окошках уже не живут
Ни птицы, ни звери веселые.
Здесь травы сгорают, и кладбища жгут,
И голуби плачут над селами.
Они по привычке летят на тока,
Но там заросло все травой,
И в воздухе горьком струится тоска
Меж небом и грешной землею...

* * *

Скоро дворникам листья мести,
Скоро осень в дожди запечалит
И последним гудком на причале
О зиме теплоход известит.
На приколы поставят баржй,
Разведут корабли по затонам.
По холодным сибирским законам
Станут люди налаживать жизнь.
Мне начало зимы по душе,
Если честно, она меня лечит,
Я на «ты» с этим вьюжным наречьем
И живу на его кураже...
Здравствуй, город! Держи — вот ладонь!
Как я рад, что к тебе я приехал:
В каждой улочке — юности эхо,
И дурачит снежок молодой,
И скрипит под ногами обновой,
И подарки готовит в саду...
Я туда непременно приду,
Чтобы встретиться там с Соколовым.
Он стихов набормочет угрюмых,
В них метафор — с увесистой том,
Первосортных и крепких, как ром,
Извлеченный из древнего трюма.
...Мы прощаемся, мне уезжать.
Без цыганки я знаю дорогу.
Мне еще бы пожить здесь немного,
Новобранцем-снежком подышать,
Но погоны командуют: «Ать!»
...Город юности, здравствуй-прощай!
До свиданья, родное предзимье!
Побыстрее, судьба, увези меня —
Возвращения не обещай...

Вячеслав КАЛИНИН

СКАЗАНИЕ О МАНГАЗЕЕ

«Откуда есть пошла русская земля?» С таких слов начинается древнейшее из сохранившихся сочинений о Руси — «Повесть временных лет». Русская земля за Уралом, в Сибири начиналась с Мангазеи — первого в Азии заполярного города. В Сибирском царстве (так одно время называли земли, расположенные за Уралом и присоединенные к России русскими первопроходцами в XVI—XVII веках) Мангазея была главным опорным пунктом для продвижения вглубь Сибири. Именно из Мангазеи шли военные и промысловые экспедиции, русские люди достигли Енисея и Лены, а затем совершили беспрецедентный бросок к Тихому океану, дойдя до берегов Северной Америки.

Ломоносов — Сибирь — Мангазея

В 1763 году Михаил Ломоносов опубликовал сочинение «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В этом научном труде прозвучала самая цитируемая фраза о Сибири и ее богатствах. Цитируемая к месту и не к месту... Полностью же высказывание Ломоносова звучит так: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

Обычно эту фразу толкуют как гениальное предвидение великого русского ученого о будущем освоении природных богатств Сибири и приращении за ее счет потенциала Российской империи, а затем и СССР. На самом деле Михаил Ломоносов просто знал историю. Как ученый-историк и помор по происхождению, он не забыл, что за 150 лет до его научных споров с академиком Миллером (автором первого в истории научного труда по истории Сибири — «Истории Сибирского царства») где-то за Уралом процветала древняя Мангазея — город и территория, откуда в столицу несколько десятков лет шел поток «мягкого золота», пушнины.

Таким образом, не отказывая в даре предвидения Михаилу Ломоносову, смеем предполагать, что фраза о приращении могущества Сибирью основывалась на ретроспективном анализе, на обобщении опыта успешного освоения Сибири. И было оно обеспечено как раз путешествиями поморов по Северному морскому пути — от устья Северной Двины и берегов Белого моря до моря Мангазейского (акватории Обского и Тазовского заливов) и далее по реке Таз

до Мангазеи. Еще в XVI веке был проложен маршрут следования из Русского царства на просторы Сибири. Путь долгий, опасный, но востребованный, потому как сулил личностям находчивым, смелым и сильным духом наряду с большими испытаниями и выгоды немалые. Великий северный путь выводил ватаги промысловиков напрямую к главному богатству Сибири той эпохи — лесным угодьям, полным непуганого пушного зверя.

На бескрайние просторы Сибири русских привел именно «соболиный хвост» — пушнина, высоко ценившаяся как на Руси, так и в Европе. Весь XVI век и первую половину XVII века устремления первопроходцев были направлены вглубь Сибири, на реки Обь, Пур и Таз, а позднее на Енисей и Лену — земли отдаленные и глухие, богатые «мягким золотом» — соболями. Путь этот лежал через Мангазею — первый русский заполярный город за Уралом.

В походах на Югру и Обь

В истории Русской Сибири немало героических страниц. А начиналось все с не контролируемого центральной властью народного движения. Первооткрывателями зауральских земель, в том числе Обско-Тазовского междуречья, стали новгородцы. Жители Великого Новгорода — не брезговавшие лихими набегами на окраинные земли промысловики-ушкуйники — наведывались в Сибирь еще со времен Ярослава Мудрого.

Первые сведения о народах за Северным Уралом (как тогда говорили, «за Камнем») зафиксированы в древних русских летописях. В «Повести временных лет» и знаменитом «Поучении Владимира Мономаха» есть повествование новгородского посадника Гуряты Роговича от 1118 года. Он обеспечивал сбор дани Великому Новгороду с людей на Печоре. Отряд дружинников, пройдя к востоку от Северного Урала, обнаружил «землю Югорскую»: «Югра же — это люди с языком непонятным, и соседствуют они с самоядью (самоедами раньше называли представителей малых народов Севера. — *Ред.*) в северных странах». Жители Югры поведали дружинникам, что «еще севернее, где высокие горы граничат с морем, живут заключенные в горы люди».

Первое летописное подтверждение похода на северо-восток, в котором упоминаются имена и подробности, датировано 1194 годом. В обеих редакци-

Наверное, так выглядели эти суровые места и пятьсот лет назад...

ях древнейшей из новгородских летописей — Новгородской первой летописи, т. н. изводах, с некоторыми отличиями в повествовании приводится рассказ сколь удивительный, столь и реалистичный. «В то же лѣто идоша из Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреемъ...» — так начинается повествование. «Ратью» означает «военным походом». Во главе отряда — воевода, военачальник по имени Ядрей. Слова «и придоша въ Югру и възяша городъ» говорят о том, что они пришли по известному пути и взяли какой-то город. Что подразумевается под городом? Скорее всего, речь идет об одном из деревянных городков, следы которых археологически прослеживаются в низовьях и на притоках Оби, — городищу обских угров, предков хантов и манси.

Первый городок Ядрей берет, а дальше возникают проблемы: «...и придоша къ другому граду, и затворишася въ градъ, и стояша подь городомъ 5 недѣль». Войску Ядрея не удается взять город приступом. Югра, которая сидит в городе, тоже не может справиться с русским войском. Начинаются переговоры: «...и высылаху къ нимъ Югра, льстьбою рекуще тако, яко “копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани”...»

Ядрей идет в город, «поимя съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ вячьшихъ». То есть он взял с собой в поход священника — интересная деталь, которая может обозначать масштаб похода: для Новгорода это достаточно крупное предприятие.

Когда они заходят в этот городок, их всех убивают. Так заканчивается история Ядрея. Все, что мы о нем знаем: пришел в Югру и был там убит. Так сложилась судьба самого раннего упомянутого в источниках первопроходца северо-западной Сибири. Сохранилось и имя погибшего вместе с Ядреем священника Ивана Легена.

Судя по этому повествованию, новгородцы продолжают нести потери: «...и пояша ихъ 30 муж вячьшихъ, и тѣхъ исѣкоша и потомъ 50». Потом югра выходит на вылазку и истребляет значительную часть новгородцев, но 80 человек ушли. С большим трудом («и бѣ туга и беда останку живыхъ») они отправляются обратно в Новгород: без дани, потеряв много товарищей и своего воеводу Ядрея. Возвращение выживших из Югры в Новгород происходит летом следующего, 1194 года.

В дальнейшем Югра периодически появляется на страницах Новгородской летописи. В 1364 году «за Камень» отправились регулярные войска Великого Новгорода. Большая дружина во главе с воеводой Александром Абакумовичем дошла до Обской губы. В поход выступил еще один отряд, его вел воевода Степан Ляпа. В «Господин Великий Новгород» оба отряда вернулись зимой 1364/1365 года. Огромная территория от низовий Оби до устья Иртыша присоединилась к владениям Новгорода. Была открыта Западная Сибирь, река Обь, обследована 1000 километров ее течения — от устья до Иртыша.

В 1445 году в поход на Югру и Обь вновь отправились ратники под стягами Великого Новгорода. Основу вооруженных отрядов наряду с новгородцами составляли воины из Двинской земли, с побережья Белого моря. Возглавили рейд воеводы Василий Шенкурский и Михаил Яроль. Поход оказался удачным. Потерь дружины почти не понесли, зато данникам напомнили о том, кто их заступник и вечный благодетель. Это был последний поход новгородцев в Сибирь. Эстафету приняло Великое княжество Московское.

В 1483 году московские воеводы князь Федор Курбский-Черный и Иван Иванович Салтык-Травин с войском совершили переход через Средний Урал.

Поход был усмирительным, что-то вроде «принуждения к миру» местных жителей, совершавших кровавые набеги на русские поселения на западных склонах Уральского хребта.

В устье реки Пелым (приток р. Тавды) объединенная рать русских и их союзников коми-зырян разгромила вогульское войско. В плен к воеводам попал кодско-казымский «великий князь» Молдан. Князя помиловали и взяли с собой в Москву, где он был принят царем как почетный гость.

В 1499 году трое московских воевод — князь Петр Ушатый, князь Семен Курбский и Василий Гаврилов-Бражник — возглавили большой поход в Сибирскую землю. Перевалив через Урал и преодолев с начала похода тысячи верст, московские войска — стрельцы и казаки — вышли к притокам Оби, а затем достигли берегов великой сибирской реки. Ряд городков был взят штурмом. Отныне великий князь Московский Иван III титуловался не только Югорским, но Обдорским и Кондийским. Этот поход окончательно закрепил ближнее Зауралье за Русским государством.

Как считают некоторые толкователи путаного повествования видного немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна о легендарном Лукоморье, в его основу легли рассказы о Нижнем Приобье новгородских и московских ратных и «гулящих» (т. е. свободных) людей.

Ермак и Сибирское царство

В 1579 году купцы Строгановы пригласили к себе в Пермский край казацкого атамана Ермака с дружиной для охраны земель от набегов сибирского хана Кучума. Во второй половине 1581 года Ермак сформировал крупный отряд в 540 воинов для похода в Сибирь. Точно не установлено, кто был его инициатором. Официальная историография склоняется к выводу, что Строгановы. Но есть мнение, что это идея самого Ермака, а купцы только финансировали поход. Считается, что целью вторжения было разведать земли на юго-востоке, подчинить местное население, победить или ослабить хана и присоединить новые территории к Российскому царству Ивана IV Грозного.

Однако до сих пор никто из российских историков не дал внятного ответа на простой вопрос: «Зачем Ермак начал этот поход на восток, сокрушив в итоге огромное Сибирское ханство?» И правда, зачем?

Видимо, учитывая тот факт, что поначалу царь был против похода, о чем написал Строгановым гневное письмо с требованием вернуть Ермака, официальный царский историограф Николай Карамзин назвал этот отряд «малочисленной шайкой бродяг»...

Основу отряда составляли казаки с Дона во главе с несколькими вожакатаманами: Иваном Кольцо, Яковом Михайловым, Никитой Паном и Матвеем Мещеряком. Кроме русских в отряде были литовцы и даже татарские воины из земель Русского царства. Дисциплина в войске была строгая — атаман требовал соблюдения православных праздников, постов, не терпел расхлябанности и кутежей. Ермака сопровождали три священника и один расстрига-монах. Будущие завоеватели Сибири отправились в неизвестность на восьмидесяти стругах*.

По некоторым данным, отряд вышел в путь 1 сентября 1581 года. Но есть мнение, что это произошло позже — весной или летом следующего года. Казаки

* Струг — плоскодонное парусно-гребное судно.

сплавились по реке Чусовой до предгорий Урала. Весной 1582 года они продолжили движение по реке Тагил на восток. В мае 1582 года в устье Туры казаки дали бой отрядам шести татарских князей. В июле 1582 года состоялась битва на Тоболе. А уже 14 августа казаки у Карачин-городка захватили богатую казну мурзы Карачи.

Четвертого ноября 1582 года сибирский хан Кучум с пятнадцатитысячным войском устроил казакам засаду возле Чувашского мыса. С ним были наемные дружины вогулов и остяков. Однако в самый ответственный момент лучшие отряды Кучума откололись и отправились в набег на город Пермь. Во время боя наемники обратились в бегство, и Кучум был вынужден отступить в степь. Ермак вошел в столицу ханства — город Кашлык.

По некоторым данным, хан Кучум был узбекского происхождения, поэтому его власть не признавали многие северные и сибирские народы. Кроме того, свое господство он насаждал жестокими методами. Есть сведения, что после военных поражений Кучума вогулы (ханты) привезли Ермаку подношения, в том числе продовольствие, в чем атаман крайне нуждался. Ермак Тимофеевич встретил их «лаской и приветом» и проводил «с честью». Прослышав о доброте русского атамана, к нему стали приходить с подарками татары и другие народности Сибири.

Всем сибирским народам Ермак обещал защиту от Кучума и других врагов. Местные народы были обложены ясаком — налогом пушниной и продовольствием. С вождей племен и родов атаман брал присягу — «шерть». После нее народности считались подданными русского царя, не подвергались гонениям и брались под защиту.

Чтобы сообщить о своих победах царю, в 1582 году Ермак отправил в Москву посланников во главе с доверенным лицом Иваном Кольцо. Иван Грозный принял вестников милостиво и наградил казаков дарами, среди которых были две дорогие кольчуги для атамана.

В 1583 году Ермак продолжил покорять татарские селения в бассейне Оби и Иртыша. Татары оказывали яростное сопротивление. По реке Тавде казаки отправились в землю вогуличей, распространив власть царя до речки Сосьвы.

В том же году царь направил в Сибирь князя Семена Болховского с дружиной в триста воинов. Войско добралось в Кашлык в ноябре 1584 года. Казаки не знали о пополнении и дополнительно не заготовили продовольствия.

Зимний период 1584/1585 года выдался чрезвычайно холодным, что усугублялось северными ветрами. Из-за глубокого снега охотиться в лесу было сложно, волки кружили стаями возле жилищ. Все стрельцы погибли вместе с князем от голода и цинги. В боях с ханом они не участвовали. Число казаков Ермака тоже сильно сократилось.

Весной 1585 года один из покорившихся Ермаку вождей на речке Туре внезапно напал на казаков из ватаг Ивана Кольцо и Якова Михайлова. Почти все казаки погибли, а мятежники в бывшей своей столице — Кашлыке заблокировали русское войско. В июне 1585 года Матвей Мещеряк со своими воинами совершил вылазку и отбросил войско татар, но потери казаков были велики. Из тех, кто отправился с ним в поход, у Ермака оставалось около половины воинов. Из пяти атаманов в живых осталось двое — Ермак и Мещеряк.

Ночью 3 августа 1585 атаман Ермак погиб с полусотней бойцов на реке Вагай (ныне — Тюменская область). Татары внезапно напали на лагерь, в бою выжило только несколько воинов, которые принесли страшную весть в Кашлык.

Свидетели гибели Ермака говорили, что он был ранен в шею, но продолжал сражаться. Во время боя атаман пытался перебраться с одной лодки на другую, но истекал кровью, а царская кольчуга была тяжела. Раненый Ермак утонул.

После получения известия о смерти предводителя казаки собрали общий круг, где решили вернуться в родные края — зимовать еще раз в этих местах было смерти подобно. Под руководством атамана Матвея Мецдеряка в августе 1585 года казаки двинулись по Оби на запад, домой. Кучум праздновал победу, но не знал, что через год русские вернутся уже навсегда.

Экспедиция Ермака Тимофеевича поддерживала господство Русского царства в Сибири на протяжении двух лет. Как часто бывает с первопроходцами, за покорение новых земель они заплатили жизнью. Силы были слишком неравны — несколько сотен первопроходцев против десятков тысяч противников. Однако свою миссию Ермак и его воины выполнили — дорога из Русского царства в Сибирь была проложена. Огромная территория стала вассалом Москвы. В титуловании царя Алексея Михайловича (1629—1676) уже прописан титул «царь Сибирский».

Через море Мангазейское

Если верить Новгородской летописи XI века, первым из европейцев в глухое сибирское Заполярье отправился морем двинский посадник Улеб. Пройдя через пролив Карские ворота, Улеб морем и реками дошел до Югры.

Первые письменные известия о богатой соболями Мангазее появились в конце XV века. Безымянный новгородский книжник упомянул о ней в сказании «О человецех незнаемых в Восточной стране», сославшись на рассказы побывавших там смельчаков. Впрочем, изрядно и от себя домыслил. Поведал, что далеко на востоке, за Уралом, за Обью-рекой, лежит диковинная страна, населенная самоедскими племенами, «завоными Малгонзея. Ядь их мясо оленье, да рыба, да межи собою друг друга ядят».

**Поморский карбас с двумя парусами и шестью веслами.
Основное транспортное средство первопроходцев Русского Севера**

В начале XVI века о Мангазее узнали в Европе. Местность «Мологенн» изображена на карте Грегора Рейша, опубликованной в книге *Margarita philosophica* 1503 года. Местность с таким названием обозначена в северной части материка восточнее Гиперборейских (Уральских) гор.

На карте голландского картографа Яна ван Дутекума Старшего, изданной в 1560-е годы, территория восточнее Оби обозначена как «Молгонзайя». Еще более точно, как территория на западе Сибири, Мангазея локализована на карте Исаака Массы, голландского дипломата, купца и путешественника, опубликованной в 1612 году.

Новгородцы и архангелогородцы, жители древней Мезени, поморы из Пинеги и жители Пустозерска быстро освоили непростой, коварный, но сулящий большие прибыли путь по северным морям и рекам...

Основной и наиболее знакомой для них дорогой был Мангазейский морской ход от Северной Двины вдоль берега Белого моря к Пустозерску. Далее они шли Студеным морем, проливом Югорский Шар и оттуда в юго-западную часть Карского моря и к северу полуострова Ямал. Из глубины полуострова, из соединенных между собою узкими перешейками озер, вытекает река Мутная. На восток, в Обскую губу, несет свои воды река Зеленая. Кочи* двигались с остановками по системе волоков. Дальше шли по Обской губе к устью реки Таз. «Море Мангазейское» — так именовали землепроходцы единую акваторию Обского и Тазовского заливов. Море было пресноводным, неглубоким, но порой весьма бурным и коварным.

В 1596 году, согласно «Пинежскому летописцу», ходил на Надым и Таз устьицилемец Юрий Долгушин. Поэтому вполне достоверно прозвучало заявление поморских промышленников, сделанное ими в 1616 году в Мангазее. Допрошенные воеводой Иваном Биркиным, они сказали: «Ходят торговые и промышленные люди с Пинеги и Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Мангазею для промыслов своих лет по 20 и по 30 и больше, на Пустоозеро и на Карскую губу на волок...»

Нашему современнику этот маршрут кажется просто поразительным по сложности и опасности. Однако он активно использовался поморами в период позднего Средневековья и в Новое время. Гибли кочи, тонули люди. После запрета морского Мангазейского хода стали теряться навыки и опыт хождения по Ледовитому океану, Северным морским путем. Постепенно ушли в мир иной и опытные кормщики, некогда лихо ходившие на кочах и по Карскому морю, и по морю Мангазейскому. К 1640-м годам не осталось добрых мореходов, ведавших путь по морю-океану к далекой Мангазее.

«Государева златокипящая вотчина»

Настоящим сибирским Клондайком, северным Эльдorado оказалась для Русского царства далекая, но вполне реальная Мангазея. Сначала так называли обширные земли в среднем течении реки Таз, на территории нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа. Позднее на землях Мангазеи возник город с таким же названием. Со временем, по меткому определению одного из царских воевод Андрея Палицына, Мангазея стала «государевой златокипящей вотчиной». Золото это было мягким и теплым — мех соболей, лисиц, бобров и песцов.

* Коч — морское парусно-гребное судно.

Согласно «Книге записной» из Сибирского летописного свода, в 7106 году (по современному летоисчислению — в 1597 году) думный дьяк Федор Дьяков был послан царем Федором I Иоанновичем «Мангазейские земли проведать, и под государскую высокую руку тамошних людей призвать, и ясак с них собрать». Пришло время наводить порядок на окраине Русского царства.

Мангазея оказалась краем благодатным. Как отмечает известный сибирский исследователь П. Н. Павлов, подавляющую часть пушнины на протяжении XVII века давали восточные уезды Сибири — Мангазейский, Енисейский, Якутский. В первой половине XVII века именно «златокипящая Мангазея» неизменно оказывалась в лидерах по сборам податей в Сибири. По данным П. Н. Павлова, из общего количества пушнины, вывезенной в 1627 году частными лицами из Сибири на сумму в 78,1 тысячи рублей, на Мангазейский уезд приходилось 63,7 тысячи рублей. По официальным подсчетам, в течение 1630—1637 годов из Мангазеи было вывезено около полумиллиона соболиных шкурок. Доктор исторических наук А. Н. Копылов определил долю Мангазейского уезда в добыче сибирской пушнины в 1627—1628 и 1631—1632 годах соответственно в 85,5 и 76,2 %.

Русский историк-архивист XIX века профессор Харьковского университета Петр Никитич Будинский оценивал стоимость шкурки соболя в Москве XVI века от 5 до 20 рублей, чернубурки — до 100 рублей. Для сравнения он приводит другие московские цены: «двадцать десятин земли — 20 руб., прекрасная хата — 10 руб., пять добрых лошадей — 10 руб., десять штук рогатого скота — 15 руб., два десятка овец — 2 руб., несколько десятков штук разной домашней птицы — 3 руб.». Даже если учесть колебания цен на пушнину, факт остается фактом: одна поездка в Мангазею в те времена могла обеспечить человека и его семью до конца жизни, если он возвращался из опасного путешествия домой.

Сказочно богата была в эти годы земля мангазейская. Каждому рисковому, предприимчивому человеку она давала свой шанс, и многие смогли им воспользоваться.

Воеводы мангазейские

В 1600 году по государеву указанию из Тобольска (или, как писали в летописях, Тоболеска) со служивыми людьми в Мангазею отправились письменный голова князь Мирон Шаховской, его помощник Данила Хрипунов и целовальник* «торговый человек Новоселов» с предписанием «острог поставить и ясак собирать, и быть тамо до указа». Именно эти выдающиеся люди со товарищи «первой Мангазейской острог поставили».

Небольшой отряд добирался до Мангазеи с приключениями. Сначала их кочи, не дойдя до моря Мангазейского, потерпели крушение. Вот как описывает злоключения этой военно-промысловой экспедиции кандидат исторических наук Е. В. Вершинин: «Почти все историки, писавшие об основании Мангазеи, ошибочно утверждают, что Шаховской вышел в Обскую губу. Между тем, как следует из его же отписки, отряд не прошел по Оби далее Пантуева городка. Что это за городок? Остяцкий Пантуев городок — это Пандухарден (по-самоедски) или Воксар-ваш (по-остяцки), и располагался он на правом берегу Каменной (левой) Оби, в 20 верстах от устья и 80 верстах от Обдорска.

* Целовальник — выборное должностное лицо в XV—XVIII веках. Вступая в должность, целовальник давал клятву (целовал крест).

Историческая реконструкция решает прежде всего исследовательские задачи

Где-то в районе этого городка три коча потерпели крушение, а коломенки с продовольственными запасами прибило к берегу и залило водой».

Это происшествие не остановило храбрых первопроходцев. Поздней осенью, оставив суда и часть припасов на произвол судьбы, отряд на лыжах, используя оленьи упряжки, отправился «на Мангазею» по зимнику — дороге, проложенной в снежных тундровых просторах.

Окончательный результат этого похода и спустя год был неизвестен царской администрации в столице Сибири — Тобольске. Это следует из «Наказа Мангазейским воеводам князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину», данного в 1601 году: «А будет князь

Василей Мосальской и Савлук Пушкин проведуют про князя Мирона про Шеховского и про Данила Хрипунова подлинно, что князь Мирон и Данило до Мангазеи и до Енисей не дошли, и Енисейская будет самоедь своровали князя Мирона и Данила за рекою за Пурою в днище* их разгромили, наряд**, и зелье***, и свинец, и запасы поймали, а князь Мирон и Данило с казаки отшол».

Однако отважный отряд, хоть и с потерями, добрался до Мангазеи. Об этом много лет спустя свидетельствовал ленский казак Лазарь Аргунов. В челобитной на имя царя Алексея Михайловича он пишет, что его отец, Савва Аргунов, служил в отряде Мирона Шаховского. По словам казака, «самоедь их на тундре многих служилых людей побили и запас весь их отгромили и после того оне до Мангазеи шли — голод и всякую нужду терпели и пришед в Мангазею самоедь к подданству привели».

Через год на помощь поредевшему отряду Шаховского и Хрипунова с припасами пробилась в Мангазею еще две сотни человек во главе с князем Василием Рубцом-Мосальским и Савлуком (Лукой) Пушкиным.

Не потомок Савлука Пушкина великий русский поэт Александр Пушкин, не прослеживается по русским летописям и «сказкам» это родство. Однако вспомним бессмертные строки великого русского поэта «У лукоморья дуб зеленый...» и находим в описаниях северного Зауралья и нижнего течения Оби выражение «лука моря», то есть изгиб морского залива. В этом месте на средневековых

* Днище — расстояние в один день пути.

** Наряд — артиллерийские орудия (пушки).

*** Зелье — порох.

европейских картах встречается надпись *Lucotorye*. Тайна Лукоморья и его связь с Мангазеей еще не разгаданы и ждут своего скрупулезного исследователя.

Василий Рубец-Мосальский и Савлук Пушкин стали первыми мангазейскими воеводами, которые не только возглавили поход в далекую землю, но и затеяли строительство острога с одноименным названием. Под их началом продолжилось расширение поселения и «объясачивание» местных народов.

В 1603 году в Мангазею был послан воеводой Федор Булгаков, основавший гостиный двор и доставивший священника и церковную утварь. Возможно, при этом воеводе была заложена в Мангазее первая церковь — храм Святой Троицы.

В Мангазее сложился культ сибирского святого — отрока Василия Мангазейского, известность которого вышла далеко за пределы этого городка. Василий Мангазейский, несправедливо обвиненный в краже, то ли погиб от рук воеводы, то ли умер в городской тюрьме после дознания с пристрастием. Произошло это печальное событие, скорее всего, в 1602—1603 годах. Мощи Василия были захоронены в Мангазее, а затем перенесены в Туруханск, где хранились в Троицком мужском монастыре.

В 1606 году в Мангазейский острог, на задворки Русского царства, приносящие ему огромный доход, по велению нового царя Василия Шуйского прибыли воеводы Давид Жеребцов и Курдюк Давыдов.

Давида Жеребцова можно назвать одним из самых выдающихся мангазейских воевод. Именно он выполнил большое и сложное государево задание — организовал строительство на берегах реки Таз деревянной крепости и Троицкой церкви. За крепостной стеной вырос посад — от 100 до 150 различного рода построек. Его населяли ремесленники, охотники и торговцы. Действовал гостиный двор — место торговли и проживания многочисленных купцов и приказчиков.

Люди в Мангазее обитали зажиточные: на столе у них были не только хлеб и квас, местные ягоды и орехи, но и заморские вина, сухофрукты, овощи, дичь, рыба. В воеводском доме, в избах образованных людей читали книги, соперничали в шахматы и даже играли на музыкальных инструментах. На башне гостиного двора сверкали металлом часы — горожане по ним, а не по солнцу сверяли время.

В Мангазее развивались ремесла. Здесь изготавливали лыжи, рыболовные и охотничьи снасти, деревянные орудия, обрабатывали шкуры, ткали полотно и вязали шерстяные изделия. Работали кузницы и даже ювелирные мастерские.

Очень активно Мангазея развивалась при правлении Давида Жеребцова — воина, полководца, строителя и мудрого администратора. Он отправил служилых людей еще дальше на восток, чтобы основать зимовье на реке Турухан при ее впадении в Енисей. Его заслуга не только организация далекого Туруханского зимовья, но и подключение к ясачному сбору обширных территорий к западу и востоку от Енисея.

Мудрое правление воеводы Давида Жеребцова было кратким. В 1608 году он с отрядом из 1000 с лишним сибирских стрельцов и ополченцев выступил на помощь законному русскому царю Василию Шуйскому, который вел тяжелую войну против войск Лжедмитрия II. По пути к нему присоединились 600 воинов из Архангельска и Двинского края. Совершив беспрецедентный переход в несколько тысяч километров (детали которого до сих пор неизвестны) из Мангазейского уезда в центральную часть Русского царства, Жеребцов оказался у стен Костромы. Там войско Жеребцова разбило передовой отряд ставленника

самозванца Александра Лисовского, освободило город и Ипатьевский монастырь.

После освобождения Костромы и победы над «лисовчиками» Жеребцов пошел на соединение с армией 23-летнего племянника царя, князя Скопина-Шуйского, который заканчивал формирование войска под городом Калязином. Приведенный Жеребцовым отряд существенно усилил войско Скопина-Шуйского и впоследствии составлял одну из наиболее боеспособных его частей.

Жеребцов и его воины отличились в Калязинской битве 28 августа 1609 года, когда формирующаяся армия Скопина-Шуйского одержала победу над силами сторонников Лжедмитрия II, возглавляемых гетманом Польши и Литвы Яном Петром Сапегой. Давид Жеребцов стал одним из героев освобождения от шестнадцатимесячной осады центра русского православия — Троице-Сергиева монастыря.

Однако на войне как на войне. В 1610 году, находясь с малыми силами в Троицком Макарьевом монастыре близ города Калязина, воевода Давид Жеребцов был вынужден вступить в неравный бой с одним из польско-литовских отрядов. Всего в тот момент в распоряжении воеводы оказались 63 ратника и несколько монахов. Такими силами большой, опоясанный протяженными стенами Троицкий Макарьев монастырь отстоять было невозможно. Когда поляки ворвались в обитель, в последнее сражение с ними вступили все, кто оставался в живых. Погибли все до единого защитники монастыря. Среди павших в бою был Давид Жеребцов.

В 1630 году Мангазее пришлось пережить так называемую «воеводскую смуту». В заполярном городе в смертельной вражде столкнулись «товарищи» по воеводству Андрей Палицын и Григорий Кокорев. Забросив дела управления, они вербовали себе сторонников и ловили случай сильнее уколоть соперника. Город разделился на две враждующие стороны. Такого бурного «воеводства» в то время не видел ни один город России. Зимой 1630 года дело дошло до вооруженных столкновений.

Как писал один из известных исследователей Сибири член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук Сергей Владимирович Бахрушин, отмечая в междоусобице и Ерофей Хабаров: «...пошел на Русь бить челом от имени всех мирских людей на насилия и злоупотребления Кокорева прославившийся впоследствии Ерофей Хабаров, которому Палицын отдал отвезти в Москву обширную челобитную...»

Ерофей Хабаров и путь на восток

Жизнь и подвиги Ерофея Хабарова в первую очередь связаны с Якутией и Приамурьем. Походы с реки Лены на Амур в 1649—1653 годах снискали ему славу одного из выдающихся землепроходцев.

С. В. Бахрушин в работах о Мангазее мимоходом отметил, что Хабаров побывал в Тазовском городке, где вел торги и промыслы, участвовал в знаменитой ссоре мангазейских воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына, заняв сторону последнего. Вместе с тем именно в это время Хабаров сформировался как опытный землепроходец.

Доподлинно неизвестно, из какого района Русского Севера происходил Хабаров. В некоторых документах он называется устюжанином, в других — усоль-

цем. Что-то можно понять из тех обстоятельств, что на реке Лене он занялся хлебопашеством и соляными делами, был склонен к торговле и совершенно не знал мореплавания.

Доктор исторических наук, профессор Михаил Иванович Белов в статье «Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре», опубликованной в 1975 году, ссылается на найденные им архивные документы, из которых следует, что Хабаров — уроженец Устюжского уезда. В этой же статье описывается «мангазейский» период деятельности первопроходца.

Первая поездка Ерофея Хабарова в Мангазею датируется 1628 годом. В представлении устюжских крестьян Мангазея рисовалась землей с неиссякаемыми пушными богатствами. Однако на самом деле все было сложнее. Лихоимство воевод, хищническое истребление пушного зверя отрицательно сказались на экономической жизни заполярного города и уезда.

Внешне все оставалось по-старому. Промышленники добывали изрядное количество пушнины, разнося далеко за пределами Сибири славу о «златокипящей» Мангазее. Но к приезду Хабарова в районе рек Таз и Пур соболь почти исчез. Сбор ясачной собольиной казны выражался десятками, а не сотнями и тысячами шкурок, как раньше. Охотники за желанным зверьком уже давно промышляли на Енисее, Нижней Тунгуске, проникли на Таймыр.

Путешествие вместе с нанятыми в Тобольске пятью покрученниками* Хабаровы совершили по единственному тогда пути — южному Мангазейскому морскому ходу, Обской и Тазовской губам, проделав расстояние более двух тысяч верст. Перезимовав в Тазовском городе, в следующее лето они поспешили в Туруханское зимовье. Попастъ туда можно было через Енисейский волок, т. е. по правому притоку Таза — реке Худосее и второму притоку — реке Покулке, или Покульке, тогда называвшейся Волочанкой.

На Енисейском волоке Хабаровы наняли неводное судно**, предполагая на нем совершить поездку в Пясины (так, по имени одной из главных его рек, Пясины, тогда назывался Таймырский полуостров). Перед отправлением в далекий поход братья для вида разделились. Никифор с покрученниками решил промышлять, а Ерофей, вложив свои капиталы в братнино дело, нанялся на таможенную службу в Хетское зимовье целовальником с обязанностями руководить сбором десятинной и денежной пошлины. По существующим в те годы правилам, целовальник не имел права вступать в личные торговые дела с местным нганасанским и энецким населением.

В Хетское зимовье Хабаровы прибыли летом 1629 года, на своем небольшом судне совершив долгое опасное путешествие. За два года, исключая зимовку в Мангазее, от Устюга до моря Лаптевых проделано расстояние в пять тысяч верст.

Ареал деятельности Хабаровых на Таймыре не удалось определить. Известно, что Никифор возглавил промысловую экспедицию в новые нехоженные земли, побывал в районах, которые располагались «ниже ясачного зимовья». Скорее всего, имелась в виду южная и средняя часть Таймырского полуострова, в которых кочевали нганасанские роды. Кочевья тавгов (нганасан) доходили до озера Таймыр. Но вряд ли Хабаров заходил так далеко от Хетского зимовья. Вероятнее всего, он побывал на реке Большая Балахня и, возможно,

* Покрученник — охотник, находящийся на содержании у хозяина и получающий только часть добычи.

** Неводное судно — небольшое судно, предназначенное для лова рыбы неводами.

на реке Таймыр, уже посещавшейся ясачными сборщиками и таможенными чиновниками. Возможно, вместе с другими русскими землепроходцами Хабаровы участвовали в географическом открытии северо-восточных районов огромного Таймырского полуострова и приняли участие в его промысловом освоении.

Обратный путь в Мангазею братья проделали зимой-весной 1630 года. Они вернулись тогда, когда грандиозная ссора между воеводами Кокоревым и Палицыным достигла своего апогея. Многие из тех, кто оказался в это время в городе, бежали на Русь. Как пишет сам Хабаров, еще до официального отправления мангазейских судов обратно в Березов и Тобольск «побрело убогом» свыше четырехсот человек.

Отправляясь на Русь, Ерофей прихватил с собой челобитную на Григория Кокорева, в которой воевода обвинялся в грабеже торговых и промышленных людей, контрабандной продаже пива, вина и меда, незаконной постройке кабаков, мздоимстве и других грехах. Не лишено интереса и характерно для Хабарова то, что в этом сугубо личном документе он, недавно простой поморский крестьянин, поднимает перед царем свой голос от имени «мира», против насильств воеводы для того, «чтобы ваша дальняя вотчина мангазейская земля вконец не запустела».

Неприятнь Хабарова к Кокореву можно объяснить обидой, которую нанес ему воевода. За незаконные торги в Хетском зимовье Кокорев отобрал у Хабарова 17 соболей и приказал взять его на поруки. Но противник Кокорева воевода Палицын «отпустил того Ярка (Ерофея. — Ред.) за большие соболи», т. е. за взятку, о чем сообщили в приказной избе его же товарищи.

Ерофей Хабаров прибыл в Москву, совершив вторичное плавание по Мангазейскому морскому ходу — Тазовской и Обской губам — в Тобольск. Прибытие Хабарова в столицу в январе 1631 года подтверждено пометкой на его челобитной царю Михаилу Романову.

В Мангазее он выступил в необычной для себя роли — организатора выступления торгового и промышленного люда против всемогущего воеводы Кокорева, действуя от их имени, хотя его мотивы не совсем ясны.

Хабаров не мог не знать о только что совершенном открытии реки Лены, так как в дни его пребывания в городе там находился Никифор Пянда, совершивший выдающийся поход в Якутию. Поэтому, когда перед Ерофеем Хабаровым снова встал вопрос о поездке в Сибирь, он, не колебаясь, выбрал ленские земли, рассчитывая на первых порах заняться привычным делом — хлебопашеством и солеварением. Но это более поздние страницы его биографии.

Русское Беловодье

«Мангазея, — писал известный полярный исследователь академик В. Ю. Визе, — обширная область, привлекавшая морских промышленников своими богатствами, лежащая к востоку от низовьев Оби и связанная с морем, была известна русским под названием Молгонзея, по имени жившего здесь немецкого племени». «Русским Беловодьем» назвал Мангазею писатель Александр Проханов, некогда посетивший эти места.

Несмотря на громкую известность и эпитеты типа «русская заполярная Троя» и «северное Эльдorado», Мангазея остается на периферии интереса исследователей Арктики и Ямала. Сама Мангазея продолжает исследоваться: группа Георгия Визгалова из «Северной археологии — 2» периодически возобнов-

ляет раскопки на месте древнего города. Но их масштабы и интенсивность несопоставимы со значением историко-археологического феномена, затерянного в сибирской глуши.

Еще драматичнее обстоит дело с зимовьями и волоками русских первопроходцев, щедро разбросанными по гигантской территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Завет советского историка, исследователя полуострова Ямал и Мангазеи М. И. Белова о необходимости выявить и изучить многочисленные зимовья и волоки, многие из которых представляют несомненный научный интерес, остался не услышанным. О волоке у озера Перевального, на который приходился основной трафик движения из Обско-Тазовского бассейна в Турухано-Енисейскую водную систему, можно сказать то же самое. Одна из интереснейших в археологическом отношении территорий на Ямале, а может быть, и во всей Западной Сибири, так и не стала предметом научного исследования. До сих пор ни одна археологическая экспедиция к волоку не направлена. Ни один археолог с т. н. «открытым листом» (официальным разрешением на раскопки) на этом месте не работал.

Один из участников экспедиции Михаила Белова — житель Санкт-Петербурга Вячеслав Николаев — в беседе с руководителем экспедиции «Тайны Мангазеи» Павлом Нефедовым говорил, что Белов очень хотел вернуться на место волока и именно там организовать раскопки, но ситуация сложилась иначе. Ветеран Великой Отечественной войны доктор исторических наук, профессор Михаил Иванович Белов больше ни на Мангазейском городище, ни на Енисейском (Мангазейском) волоке не побывал. Так что у нового поколения археологов есть уникальный шанс сделать открытия на месте, которое обладает несомненной исторической ценностью и до сих пор хранит тайны прошлого.

Здесь, в Мангазее и на месте одноименного волока, начинался великий северный путь в Восточную Сибирь, к Тихому океану. Из «златокипящей вотчины» эта дорога привела русских людей на Камчатку и Чукотку, к Беринговому проливу, на Аляску и в Калифорнию, в Забайкалье и на реку Амур, в Даурский край и в столь возжеланный когда-то Китай.

Мангазея оставила нам великие тайны. Они не только в материальных сокровищах и кладах, что наверняка потаены где-то в земле мангазейской. Тайна в другом... Мангазея оставила нам, помимо великой истории, множество загадок. Жил ли Ерофей Хабаров в Мангазее или только прошел через город на восток? Историки Сергей Бахрушин и Михаил Белов считают, что, несомненно, жил, а некоторые исследователи сомневаются, что он побывал в Мангазее, а тем более жил в ней. По их мнению, Хабаров попал на Енисей и Лену другим, южным путем, который к 1620-м годам был уже известен.

Существовало ли до прихода государевых людей на месте Мангазеи поселение поморских промышленников? Или все-таки реальный Тазовский городок находился в устье реки Таз, а на реку Осетровку, в устье которой и была «зарублена» Мангазея, отряд Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова пришел от безысходности, спасаясь от наскоков «немирной самояди»?

Использовался ли волок в истоках реки Покалькы с мангазейских времен или стал популярен позже? Когда русские первопроходцы из Мангазеи достигли Енисея? И где, в конце концов, мангазейцы хоронили своих мертвецов? До сих пор ни одна из археологических экспедиций не нашла мангазейское кладбище, на котором помимо рядовых жителей города должны покоиться останки князя Никиты Барятинского, единственного воеводы, умершего в Мангазее.

Эти и многие другие тайны хранит Мангазея. Но главная тайна не в этих, несомненно, важных деталях. Она в том, почему так стремительно из нашей памяти уходят великие истории прошлого... Жизнь Мангазеи была короткой, но яркой. Отчего же сейчас лишь единицы знают о ней чуть больше, чем словосочетание «златокипящая Мангазея»? Ведь это была настоящая русская цивилизация, средневековая, исконная, расцветшая еще до церковного раскола и мучительных реформ Петра Великого. Цивилизация, восторжествовавшая на далекой восточной окраине огромной страны.

Звезда Мангазеи ярко вспыхнула на мрачном небосклоне Большой Смуты, едва не погубившей Русское царство и русский народ. И кто может аргументированно утверждать, что соболя из Мангазеи, именно в роковые годы Смуты мощным потоком хлынувшие в Москву, не сыграли решающей роли в борьбе за национальный суверенитет и территориальную целостность Русского царства?

Не за счет ли дополнительных поступлений сотен и тысяч «сороков соболей» были оплачены Василием Шуйским наемники шведского генерала Делагарди, проведено оснащение новых полков, которые нанесли урон польским регулярным войскам Яна Петра Сапеги и шайкам Лисовского? Даже отряды ополчения нужно вооружить, одеть, обусть, накормить, снабдить подводами и шатрами, обеспечить размещение. Что уж говорить о регулярном войске, которому надо платить жалованье, а за победы выдавать что-то вроде, пользуясь современной терминологией, «стимулирующих выплат»?

Еще дороже приходится приглашение профессиональных наемников, которые стали главной ударной силой армии Михаила Скопина-Шуйского. После стольких лет разорительной смуты царь где-то нашел средства и на выплаты легионерам, и на снаряжение нескольких десятков тысяч стрельцов. Потом, когда недруги отравили Скопина-Шуйского, когда армия потеряла яркого и харизматичного лидера, соболя царя Василия Шуйского не спасли. Однако в возрождении русской армии буквально из пепла в тяжелые 1608—1610 годы богатства Сибири сыграли свою выдающуюся роль.

Как только бояре, боявшиеся своего народа пуще интервентов, провозгласили польского королевича Владислава русским царем, тот первым делом стал слать указы в Сибирь с требованием увеличить поставки пушнины к царскому двору. А седые сибирские воеводы, суровые и наученные жизнью, не поспешали. Тянули вольнку. До последнего держали при себе обозы с «мягкой рухлядью», понимая, что «до Бога высоко, до царя далеко». Они оказались правы, когда Мангазея помогла Русскому царству, поделившись своими богатствами с избранным Земским собором царем Михаилом Романовым.

Много, много тайн хранит Мангазея. Может, это и громко сказано, но этот город — один из ключей к до сих пор не разгаданному шифру, который называется Русской смутой начала XVII века. Можно спорить о нюансах, насколько ресурсы Мангазеи повлияли на ситуацию под Москвой в эти годы, но невозможно замолчать ни беспримерный поход мангазейского воеводы Давида Жеребцова с его тысячей (и где сыскал столько в тогдашней Сибири!) воинов, ни сотен тысяч соболей, которые из Приполярья переместились в царскую казну и послужили Русскому царству в суровые, страшные годы Смуты.

Разгадать все эти загадки вряд ли возможно. Да и стоит ли? Лучше приложить силы к тому, чтобы рассказать как можно большему количеству людей о более чем полувековой истории русского освоения Крайнего Севера, о походах на Ямал, к устьям Оби и Енисея, к далекой загадочной реке с нежным названием Лена, а потом и к Тихому океану. Мангазея еще ждет своих исследователей.

Мангазея — немаловажная часть история освоения русской Арктики, некогда забытый, а затем вновь открытый археологами и историками форпост Русского царства на Крайнем Севере, где в XX веке были найдены и разработаны главные нефтегазовые богатства страны. По некоторым данным, одна из дорог на Мангазею проходила в каких-нибудь 40 километрах от Нового Уренгоя, «газовой столицы» России. Так что эти места, как фронтир, как плацдарм для продвижения на восток, не были безлюдны и 400 лет назад. Наоборот, в какой-то момент Мангазейско-Туруханский край стал перекрестком транспортных путей и точкой межкультурных коммуникаций русской цивилизации и народов севера Сибири. Газовики и нефтяники в XX веке пришли на землю, которая уже веками служила России, добывая для нее славу и богатства.

Северный речной путь

В мае 2021 года энтузиасты из северных краев, в основном жители Ямала, решили отыскать древний путь от Оби и Таза к Енисею. К ним присоединились несколько ценителей древней русской истории и экстремальных путешествий из разных городов России. Организатором экспедиции «Тайны Мангазеи» выступило Русское географическое общество, главным спонсором — компания ООО «Газпром добыча Ямбург». В команду вошли обычные офисные

С Богом!

сотрудники — любители природы, рыбаки и охотники, а также вдумчивые читатели исторических произведений. Одним из основных мотивов, который сподвиг их отправиться в неведомое, было желание испытать себя, понять, сможет ли наш современник сравняться со своими пращурами, которые без гаджетов, моторных лодок и бензопил прошли через Туруханское лукоморье и вернулись назад.

Организаторы искали упоминания о древнем забытом пути сначала в летописях и воспоминаниях участников северных экспедиций, а затем и на территории бывшего Мангазейского уезда.

В июле 2018 года разведочная экспедиция под началом Павла Нефедова отправилась на поиск древнего водного пути и едва не осталась зимовать на реке Покальке, притоке Худосея. На каменных порогах путешественники повредили винты моторных лодок и чудом смогли вернуться назад.

Год участники экспедиции готовились к новому переходу по рекам Таз, Худосей и Турухан. В конце мая 2019 года экспедиция отправилась на восток. Пятерке смельчаков — Павлу Нефедову, Денису Калинину, Данилу Хусаинову, Денису Каурдакову и Марселю Чаушеву — предстояло пройти длинный и опасный путь протяженностью почти 500 километров, имея запас продовольствия и топлива на две недели и одно охотничье ружье, на которое только и уповали при возможной встрече с особо опасным в весенний период хозяином здешних мест — бурым медведем.

Не раз участники экспедиции с головой уходили под воду, проваливаясь в едва прикрытые льдом глубокие ямы. Им приходилось прорубать проходы через заросли лиственниц и прибрежного кустарника, тащить резиновые лодки волоком и переносить на руках груз. Поставленную задачу в итоге выполнили — достигли села Старотуруханск на берегу Енисея (в прошлом Туруханское зимовье — Новая Мангазея).

Энтузиастам предстояло пройти путь сибирских первопроходцев XVII века при условии полной исторической реконструкции — на поморском карбасе под парусами и с веслами.

Последняя экспедиция

Как и задумывалось, экспедиция «Тайны Мангазеи» стартовала весной 2021 года на карбасе, точной копии судна, которое использовали поморы в XVII веке, когда была основана легендарная Мангазея. Карбас построили в Архангельске на верфи Товарищества поморского судостроения, оснастили двумя мачтами и шестью веслами. Затем перевезли судно в Красноселькуп и 31 мая 2021 года стартовали. По большой воде на веслах и под парусом пошли по реке Таз с выходом на реку Худосей, которая течет на восток в сторону Енисея.

По словам работника ООО «Газпром добыча Ямбург», руководителя экспедиции Павла Нефедова, это оказался исключительно тяжелый и опасный путь: «Идти на веслах против течения физически тяжело. Сначала добивались слаженности гребцов, потом боролись с ветром и противодействием воды. Одолевал дождь, который шел почти непрерывно. Выручала вера в людей, товарищеская помощь и желание выполнить поставленную задачу».

Вслед за карбасом двигались резиновые моторные лодки — на них находилась съемочная группа, перевозились основные грузы. Сам карбас шел вперед исключительно мускульными усилиями людей с помощью весел, шестов, а порой и бечевы. Парус помогал мало. По итогам экспедиции оказалось, что за время пути сила ветра помогала путешественникам только на протяжении десятой части маршрута.

Исторический волок. «Всего» полтора километра

После Худосея экспедиция вышла на реку Покалькы, затем на реку Перевальную, вблизи одноименного озера. Там, где на моторных лодках путь занимал пару суток, на веслах и под парусом шли восемь дней. На девятые сутки добрались до судьбоносного места волока от реки до озера Перевального. Около полутора километров предстояло пересечь без воды по зыбкой почве заболоченного урочища. Как перебросить карбас, три моторные лодки и около трех тонн грузов по пересеченной увлажненной местности? Только волоком, вручную, бечевой...

«Путь через древний волок у нас занял пять дней, — вспоминает директор ООО «Ямал-Фото», технический руководитель и фотограф экспедиции Данил Хусаинов. — Чтобы разведать направление, отправили поисковые группы. Первый вывод был неутешителен — пройти до озера невозможно. На пути встали топь, завалы деревьев, сплошная стена леса и чапыжника. Мы все-таки решили пробиваться. Рубили заросли, тащили бечевой карбас, где-то катили его на бревнах. К вечеру выбивались из сил полностью. Однако до озера дошли».

Еще во время движения по Худосею и Покалькы по берегам рек, параллельно движению карбаса, экспедиция направляла поисковые группы. То, что на маршруте должны быть археологические артефакты, было известно по летописям и из наблюдений прошлых экспедиций.

Под руководством кандидата исторических наук Алексея Матвеева были обнаружены и зафиксированы несколько десятков древних свидетельств,

Одна из находок экспедиции

в первую очередь, зарубки, знаки, надписи на стволах вековых деревьев.

На месте волока у озера Перевального в XVII веке существовало небольшое поселение, которое обслуживало «транспортный узел». Затопленные сваи пристани, остатки строений и снова зарубки, вырезанные на деревьях знаки и буквы на кириллице... Все зарегистрированные поисковыми группами артефакты еще предстоит оценить и классифицировать.

После озера Перевального еще семь дней пути на веслах — и вот показалось село Старотуруханск, а вдали заблестела гладь Енисея. Маршрут экспедиции завершен!

Полярная Одиссея

Когда путешественники преодолели тяжелейший сухой волок на подходах к озеру Перевальному, стало ясно, что экспедиция не завершится поражением и бесславным возвращением восвояси. Настало время подумать, каковы итоги и результаты этого дерзновенного похода? Какую ценность для общества представляет это экстремальное и затратное путешествие?

«Испытать себя, понять, насколько ты отличаешься силой и духом от первопроходцев семнадцатого века, — это, конечно, важный мотив, — говорит работник компании «Газпром добыча Ямбург» Денис Калинин. — Но не менее важно, чтобы все, кто прошел маршрут, поняли, осознали и транслировали окружающим, что мы наследники великой и героической истории. Первопроходцам было несравненно тяжелее, чем нам, но они все преодолели и за жизнь одного поколения дошли от Урала до Тихого океана. Нам надо быть достойными открытий наших предшественников».

Сегодня участники экспедиции разбирают гигабайты накопленной во время путешествия информации. Анализируются видеозаписи и фотографии, расшифровываются интервью. Много чего интересного встретили они на своем пути. К примеру, на фактории Ладьга участники экспедиции виделись с семьей народности кето — Геннадием, Степаном и Елизаветой Кукушкиными. Старшему из них, Геннадию Поликарповичу Кукушкину, больше 70 лет, но он по-прежнему живет традиционными промыслами — охотится, ловит рыбу, собирает грибы и ягоды. Как когда-то поделился с ним его отец, в селе Курейка, среди ссыльных революционеров, он видел Иосифа Сталина, который приходил с конвоем на берег реки и беседовал с местными мальчишками. Так замыкается исторический круг...

«Полярная Одиссея» полностью завершится не скоро... В ноябре 2021 года в Новоуренгойском музее изобразительных искусств при поддержке ООО «Газпром добыча Ямбург» открылась выставка, посвященная «Тайнам Мангазеи». Готовится к изданию книга, в которой будет представлен дневник экспедиций и подробный исторический очерк о первом русском заполярном городе

Г. П. Кукушкин

в Сибири. Находится в производстве фильм об экстремальном путешествии на карбасе. Кстати, фильм об экспедиции 2019 года стал победителем Московского международного фестиваля горных и приключенческих фильмов «Вертикаль». Кандидат исторических наук Алексей Матвеев планирует выпустить научную монографию, посвященную полевым исследованиям и находкам, обнаруженным в ходе экспедиции.

Результаты

Краткие выводы по итогам почти пятилетней эпопеи проекта «Тайны Мангазеи» можно сделать уже сейчас.

Участникам экспедиции в ходе историко-географической реконструкции удалось на практике подтвердить гипотезу о возможности преодоления за один летний сезон маршрута по рекам и озерам, а также волоком от Мангазеи (Ямало-Ненецкий автономный округ) до Новой Мангазеи (Красноярский край) на поморском весельно-парусном судне.

Обнаружено множество артефактов XVII века — зарубки, вырезанные надписи, места стоянок и переправ, остатки жилья и транспортных средств, направления передвижений промысловых экспедиций. Полученная информация уникальна и может послужить импульсом к организации масштабных археологических раскопок в районе древнего Мангазейского хода и мест волоков. Вполне возможны и громкие открытия.

Собранная в ходе трех экспедиций информация пополнит базу данных Русского географического общества и послужит популяризации туристических маршрутов в Арктической зоне России. Участники экспедиции показали, что и в XXI веке, отправляясь в путешествие, можно соблюдать экологические требования и не вредить хрупкой природе Крайнего Севера.

И последнее, но не менее важное — условия дальнего похода помогают участникам полюбить этот дикий и суровый край, практически слиться с природой.

Александр КИСЕЛЬНИКОВ:

«РОССИЯ — ПЛОТ В ШТОРМОВОМ ОКЕАНЕ...»

Интервью

Александр Андреевич Кисельников — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, действительный член Российского отделения Международной академии исследования будущего. В 2000—2016 годах возглавлял Новосибирскстат.

Выпускник НГУ (специальность «Экономическая кибернетика»), много лет преподававший в новосибирских вузах, он известен своими научными трудами, а также является автором ряда книг общественно-политической тематики. Читателям «Сибирских огней» знаком по публикации 2013 года «Новейшая история России (1985—2011 гг.): записки современника. Главы из книги».

— Александр Андреевич, почему одна из ваших книг, изданная в 2013 году, носит название «Новейшая история России (1985—2011 гг.)»?

— Выбор периода был предопределен стечением обстоятельств. Для этой книги принципиальным является не интервал времени, а название. По настоятельной просьбе издательства «Историческое наследие Сибири» книга должна была быть написана в течение 2012 года. В конце этого года вышел первый тираж, а в 2013 году — второй.

Напомню, что 25 декабря 2011 года исполнилось ровно 20 лет после распада СССР. Это случилось на последнем Съезде народных депутатов РСФСР, на котором мне довелось присутствовать в качестве приглашенного. Предшествующая пятилетка в памяти народа закрепилась как «перестройка». В книге она отражена в первой главе под названием «Горбачевский период». Последняя глава называется «Двадцать лет после спуска флага». Таким образом, отражен четвертьвековой судьбоносный период перехода нашего советского народа (и государства, и советской цивилизации) из одной эпохи в другую.

Во введении к книге в качестве эпиграфа приведены пророческие слова Ф. М. Достоевского из его романа «Бесы»: «В чем состояло наше смутное время и от чего к чему был у нас переход — я не знаю, да и никто, я думаю, не знает...»

Углубляться в более ранние периоды не было смысла, поскольку они описаны многими отечественными и зарубежными авторами вдоль и поперек. Основой для написания книги послужил целый цикл ранее изданных монографий

и статей. В частности, моя брошюра «Оптимистическая трагедия России: события 1985—2008 гг. глазами очевидца» (Новосибирск: «Мангазея», 2009). Ее название соответствует сути произошедшей геополитической катастрофы. В результате страшной трагедии распада СССР, как написал поэт Тимур Зульфикаров, на планете «появилось 300 миллионов несчастных человек». Образовался самый большой в мире разделенный народ — русские. Десятки миллионов из них оказались за границами Российской Федерации и стали «негражданами», объектом унижений и издевательств со стороны «титовых наций». Впрочем, пришлось несладко большинству других народов бывшего СССР. В одном Таджикистане ко времени издания книги в ходе гражданских войн было убито около 150 тысяч человек. В обиход вошло понятие «русский крест», когда в 1992 году кривая смертности пересекла (превысила) кривую рождаемости и начался процесс депопуляции русского народа. Он продолжается весь постсоветский период, за исключением небольшого интервала в 2013—2015 годах. За этот период накопленная убыль населения в РФ превысила 21 миллион человек, что больше суммарных потерь в годы фашистской агрессии против СССР (1941—1945). То есть под прикрытием разговоров о демократии и рынке по факту осуществляется геноцид русского и других народов нашей страны.

Были и положительные тенденции. Так, был «замирен» конфликт в Чечне, утихла террористическая деятельность на территории России, заработали институты буржуазного государства и рыночной экономики, начался заметный экономический рост. Наконец, впервые после распада СССР, Россия дала жесткий военный ответ на внешнюю агрессию. Я имею в виду «пятнадцатидневную войну», военные действия по спасению Россией от геноцида со стороны проамериканского грузинского режима Михаила Саакашвили малочисленного народа Южной Осетии в августе 2008 года.

Кстати, в 2013 году мне позвонил начальник Военной академии Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник С. А. Макаров, который в 2008 году был командующим Северо-Кавказским военным округом и руководил этой военной операцией. Он сказал, что у него в гостях был А. В. Квашнин (полномочный представитель президента РФ в СФО, бывший начальник Генерального штаба ВС РФ), показал мою книгу и рекомендовал включить ее в учебный процесс академии. Я ответил, что для меня это высокая честь, и в тот же день отправил в адрес академии коробку с книгами.

За несколько месяцев до этого я встречался с А. В. Квашниным, подарил ему несколько экземпляров книги и попросил высказать свое мнение по тем эпизодам, в которых я не был участником, но которые в силу их значимости не мог обойти. Речь шла в первую очередь о двух чеченских войнах и войне в Грузии. Спустя некоторое время он мне перезвонил и сказал, что, по его мнению, акценты расставлены верно.

Анатолий Васильевич Квашнин, к сожалению, ушел из жизни 7 января 2022 года в возрасте 75 лет. В книге есть фрагмент текста воинской присяги офицера русской армии 1913 года, копию которой он мне подарил во время одной из наших встреч. В тексте есть ссылка, что подарил ее автору книги именно он, Герой России, генерал армии, дольше всех в истории нашей страны возглавлявший Генеральный штаб Вооруженных сил РФ. Светлая ему память!

На названии книги «Новейшая история России» настояло издательство «Историческое наследие Сибири». К этому времени оно выпустило (в основном в содружестве с Институтом истории СО РАН) около 70 книг и хотело, чтобы название соответствовало профилю его деятельности. Я возражал, считая

себя не вправе публиковать под своей фамилией книгу с таким обязывающим названием. Ведь я не являюсь историком по роду деятельности и не имею исторического образования. Я согласился на это название при условии, что рецензентом монографии выступит главный ученый-историк Сибири, по официальному статусу — директор Института истории СО РАН В. А. Ламин. В итоге Владимир Александрович Ламин выступил не только в качестве рецензента и сделал немало полезных замечаний, но и написал предисловие к книге, за что я ему очень благодарен.

Закономерен вопрос: почему такую книгу не написали профессиональные историки? Тема актуальна, а в новосибирском Академгородке работает один из самых высокопрофессиональных научных коллективов в России по исторической тематике, основанный в 1966 году академиком А. П. Окладниковым. Дело в том, что историки работают с устоявшимися историческими фактами. Как выразился один из крупнейших историков XX века Эрик Хобсбаум (Великобритания): «Любой факт трудно рассматривать вне контекста последующих 200 лет». Или, его же словами: «Историю нужно писать после того, как пыль уляжется». Но если ждать 200 лет, придут на пепелище русских пространств те же англичане или немцы и напишут нам такую историю, какую сочтут нужной. Что бывало уже не раз. Ведь история есть политика, обращенная в прошлое.

В 1991 году произошло действительно экстраординарное событие. Если раньше даже крупные общественно-политические трансформации не затрагивали основ государства и общества, то в этот раз были подорваны все устои, на которых базировалась наша страна, государство, общество, система управления, мораль, этика. Даже язык, слова, термины — все поменялось. Резко возросла динамика социально-экономических и политических процессов. Несколько поколений советских людей выросли в ситуации стабильности и планового (предсказуемого) развития. Человек мог родиться, жениться и состариться, а вокруг него все было стабильно: знакомый газетный киоск, аппарат с газировкой, детский сад, школа, вуз, предприятие, рабочие коллективы, среда обитания. Все это новые хозяева жизни обозвали «застоем», чтобы нам не жалко было.

Сейчас же все в социуме пришло в хаотичное непредсказуемое движение. Приведу пример. В 1990-х в самом центре Новосибирска располагалась влиятельная контора под названием «Налоговая полиция». Она размещалась в здании обанкротившегося «Сибирского торгового банка», которое «отжали» у обманутых вкладчиков — тех просто «кинули» и деньги не вернули. Целые десять лет обитатели этого заведения были счастливы: росли в чинах, имели массу льгот. В общем, пребывали в ощущении, что вытянули счастливый билет на похоронах собственного государства, которое обязаны были защищать согласно офицерской присяге (все их руководство было выходцами из КГБ). В таком прекрасном расположении духа они отметили 10-летний юбилей конторы. Отмечали широко, поэтому даже я (обычный гражданин, не имеющий никакого отношения к этой конторе) помню, что это было в пятницу. А в понедельник пришли на работу и обнаружили, что работы нет... В 2003 году их бывший общероссийский начальник Михаил Фрадков убыл спецпредставителем РФ при ЕС в Брюссель, а контору ликвидировали. Поскольку места в Брюсселе для всех не нашлось, сотрудников бывшего федерального ведомства распахали кого куда — кого в МВД, кого на пенсию, а кого на улицу.

Такая процедура «тяги-толкай» применяется для уничтожения остатков дееспособности, этики и морали во всех государственных институтах РФ

в постсоветские годы. В результате на смену «дяде Степе-милиционеру», стоявшему на защите интересов народа, пришел роботизированный «зомби-полицай», стоящий на службе правящего класса. Я неплохо знаком с работой институтов власти федерального, регионального и муниципального уровня и поэтому могу утверждать, что качество государственного управления в нашей стране удручающе низкое. Этот тезис подтверждают многочисленные международные рейтинги. В книге «Новейшая история России» часть этих рейтингов приведена по состоянию на 2011 год. Сейчас положение России стало еще хуже — где-то в районе 110—115 места, рядом с Гамбией, Зимбабве и тому подобными странами.

Аналогичные деструктивные процессы проходили в экономике и социальной сфере. Были уничтожены («оптимизированы») десятки тысяч заводов и фабрик, колхозов и совхозов, школ и медицинских учреждений. Зброшены сотни малых и средних городов, огромное количество сельских населенных пунктов. Прекратили свою деятельность десятки отраслей народного хозяйства, утрачено множество технологий, навыков и умений. Недавно В. И. Матвиенко (третий по табелю о рангах представитель федеральной власти РФ) сделала открытие, что Российская Федерация не может производить в достаточном количестве даже гвозди.

Для описания этого всеобщего деструктивного процесса наиболее адекватным является инструментарий статистики. В период с 2000 по 2016 год я возглавлял Новосибирский областной комитет государственной статистики и являлся председателем Совета руководителей территориальных органов государственной статистики, расположенных в Сибирском федеральном округе. На этот период пришлось две всероссийские переписи населения (2002 и 2010 годы), две всероссийские сельскохозяйственные переписи (2006 и 2016 годы), создана система статистического обеспечения полномочных представителей президента РФ в федеральных округах, решено много других аналитических задач. Всю доступную мне открытую информацию я стремился использовать для адекватного отражения происходящих в нашей стране социально-экономических процессов в различных публикациях, в том числе в упоминаемых в данном интервью книгах.

Одним из следствий произошедших трансформаций стал разрыв привычных причинно-следственных связей. Как выбрать в огромном потоке событий действительно наиболее значимые и достоверные? С учетом возможностей, времени и других ресурсов, которые всегда ограничены. Как осуществлять выбор: по алфавиту, очередности, имени начальника (Путин или Ельцин сказал — значит, правда, он врать не будет)? Этот вопрос очень сложный, особенно в условиях системной дезинформации со стороны заинтересованных сил.

Историки могут посвятить десятилетия труда исследованию какого-нибудь отдельного факта или исторического деятеля. Например, конспиролог Вадим Шегалов достаточно убедительно показывает, что под именем Уильяма Шекспира писал шедевры не бедный актер, сын перчаточника (такой персонаж реально существовал и изображал гениального писателя в глазах окружающих), а внебрачный сын королевы Англии Елизаветы Первой, гений современности, философ Фрэнсис Бэкон. Просто в силу существовавших тогда социальных норм ему не пристало быть писателем. Это интересно, но не решает задачи, которые я пытался решить в своих книгах: отразить суть происходящих исторических процессов и описать (в том числе количественно) наблюдаемые тенденции.

— Каково влияние внешних и внутренних факторов на новейшую историю России?

— Приведу пример, как, казалось бы, не очень значительное событие может иметь далеко идущие исторические последствия. Второго октября 2018 года в посольстве Королевства Саудовская Аравия в Стамбуле спецслужбами КСА был убит оппозиционный журналист Хашогги. В российских СМИ акцент был сделан на криминальных подробностях: как приехал специально обученный патологоанатом, который разделал убитого журналиста на куски, потом их растворили в кислоте и т. п. Профессиональный историк не обратил бы на этот факт внимания, более того, не обязан был этого делать. Мало ли кого убили в Стамбуле, тем более что Россию в этом преступлении никто не обвинял. Само по себе это событие никакого влияния на жизнь в нашей стране не оказало. Но то, что произошло позднее, в связи с этим событием, затронуло жизнь всех россиян. Причем в гораздо большей степени, чем все решения, инициированные российской системой управления за этот год. Например, отставка российского правительства во главе с Дмитрием Медведевым в январе 2020-го.

Как оказалось, убитый журналист успел получить вид на жительство в США. Это позволило президенту США Дональду Трампу предъявить наследному принцу КСА Мухаммеду ибн Салману ультиматум: или тот делает, что ему прикажут, или его будут судить за убийство гражданина Соединенных Штатов. В качестве откупного КСА подписало рекордные контракты на закупку вооружений у США (на сумму примерно 100 миллиардов долларов), подвинув РФ на рынке вооружений. Но главное то, что КСА повторило маневр 1973 года, выбросив на мировой рынок дополнительные объемы нефти, сверх квот, установленных для КСА ОПЕК. В результате цены на нефть упали настолько, что впервые в истории добычи нефти ушли в отрицательную зону. Так как добытую нефть было некуда девать и все хранилища были заполнены, за каждую тонну нефти покупатель не только не платил, но ему еще приплачивали примерно по два доллара. Россия, как крупнейший экспортер углеводородов, лишилась значительной части экспортных доходов. Вследствие того, что бюджет перестал наполняться, большую часть социальных программ секвестировали или заморозили. То же самое произошло с реализацией национальных проектов и т. н. майских указов, подписанных 7 мая 2012 года в день вступления Владимира Путина в должность президента РФ. Говорить про них не перестали, но денег стали выделять значительно меньше. Такие события в своих книгах я называю ключевыми.

Другой пример. На ГДР в конце 1980-х никто не нападал. Ее предал генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев, а восточногерманскую экономику после вхождения в состав ФРГ 3 октября 1990 года убили без единого выстрела в течение нескольких месяцев. Этому способствовал завышенный курс марки ГДР, установленный банкирами ФРГ по приказу канцлера ФРГ Гельмута Коля. А ведь в то время Германская Демократическая Республика была десятой экономикой мира, обладавшей высокоразвитой диверсифицированной промышленностью. К примеру, сейчас место РФ по номинальному объему ВВП ниже, чем тогда у ГДР, — колеблется в интервале от десятого до тринадцатого. Ее экономику убили, как баранов в СССР.

История с баранами случилась еще в горбачевскую «перестройку». Тогда высокие государственные чины из вредительства или по недоумию установили заниженную цену на закупку шерсти. После этого решения овцеводство как отрасль народного хозяйства СССР почти сразу «приказало долго жить». Так как оно стало убыточным, в коллективных хозяйствах поголовье пустили под нож. С точки зрения продолжительности жизни овцы или барана эта информация (закупочная цена на шерсть) гораздо важнее, чем фамилия губернатора или

название политической партии, в которой тот на данный момент состоит. Значит, важнее и для населения регионов, где эта отрасль является отраслью специализации, — Бурятия, Калмыкии и других.

Другие отрасли экономики убивались с помощью других финансовых инструментов. Достаточно было установить НДС на уровне 20 % — и пришел конец обрабатывающей промышленности. Довели процентную ставку за кредит до величины, в два раза превышающей реальный уровень инфляции, — и загнали заемщиков в невозвратные долги. Разогнали инфляцию (например, с помощью роста тарифов естественных монополий) — уничтожили большую часть накоплений у населения страны. После того как рухнул «железный занавес», этот инструментарий неокOLONиализма и империализма не был известен ни населению, ни системе управления бывшего СССР. Это все равно как обитателей Новосибирского зоопарка «выпустить на свободу», открыв им клетки. В свое время североамериканских индейцев колонизаторы травили наркотиками, «огненной водой», дарили одеяла, зараженные бактериями чумы и оспы. В XX—XXI веках набор инструментов неокOLONизаторов расширился, но суть осталась той же.

На новую (демократическую) Россию обрушились политические, экономические, организационные, институциональные реформы. Они шли сплошным потоком, иногда по пять-шесть одновременно. «Смотрящие» со стороны Запада подгоняли процесс. Как любил говорить папа грабительской российской приватизации Анатолий Чубайс: «Больше наглости», «надо пройти точку невозврата». Населению по всем информационным каналам внушалось: «Ты, тупой безграмотный “совок”, ничего не понимаешь в демократии и рыночной экономике. Делай, что тебе говорят, и будешь жить, как живут на Западе. Но позже!»

В одном Новосибирске под вывеской европейской гуманитарной программы «ТАСИС» было высажено девять иностранных резидентур. За каждой страной-куратором был закреплен определенный сегмент российской экономики. Например, Нидерланды отвечали за помощь в организации рынка труда. Они оказали ее в полном объеме, от терминов и понятий до законов, оргтехники, программного обеспечения, подготовки и переобучения кадров. Я сам прошел небольшой курс подготовки по этой тематике в Гааге и в Амстердаме.

Германия оказывала помощь по линии реформы МВД, статистики и ряду других вопросов государственного управления. От США здесь работало USAID (Агентство международного развития). Его специалисты написали для РФ проект новой Конституции, курировали процесс приватизации государственного имущества, а также реформирование сфер ЖКХ, энергетики, сделку «Гор — Чернобырдин» в сфере ядерной энергетики и другие важнейшие вопросы.

— Почему до сих пор не выработано однозначной оценки этих событий?

— Разобраться хотя бы на концептуальном уровне в истинной сути даже одной «системной» реформы или «гуманитарной» программы очень сложно. Это огромный айсберг, 90 % которого было скрыто от глаз. Виднелась лишь верхушка, прикрытая глазурью пропаганды и дезинформации. Именно поэтому многие журналисты, пишущие на эту тему, уходят в более узкую, но знакомую им предметную область. Например, в политологию или криминальную хронику. Историки, в силу причин, упомянутых выше, тоже не могут разобраться в сути социальных процессов. Чтобы владеть хотя бы понятийным аппаратом, основами методологии, базовым законодательством, системой количественных измерений наблюдаемых явлений, необходима узкая специализация.

Рынок земли и фондовый рынок — это совершенно разные сферы (примерно как урология и стоматология в медицине). Банковский сектор и бюджетная сфера — это тоже «две большие разницы», даже если речь идет только о финансах. Реформа ЖКХ, энергетики, здравоохранения и образования — тоже принципиально разные сферы. У людей, пишущих на эти темы, должна быть соответствующая специализация. Иначе ошибочный или поверхностный взгляд неизбежны. И таких направлений десятки. Просто так, в качестве хобби, десятки людей не могут работать несколько лет над определенной темой. Их труд кто-то должен оплачивать. А тот, кто платит, тот и заказывает музыку. То, что во время военного парада 9 мая 2022 года московский Мавзолей, так же как и памятник И. В. Сталину у Кремлевской стены, был задрапирован, говорит о дистанцировании современной власти от определенных моментов нашей истории.

Если рассматривать в качестве заказчика работ по разрушению России неких иностранных недругов, а источника финансирования — гранты западных «гуманитарных» фондов, уместно вспомнить слова легендарного руководителя внешней разведки СССР генерал-лейтенанта Л. В. Шебаршина (1935—2012): «Западу от России нужно только одно — чтобы ее не было». На фоне текущей «гибридной» войны коллективного Запада против РФ никому не позволят опубликовать правду о том, как реально происходил развал СССР и шла его трансформация в «Россию демократического облика»; каковы были движущие силы и в чьих интересах это делалось...

— Почему вами выбран для исследования именно этот временной отрезок истории нашей страны?

— К 2011 году мной был накоплен большой опыт анализа и осмысления переломного этапа истории СССР и новой России. Он включал период развитого социализма (последние советские пятилетки), период крушения СССР и период формирования РФ нового, демократически-либерального облика.

В книге «Новейшая история России (1985—2011 гг.): записки современника» присутствует исторический аспект, и она отвечает своему названию. Но она написана на междисциплинарной основе. В ней изложено несколько взаимосвязанных сюжетных линий, представляющих системный взгляд на социальные процессы, систему государственного управления и ее трансформацию, реформы, оказавшие наибольшее влияние на ход исторического процесса, демографию, экономику, статистику и региональную политику. То есть это взгляд научного сотрудника с системным образованием и типом мышления, патриота своей страны, лично пережившего кульминационный для трансформации нашего государства исторический момент.

Вышедшая в 2022 году книга «Есть только миг между прошлым и будущим» дополняет предыдущую. Она написана от первого лица и отражает взгляд автора на ключевые события, которые происходили в вышеописанный период. Мне довелось много поработать в Росссийской академии наук, системе высшего образования, органах исполнительной и законодательной власти федерального и регионального уровней, а также государственной статистики, быть участником разработки ряда законов, проектов и программ. Я был участником стажировок и обучающих поездок в разные страны. Например, только в Германии я был на курсах по рыночной экономике, системе государственного управления, организации энергетического рынка, рынка труда, статистики и др. шесть раз.

Часть полученных знаний и совершенно нового для России опыта государственного управления была трансформирована в научные монографии и

учебники для студентов вузов. Например, книга «Региональная политика в странах рыночной экономики», написанная в соавторстве с Н. И. Лариной (М.: «Экономика», 1998). Она подготовлена на основе изучения опыта управления 16 стран, которые мы с соавтором посетили в исследовательских целях. Она включена в список обязательной литературы для студентов вузов по специальности «Региональная экономика» в большинстве стран СНГ. Этот образ будущего — «сияющий град на холме» — я имел возможность увидеть не только глазами ведущего старейшей программы центрального телевидения «Клуб путешественников» Юрия Сенкевича, но и своими собственными.

Хочу отметить, что мои работы по новейшей истории России, как любые исторические исследования, во многом отражают субъективное восприятие автора. Но это взгляд современника-очевидца, не ангажированный и не манипулируемый. Если автор в чем-то заблуждался, то совершенно бескорыстно.

— Насколько была неизбежна деградация экономических и социально-политических отношений в позднем СССР?

— Ответ на этот вопрос зависит от теоретической подготовки, философской или религиозной системы взглядов отвечающего. Например, с позиций закона о круговороте веществ в природе деградации нет, есть превращение одного вещества в другое. Медики и биологи отвечают на этот вопрос в аналогичном ключе. Например, что процесс старения объективен и начинается после рождения. Общеизвестна шутка: «жизнь — это заразная болезнь, которая передается половым путем и заканчивается летальным исходом».

Советский Союз, единственное государство (и цивилизация) за всю писаную историю человечества (9 тысяч лет), созданное в соответствии с научной теорией (марксизм-ленинизм) и социальными верованиями (вера в социальную справедливость), прожил примерно 72 года. Это соответствует понятию «один астрономический день» или один день в библейской трактовке. Также это примерно соответствует средней продолжительности жизни современного человека.

Поколение, к которому я принадлежу, родилось, выросло и сформировалось в СССР. Поэтому я попытаюсь ответить на этот вопрос, опираясь на марксистско-ленинское мировоззрение. Есть и личные моменты. В частности, мой отец был делегатом XXII съезда КПСС, который состоялся в октябре 1961 года и на котором было принято два исторических, но взаимоисключающих решения (правда, последнее выяснилось много лет спустя). С одной стороны, в рамках кампании по развенчанию «культы личности» тело Сталина вынесли из Мавзолея. С другой — объявили об окончательной победе социализма в СССР и о задаче построения коммунизма к 1980 году. Тем самым внесли когнитивный диссонанс в умонастроения народных масс и построенную при Сталине систему государственного управления.

Как известно, вместо обещанного в 1980 году наступления коммунизма в СССР состоялась московская Олимпиада, символ которой — надутый газом резиновый Мишка — на закрытии мероприятия улетел и вскоре сдулся. Но в 1961 году никто об этом не мог и подумать. Мне было 10 лет. Со съезда отец привез мне книгу космонавта № 2 Германа Титова «700 000 километров в космосе» с его автографом, а сестре — открытку с автографом первого космонавта Земли Юрия Гагарина.

На мой взгляд, то, что произошло с СССР, это результат не процесса старения, а деградации, ухудшения всех существенных характеристик социально-экономической системы. Сначала малозаметное, затем с ускорением и

наконец закончившееся катастрофой. Деграция началась с XX съезда КПСС в 1956 году, что сразу отметил возглавлявший в те годы Китай Мао Цзэдун и другие деятели международного коммунистического движения. Именно тогда, а не в позднем СССР, верхушка КПСС и руководство СССР начали разминать свое первородство на «чечевичную похлебку».

С годами ситуация усугублялась. В начале 1980-х годов информационную повестку в Советском Союзе перехватили «хохмачи». Они обсмеивали моральные ценности, лежавшие в основе советского государства. Чего стоили, например, анекдоты про героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева и Анку-пулеметчицу или безногого летчика Великой Отечественной войны Алексея Маресьева, который «шишку съест и дальше ползет». Постепенно, поэтапно в общественное сознание внедрялась мысль, что коммунисты — это фанатики, «совки», «ватники», которые сами не умеют жить и другим не дают. В 2022 году в ходе украинской «невойны» мы добрались до абсолюта: зомбированных фашистской пропагандой братьев-украинцев, для которых ненавистная «Рашка», населяющие ее люди и все, что они сделали, не имеют права на жизнь...

— Какой вклад в деграцию внесли внутренние угрозы?

— Скатывание в бездну происходило не так быстро. Сначала ему мешало поколение интернационалистов-победителей. Мой отец, Андрей Павлович Кисельников, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими боевыми орденами и медалями, подполковник запаса, почетный житель города Калтана (Кемеровская область), ушел из жизни в 2006 году. Из-за четырех осколков, оставшихся в теле, и из-за сломанной шейки бедра его мучили сильные боли. Но одними из последних слов его жизни, когда он очередной раз очнулся от боли, были слова: «Прошу считать меня коммунистом». Видимо, эта фраза не была только выдумкой советских пропагандистов.

Моя мама Александра Максимовна Кисельникова ушла из жизни в 2009 году в возрасте 80 лет. Тяжелое, голодное военное и послевоенное детство. Затем 40 лет работы учителем начальных классов, сотни учеников, мизерная заработная плата. Поднимала нас с сестрой, потом внуков. Рядовой член КПСС. Как писал Достоевский, «высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее». На своем низовом уровне она видела, как ложь и лицемерие разъедают ткань государства и общества. Но никогда не отождествляла эту плесень, приспособленцев, — и русский, советский народ. В последние годы жизни у нее в глазах часто без видимых причин стояли слезы. На мой вопрос, почему она плачет, отвечала: «Родину жалко, сынок»...

И отец, и мать, были кристально честными людьми. Их жизнь, состоящая из служения Родине и тяжелого труда, могла бы быть образцом для следующих поколений. Но идеалы героизма и самоотречения вышли из употребления, а, как известно, бытие определяет сознание. Поколение, победившее фашизм, вновь отстроившее разрушенную страну и выведшее человечество в космос, оставшись в меньшинстве, долго сопротивлялось деграции, сохраняя живучесть страны. Но когда произошел переход количества в качество, мы и получили ситуацию, которую имеем до сих пор.

Хотел бы отметить другой важный аспект, который советские идеологи пытались игнорировать, но который сыграл решающую роль в развале Советского Союза. Это национальный вопрос, в первую очередь — судьба и роль в СССР русского этноса. Вопрос о национальном составе населения СССР был

выведен за пределы публичных обсуждений и реальной политики. Примерно с начала 1980-х утверждалось, что в Советском Союзе создана новая общность — единый советский народ. СССР распался, когда доля русских упала до 52 %. Современная российская власть наступает на те же грабли: путем суженного воспроизводства русского населения и поощрения завоза мигрантов сокращает удельный вес и влияние русского этноса и других коренных народов России. Тем самым создаются предпосылки для распада Российской Федерации на еще более мелкие фрагменты.

Конечно, в этом процессе деградации есть доля объективных и субъективных факторов. Дискуссии об их соотношении ведутся, но убедительных доказательств правомерности той или иной точки зрения нет. Поскольку теории, на которые опираются авторы этих суждений, носят субъективный характер. К примеру, возьмем кем-то «раскрученного» психолога, блогера, профессора Сергея Савельева. Основной пафос его многочисленных видеороликов в том, что человек — это прежде всего животное. Сними с него камуфляж (часы, галстук, ботинки...) — и получишь существо, большую часть поступков которого определяют, как у обезьяны, три базовых рефлекса — еда, инстинкт размножения (секс) и доминирование в стае. Именно этой особенностью объясняется, по его мнению, быстрый процесс «расчеловечивания» что в фашистской Германии, что в бывшей братской Украине, что в нашем «Богом хранимом Отечестве».

Я не психолог и не могу профессионально дискутировать на эту тему. Но на своем обывательском уровне не могу с этой точкой зрения согласиться. Лично знаю не один десяток людей, которые под данную категорию не подходят. Хотя удельный вес таких людей невелик и их влияние в нашем потребительском обществе снижается.

Первого октября 2022 года исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя Льва Николаевича Гумилева. В своих работах Лев Николаевич, в частности, показал, что русский суперэтнос находится в «пессимальной» фазе своего развития. Но этот объективный процесс очень длительный, инерционный. Если его искусственно ускорить с помощью войн, эпидемий, миграционных потоков, он быстро перейдет в фазу «обскурации», и русский след растворится на просторах Евразии.

— Как вы оцениваете состояние СССР накануне 1991 года? Была ли возможность сохранить страну?

— К этому времени советский народ устал жить в условиях все возрастающего разрыва между официальной риторикой и делом. Обещание первого секретаря КПСС в 1953—1964 годах Н. С. Хрущева и правящей партии в его лице, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», к запланированному 1980 году не реализовалось. Тем не менее возможность продлить существование Советского Союза была. Проблемы и противоречия, стоявшие перед страной в 1991 году, не носили неразрешимого характера. Ситуация в стране была неизмеримо лучше, чем в РФ образца 2022 года. На страну никто не нападал, у нее было много союзников и сторонников по всему миру и огромный запас прочности.

По поводу воздействия внешних и внутренних факторов можно сказать, что ответ на этот вопрос зависит от того, как мы рассматриваем ситуацию: в статике или в динамике. Если в статике, то известный румынский мыслитель Эмиль Чоран как-то заметил: «Великие державы никогда не бывают побеждены — обычно они кончают жизнь самоубийством». По отношению к Советскому Союзу

такое определение верно на 100 %. Он был убит на Съезде народных депутатов РСФСР 25 декабря 1991 года своими законно избранными представителями. Они принесли его в жертву Молоху добровольно, единогласно и без видимых внешних причин в самом что ни на есть сакральном месте — в Большом Кремлевском дворце.

Я присутствовал на этом съезде как приглашенный гость и наблюдал картину коллективного помешательства народных депутатов собственными глазами. В моей книге «Есть только миг между прошлым и будущим» я называю этот съезд «съездом коллективной эвтаназии».

Если рассматривать проблему в динамике, то картина меняется. Внешние и внутренние факторы являются «сообщающимися сосудами»: одни перетекают в другие в обоих направлениях. Приведу пример из медицины (аналогия здесь уместна). В одном из 10 районов Новосибирска (в Академгородке) в советское время наблюдался аномально высокий уровень заболевания почек, в том числе у детей. Выдвинули гипотезу, что главная причина в питьевой воде. В отличие от других районов, получавших воду от водозаборов на Оби, Академгородок был запитан от артезианских скважин. Дополнительные исследования эту гипотезу подтвердили. Были сделаны рекомендации по улучшению системы водоочистки и подключению к иным источникам водоснабжения.

В политике также бывают случаи, когда ситуацию предопределяет действие одного или двух факторов. Признание очевидности и согласованное решение называют консенсусом. Но это бывает очень редко. Типичной является ситуация, когда имеет место тесный клубок противоречивых личных и корпоративных интересов и действует множество причин, из которых не ясно, что является причиной, а что следствием, что главным, а что второстепенным. В этих условиях провести факторный анализ, опираясь на научные методы и средства объективного контроля (как в вышеприведенном примере с питьевой водой), не представляется возможным. Поэтому ограничиваются экспертным мнением, которое может быть опровергнуто другим экспертным мнением. По поводу распада Советского Союза эта какофония продолжается более 30 лет.

— **Что стало соломинкой, переломившей хребет советскому «верблюду»?**

— Мне представляется убедительной точка зрения бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, высказанная в его книге «О Китае». Известно, что по итогам встречи с президентом США Ричардом Никсоном в 1972 году лидер КНР переметнулся от СССР на сторону США. Как формулирует Генри Киссинджер, который готовил эту встречу и на ней присутствовал, «тем самым Мао Цзэдун поставил мат Советскому Союзу». Содержание этого тезиса он не раскрывает, но давайте сделаем краткий экскурс в историю советско-китайских отношений в 1970—80-е годы.

О напряженности в отношениях двух стран говорит хотя бы то, что в то время Советский Союз был вынужден держать на границе с Китаем (включая Монголию) военную группировку численностью в один миллион человек. Также СССР обеспечивал военную поддержку имевших сложные отношения с КНР Вьетнама и Камбоджи. В свою очередь Китай противодействовал военному присутствию СССР в Афганистане. На парирование китайской угрозы в СССР шли огромные военные расходы. Но этим действие «китайского фактора» не исчерпывалось.

После того как Китай вступил в стратегический альянс с США, в экономику КНР пошли западные инвестиции и технологии. Очень быстро Китай был превращен во всемирную фабрику по производству дешевых товаров массового потребления. Это позволило странам «золотого миллиарда» на несколько десятилетий превратиться в общество безудержного паразитического потребления. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в «ядре» капиталистической системы рост потребления шел параллельно со снижением совокупной производительности труда. На этом фоне раздувался миф о системном преимуществе капитализма над социализмом. В противоположность растущему потреблению, высоким зарплатам «синих воротничков» и щедрым социальным гарантиям на Западе, в Советском Союзе наблюдались пустые прилавки магазинов, достаточно тяжелый труд для основной массы населения, серый быт и отсутствие светлых перспектив. В сказки о грядущем коммунизме обманутое население уже не верило.

Китайский фактор оказался такой тяжелой гирей на весах истории, которую советскому руководству было нечем уравновесить. Об этом факторе российская компрадорская элита предпочитает помалкивать, чтобы не раздражать китайских товарищей. Но он был решающим (на наш с Генри Киссинджером взгляд).

— Сейчас много говорится о том, что распад Советского Союза дал новый стимул для укрепления капитализма...

— Накануне печально известного развала СССР состояние капиталистической системы было пограничным. Если бы не счастливый для капиталистической системы «советский фактор», у нее оставались две альтернативы: распад либо развязывание третьей мировой войны. Еще чуть-чуть — и капитализм сорвался бы в пропасть. Эта довольно откровенно описанная в научных публикациях и СМИ опасность осознавалась и правящими кругами Запада.

Но «проедание советского наследия» лишь отложило системный кризис капитализма. В 2008 году капитализм как система де-факто перестал функционировать в режиме не только расширенного, но и простого воспроизводства капитала. В период с 2008 по 2017 год осуществлялись попытки его реанимировать всеми известными науке и практике способами. В 2017 году, в столетнюю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и пятисотлетнюю — начала отражающей философию капитализма Реформации (протестантизма), в ряде авторитетных международных изданий была констатирована его смерть. Этот тезис со ссылкой на источники я более развернуто раскрываю в книге «Есть только миг между прошлым и будущим» (2022). Советскому Союзу нужно было продержаться всего пять—семь лет. Если бы оплот социализма не рухнул в 1991 году, капитализм прекратил бы свое существование не в 2008 году, а примерно в 1997—1998 годах.

Но история не знает сослагательного наклонения. В 1953 году, незадолго до своей смерти, И. В. Сталин произнес пророческую фразу: «Без теории нам смерть! Смерть!» С тех пор научно обоснованной, отражающей современные реалии теории социализма так и не разработали. А Россия напоминает большой плот, который без руля и ветрил несет по штормовым волнам безбрежного Мирового океана.

Вопросы задавал Дмитрий Карасев

Борис АЛМАЗОВ

МИНЕЙ КУКС И АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОН

*Очерк о двух художниках-сибиряках
из книги «В одно касание»*

Об Ольге Александровне Ладыженской*, выдающемся ученом-математике, говорили, что в русской науке это второй случай после Софьи Ковалевской. Гениально одаренная, Ольга Александровна была еще и красавицей. Художница Александра Николаевна Якобсон рисовала с нее Хозяйку Медной горы для самой красивой книги моего детства — «Малахитовой шкатулки» (сказы Бажова).

Я особенно подружился с матерью Ольги Ладыженской Александрой Михайловной, которую все звали Бабушкой. Она была эстонкой. Когда-то ее племянник статью и умчал в свой родовой город Кологрив Костромской губернии отец Ольги Александровны, офицер русской императорской армии, потомок бояр Ладыженских.

Бабушка была по-эстонски домовита, хлопотлива и упорна. Она считала своей святой обязанностью меня — голодного по определению студента — кормить. Никакие возражения не принимались.

— Ната ку-ушат...

— Александра Михайловна, голубушка, я не хочу...

— Та, не кочет, но ната ку-ушат!

Упорное гостеприимство Бабушки только однажды имело комическое завершение, о котором она с восторгом рассказывала.

Как-то «на огонек» попить чайку к Ольге Александровне и Александре Михайловне зашел самый старший профессор математики из университета, настоящий, старинный петербургский немец, профессор Бах.

Долго пили чай с плюшками и крендельками, на которые Бабушка была большая мастерица. Профессор увлекся и не заметил, как засиделся допоздна. Он глянул на часы, спохватился и начал церемонно откланиваться. Но Бабушка

* Ладыженская Ольга Александровна (1922—2004) — советский и российский математик, специалист в области математической физики, теоретической гидродинамики, дифференциальных уравнений, академик АН СССР (1990), академик РАН (1991). Автор более двухсот научных работ, среди которых шесть монографий.

заявила, что в такую темноту, в такую погоду и так поздно не может отпустить старенького профессора. Он непременно должен остаться ночевать.

Примерно через час, страшно сконфуженный, с пламенеющими щеками, немец согласился, но отпросился на «айн кляйн минутошку». Через пятнадцать минут он вернулся с пижамой и зубной щеткой — как выяснилось, он жил в соседнем доме...

* * *

Я попал к Ольге Александровне, когда к пятому курсу института выучился довольно сносно аккомпанировать на гитаре собственным песням, которые выскакивали из меня как-то помимо моей воли. Поскольку их содержание никак не вписывалось в наползающее, подобно дождевой туче, движение авторской (тогда именуемой туристской) песни, я был причислен к диссидентам. В этом качестве я даже фигурировал в зарубежных сборниках самодеятельных поэтов и оказался интересен для Ольги Александровны. Ее отец после революции был школьным учителем математики. Его расстреляли в 1938 году как бывшего царского офицера, расстреляли и дядю — директора советского завода, а Ольгу Александровну не принимали в институт как лишеньку — дочь врага народа. Мне подобное ограничение известно по собственной семье: моя мама тоже лишенька — как казачка и дочь священника, за что ее неоднократно выгоняли из школы. По моим песням Ольга Александровна опознала во мне «социально близкого» человека, отчасти родственную душу.

Бабушка пленилась пением старинных романсов и сразу причислила меня к своим друзьям. Впоследствии она говаривала: «У меня ест два блиский труг — Миней Ильич и Поря». А уж когда Бабушке подарили мандолину и она тоненьким голоском запела русские и эстонские песни своей молодости, мы с ней стали выступать дуэтом. Не знаю, какое мы производили впечатление на слушателей, но нам музицировать на кухне нравилось. Мы вместе праздновали и Новый год, и Пасху. Ольга Александровна подружилась с моими мамой и бабушкой, которых тоже приглашала в гости на всевозможные праздники.

Однажды Ольга Александровна позвонила мне и пригласила принять участие в двухдневном путешествии в Псков и Пушкинские Горы.

— Я купила машину и даже получила водительские права, но ездить пока боюсь. Поведет машину мой аспирант Витя, а еще с нами поедет Миней Ильич Кукс* — я давно хочу вас познакомить. Если вы согласны, забегите ко мне в университет — обсудим детали...

В ту пору я был легок на подъем: «Мне собраться — только рот закрыть!» Я помчался в университет. Ольга Александровна читала лекцию. Из-за приоткрытой двери аудитории раздавался ее голос. Я заглянул. Ольга Александровна была в каком-то совершенно необыкновенном по тем временам розовом костюме, который идеально сидел на ее супермодельной фигуре, и в огромной шляпе словно с полотен импрессионистов. Под тонкими каблуками туфель поскрипывал

* Кукс Миней Ильич (1902—1979) — художник-график. Обучался в Иркутске и Москве и был известным иллюстратором детских книг. Во время Великой Отечественной войны входил в группу художников «Боевой карандаш». Был сотрудником Ленинградской лаборатории экспериментальной графики. М. И. Кукс был женат на художнице Александре Якобсон.

паркет, мел стучал по доске и скакал среди джунглей формул, а Ольга Александровна с неистребимым северным акцентом, будто былинным распевом, приглашала:

— Это кака така функция? Это функция непрерывна!

* * *

На новенькой «Волге» — вершине тогдашнего отечественного автопрома (никаких иномарок тогда в СССР в глаза не видели, разве что в зарубежных фильмах) — прекрасной золотой осенью мы покатали в Псков.

Аспирант-математик Витя с нескрываемым удовольствием вел машину, поясняя, что водительские права у него есть, машины нет, а тут такая возможность. С этого времени возникла наша с ним дружба.

Вторым спутником Ольги Александровны был Миней Ильич Кукс. О нем очень точно написал в своих записных книжках обожаемый мною Евгений Шварц. Собственно, Е. Л. Шварц, О. А. Ладыженская и Миней Ильич — один круг еще довоенной ленинградской интеллигенции.

Из записных книжек: «Кукс Миней Ильич — художник, без признака волос на острой голове, с быстрыми и острыми глазами, поджарый. Любит ходить пешком. Любит забираться летом в настоящую деревню. Он действительно художник, понимающий искусство, только им, его интересами живущий. Отличный рассказчик. Благороден как художник».

И дальше: «Интересен тем, что более русского по характеру редко встретишь. Сибиряк. Он учился там у художника, фамилию которого забыл. Вокруг него в Иркутске (или Томске?) подобрались люди всё крупные, характерные. Он, художник этот, объяснял, что жизнь — подобие решета. Одних просеивает, других объединяет. Увидел я Кукса в первый раз в 1941 году. Пришли они ко мне: Тырса*, Володя Гринберг** и Кукс — поговорить о том, чтобы эвакуировать Детгиз. В глазах у Володи была та самая тоска, что охватила и меня в первые дни войны и начисто исчезла в августе. Но я понимал его. Боюсь, что эта тоска и помогла голоду убить его. Тырса был оживлен деловым образом. Он делал разумное дело с увлечением. И никак я не мог поверить, что когда дело это удастся, наконец, и вырвется он из блокады на Большую землю, то умрет по пути. Кукс помалкивал, улыбался только. Мы в те дни мало были знакомы. Познакомились ближе в Комарове, когда заходил он к нам по пути из Дома художников или просто путешествуя по лесам. Всегда чуть возбужденный, маленькие темные острые глазки горят. Говорит, как бы с середины продолжая внутренний монолог, что вел по пути. И всегда на высоком уровне, всегда интересно. Сам похож на индейца с острым своим черепом, черными глазками, красным лицом. Нет, красной кожей. А говорит чисто сибирским говором».

Эта манера Миней Ильича говорить, словно продолжая какой-то прерванный разговор (о людях, коих он знал, а я-то, будучи на сорок лет моложе, — нет), ставила частенько меня в тупик, а переспросить, о ком идет речь, я стеснялся, да и не хотелось прерывать — уж больно хорошо он рассказывал:

* Тырса Николай Андреевич (1887—1942) — русский и советский живописец, график, специалист прикладного искусства и педагог, представитель ленинградской школы пейзажной живописи. Один из создателей ленинградской школы книжной графики.

** Гринберг Владимир Ариевич (1896—1942) — художник.

— Олечкина бабушка-то, ты говоришь, строгая... Это что! Вот Лизонькина-то мамаша — вот строгая! Сибирячка, старообрядка! Не пущу, говорит, тебя в твой театр потаскушку какую-то играть! Что такое?! Не пущу! Так своему режиссеру и скажи: «Мать не велит».

Я с трудом и не сразу догадывался, что рассказ о народной артистке РСФСР Елизавете Александровне Уваровой* (ровеснице Миней Ильича). О каких же годах шла речь, если блистательная актриса театра и кино Елизавета Александровна в гражданскую войну уже была сестрой милосердия?!

И закрадывалось иногда сомнение: какая «сибирячка», если Уварова родилась в Санкт-Петербурге на Невском проспекте в доме № 114 и настоящая ее фамилия Герцберг? Однако было так картинно рассказано, что возникавшие сомнения тускнели!

Миней Ильич при знакомстве меня, мягко говоря, ошарашил первым же нетривиальным решением. В Пскове Ольга Александровна, по рекомендации своих знакомых, подхватила какого-то «знатока и краеведа». Знаток, втиснутый, будто в панцирь, в кожаное пальто, похожий на майского жука не только округлым силуэтом, но монотонным, совершенно пустым по содержанию жужжанием, гудел, делая большие глаза и соразмерные многозначительные паузы с ужимками актера из плохих довоенных советских фильмов. Первым, под предлогом «посмотреть машину», мягко отвалил Витя, а мы уныло таскались за краеведом вокруг Печорского монастыря. Он декламировал нараспев почему-то про Эдуарда Вильде, который не имел отношения ни к Пскову, ни к Печорам... Гудел и жужжал! Жужжал и гудел! И конца этому не было видно.

— Давай от этого Болдухала убежим, он же нас ухайдакает! — предложил шепотом Миней Ильич, чем сразу меня покорило — обожаю разнообразные безобразия!

— Где тут убежать? Ровное место кругом!

— Да вот канава за кустом! Они отвернутся — мы в канаву, пересидим — и в другую сторону! Зайчиками!

Из глубокой канавы, почти траншеи, мы смотрели, как несчастная Ольга Александровна в одиночку тащилась за Болдухалом (как припечатал его кличкой Миней Ильич), который, завывая или таинственно, многозначительно шепча, таскал ее за собою по пригоркам, полям и оврагам.

— Вот ведь, — сочувственно вздыхал Миней Ильич. — Наивна Оленька наша, доверчива. Сказали ей — «знаток», она и поверила. Он же ее уморит! А прервать его не может. Деликатна. Вот тащат ей всякую дрянь. «Мадонну из портянки» или «Натюрморт из помойки». Говорят, современное искусство, «шедевр», она и покупает. А жулики, проходимцы и бездари всякие этим пользуются. Считает, что я ничего не понимаю... Ей, бывало, и Санечка тоже говорила...

Санечкой Миней Ильич называл свою покойную жену Александру Николаевну Якобсон**, которую боготворил. Она умерла года за два до нашего знакомства, в 1966 году, но он так о ней рассказывал, что мне стало казаться, будто я ее знал...

* Уварова Елизавета Александровна (настоящая фамилия Герцберг; 1902—1977) — советская актриса театра и кино, театральная педагог. Народная артистка РСФСР (1972).

** Якобсон Александра Николаевна (1903—1966). Художник-график, иллюстратор детских книг, живописец, мастер станковой литографии, представитель ленинградской школы графики.

Они оба — сибиряки. Вместе учились в Иркутской художественной школе у Ивана Лавровича Копылова*. Александра Николаевна всего на год моложе мужа.

— Ну как это мы «не понимаем»?! Санечка — ученица Петрова-Водкина, график от Бога! Глобально образованна! Вот сейчас говорят: «Надя Рушева, Надя Рушева — гений, уникам...» А Санечка гениально рисовала что в пятнадцать лет, что в пятьдесят. Что карандашом, что пером, что кистью... В академии ее талант только ограничили, а талант природный, от Бога... Ранний, как вот у Нади Рушевой, только до шестидесяти трех лет дожила... Таких-то одаренных смерть раньше забирает.

Александра Якобсон

Роднила эту супружескую пару не только Сибирь, но и происхождение из сосланных на поселение народовольцев, кои в Иркутске укоренились после ссылки. Причем, объясняя происхождение их фамилий, Миней Ильич говорил, что Кукс — это от карельского названия деревянной чашки «куксы», а фамилия Александры Николаевны правильно звучит Якобсен, поскольку род ведется от плененных еще при Петре Первом шведских солдат.

— Шварц, бывало, говорит: «Что им в Большом доме** так не нравятся наши чисто русские фамилии — Шварц, Кукс? Вызывают меня, спрашивают: “Что это у вас все иносказания, все Кошчи Бессмертные да Бабы-яги? Где вы их видели?” А я же не могу сказать: “Не видел, а вижу!” Отвечаю: “Вот у вас тут на двери написано *Выхода нет* — это тоже иносказание?”»

— Спрашивают Шварца Евгения Львовича: «Кто вы по национальности?» А он всегда отвечал: «Я — православный!» Стало быть, русский человек. Вот и все. Водочки-то, бывало, нальет (водочку сильно как уважал), а руки трясутся, трясутся. Но не проливает — школа!..

Не знал тогда Миней Ильич, да и я узнал уже в нынешнее время, что тремор рук был у блистательного драматурга Евгения Львовича Шварца не от «водочки», которую он «уважал», а вследствие тяжелейшей контузии. В 1917 году сын военного врача Льва Шварца и акушерки Марии Шелковой студент Евгений Шварц был не то мобилизован, не то по призыву Временного правительства добровольно (студентов вроде в армию не брали) пошел в юнкерское училище. По окончании краткосрочных курсов артиллеристов 24 октября 1917 года получил младший офицерский чин и отправился в Екатеринодар. Там и был контужен в боях уже с Красной гвардией. Под каким же грузом страха жил этот замечательный писатель, понимая, что с ним, как с бывшим белогвардейцем, может произойти в любой момент?!

Миней Ильич любил рассказывать истории удивительные, на грани чудес и мистики. Однажды, попав на пароход, где моряки говорили только по-шведски,

* Копылов Иван Лаврович (1883—1941) — художник, преподаватель живописи, основатель Иркутского художественного училища.

** «Большой дом» — народное названия управления НКВД — КГБ на Литейном пр., 4.

а русских не было ни одного, Александра Николаевна стала понимать каждое слово незнакомого языка.

— Как на берег сошла, кругом по-русски говорят. И сразу понимать перестала, — рассказывал Миней Ильич. — А фамилию потом на Якобсон переделали, чтобы выглядела как бы еврейской. Тоже не сахар, но вероятность, что шпионаж пришьют, все же поменьше. Заметали всех, как помелом — с краю. Процентовку на аресты выполняли. Чуть голова выше ординара — и загремишь. Старались не высовываться, быть как все. А как быть «как все», если талант! Талант, как свет ночью, отовсюду виден. И потому уязвим...

— Санечка много чего умела. Заговаривать боль умела и гадать могла. Так-то карты в руки не брала. А кто попросит — если край какая нужда, либо на картах, а то в воду посмотрит и скажет... Потом голову туго перевяжет и сутки пластом лежит — голова от боли разламывается...

— Бывало, сказки иллюстрирует — нарядится, всякие платки, шарфы да драпировки на себя накрутит и сидит — в зеркало смотрится. Спрошу: «Ты чего?» Смутится. А это она роль играет по Станиславскому: «Я в предлагаемых обстоятельствах». Настоящий творец всегда в то, что изображает, перевоплощается. Будь он художник, артист или музыкант. Это дар. В этом — талант. Дальше нарабатывается мастерство. Можно хвататься не мастерства, а ремесла. Например, научиться предметы срисовывать. Можно и зайца научить спички зажигать! Настоящий талант — от природы. Санечка как в пятнадцать лет, так и взрослая одинаково хорошо рисовала — рука твердая, чуткая...

— Что интересно, мальчишки и девчонки видят по-разному. Предложи им выбрать краски либо карандаши — маленькие мальчишки карандаши схватят, а девочки краски. Мальчишки линию видят, а девчонки пятно цветное. Педиатры утверждают, и я сам убеждался, что мальчишки до семи лет оттенки не различают. Для них что сиреневое, что розовое — одинаково... Но со временем глаз воспитывается. Вроде европейские дети 90 цветов воспринимают, а японские — 140. Не зря у них принято «любование сакурой». Тогда как Санечка линию как мужчина видела. Редкость! График. Говорят, сам Филонов* удивлялся...

— Народ настоящий, не спившийся, не избаловавшийся понимает, где искусство, а где подделка. Дядя Ганя с Байкала приехал, увидел Санечкин рисунок, ну тот — «Бабы этого не понимают» (там жена Илюшкина с Анюткой Санечке позировала). Да так и присел: «Это ж Богородица в нашей матерной жизни!..»

— На всех рисунках Санечки — не фантазии, портреты живых людей. Разные судьбы. Мы с Ольгой Александровной познакомились потому, что Илюшка, сын, у нее учился. Санечка как увидела Ольгу Александровну, так сразу: «Вот Хозяйка Медной горы». Олечка тогда еще с косичками ходила, от студентки не отличишь. Рассказывала: собирается в аудитории экзамен принимать, на скамье сидит, не за кафедрой. Какой-то оболтус прибегает, бухается рядом: «Привет! Шпоры есть? Ни хрена не знаю! Не слыхала, как эта Ладыженская? Злая? Валит? Я ведь ни на одной лекции не был!»

* Филонов Павел Николаевич (1883—1941) — русский и советский художник, иллюстратор, один из лидеров русского авангарда.

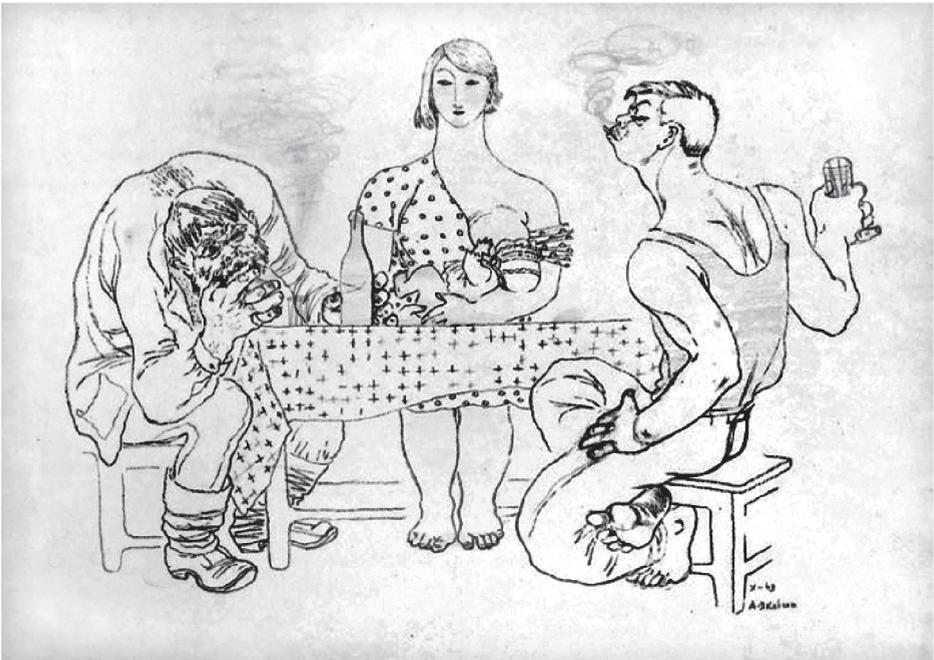

Рисунок А. Яковсон «Бабы этого не понимают». 1963 г.

* * *

О себе Миней Ильич рассказывал точно так же — отрывочно, эпизодами, фрагментами.

— В 1917 году, в декабре, в Иркутске проходило голосование в поддержку октябрьского переворота — большевики набрали 10 % голосов. Остальные партии — эсеры и другие — были против. Большевики, по своему обыкновению, начали рабочих вооружать и власть в городе захватывать, арестовывать да расстреливать. Войск в городе полно, но солдаты колеблются: кого поддерживать: большевиков или юнкеров? Юнкера приняли резолюцию, мол, в Питере захват власти большевиками незаконный! Пошла стрельба, а морозы под сорок градусов! Юнкера закрылись в училище и из пулеметов поливают. У большевиков — артиллерия... У меня в юнкерах были два брата, я к ним и пошел.

Юнкера насмерть стоят. Уперлись. Настроение в городе стало меняться. Солдаты, что держали нейтралитет, потянулись к юнкерам. Я пошел к юнкерским казармам с двумя солдатами. Молчаливые такие мужики, бородатые, немолодые. Оба фронтовики, в Иркутске в госпитале после ранений лечились. Шагаем по сугробам, а пули, как птички, фьют, фьют, и по заборам как палкой... Мужики идут молча, а я все что-то говорил. Со страху. На полдороге один солдат загнулся и стал оседать, повалился в сугроб. Глянули — убит. Дошли до училища. Там юнкера в подвале сидят. Спустились к ним вниз. Мне братья по шее накостыляли, что пришел, мне же еще пятнадцать лет. Но не идти же назад — улицы простреливаются.

Наверху юнкера-пулеметчики сидят посменно, а у лестницы внизу, как мешки с картошкой, — те, кто наверх идти отказался. Трусы! Те, кто наверх пулеметчикам на смену поднимался, — били трусов по морде, плевали на них!

— Может, они по идейным соображениям?

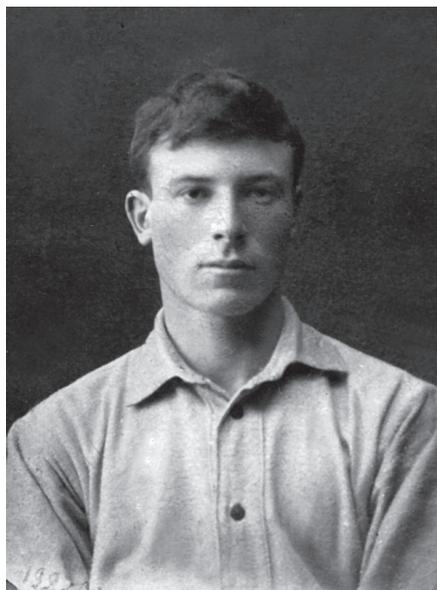
— Какое там! По идейным соображениям юнкера в самом начале восстания разошлись, руки друг другу пожали. Кто за красных — ушли в город, кто за Временное правительство — остались. Все с полным уважением... Достоинно.

— А потом?

— А потом заключили перемирие, перестали стрелять. Разошлись. Мороз то ужасный! Мороз тогда разогнал. Позже я в красных партизанах оказался.

— Вот это поворот! Как так?

— Хотелось, чтобы это все кончилось поскорее — чехи, японцы, белые, красные...

Миней Кук

* * *

Миней Ильич по Невскому проспекту передвигался быстро, с наклоном вперед, словно стремился к какой-то одному ему видимой цели, цепко охватывая взглядом все, мимо чего проносился.

Взял у меня какую-то книжную новинку, чтобы почитать в метро, и вскоре вернул:

— Не могу в метро читать, мне смотреть нужно. По сторонам глядеть! Детали ловить, подробности.

Во всем его облике, в подтянутой сухопарой фигуре виделось то, что можно назвать старинным и ныне мало употребляемым словом «воспитанность». Ни разу не видел, чтобы он столкнулся со встречным пешеходом — всегда успевал шагнуть в сторону, сопровождая свой шаг любезной улыбкой. При разговоре склонял голову и становился к собеседнику чуть боком. Я не сразу сообразил, что он глуховат на одно ухо. Всегда в отутюженных брюках, черном тонком свитере «под горло» и неизменном черном берете (знак принадлежности к братству художников) на лысой голове.

Он мог внезапно остановиться, словно запнуться, у какого-нибудь здания, например у католического собора с наглухо запертыми дверями на Невском, 34.

— В тридцать восьмом году собор закрыли, весь растащили — разграбили. Говорят, библиотека была на 40 тысяч томов — на улице выкинули... Стали кресты снимать. Мы идем с Тырсой, а он отчаянной храбрости человек. Казак-кубанец. Ты-то, казак, знаешь, что такое «тырса»?

— Знаю. Смесь песка и опилок на манеже...

— Удивил. Хотя ты ведь тоже казак. Верю. Вот такая лошадиная фамилия. Стали — смотрим, работяги крест у ангелов из рук выламывают. Тырса взбеленился — помчался на крышу. Работягам приказывает:

— Прекратите немедленно!

Те растерялись, говорят:

— А что нам делать?

Он — как начальник:

— Идите домой!

И помчался в Смольный хлопотать. Все-таки отстоял. Не побоялся. А времена были не дай бог. Обыватель сидел тихо, как зайчик, уши прижимал да от ночных шорохов трясся. А Тырса не побоялся. Горячий человек. А график какой! Мастер! Самую страшную зиму в блокаду пережил, по Дороге жизни, по Ладоге на Большую землю переехал, там и умер от истощения. Не спасли. Так много народу умирало. Казалось, спасены, а умирают...

* * *

Про Ленинградскую блокаду, о которой упоминает в своей записной книжке Е. Л. Шварц, Миней Ильич говорил неохотно. Ни в каких ветеранских торжествах не участвовал и вспоминать о тех годах не любил. Однако иногда, к случаю, мимоходом, упоминал подробности, о которых я ни в одних мемуарах не читал. Как-то, рассматривая рисунок Александры Николаевны с пышнотелой «кустодиевской» Венерой, грустно назвал модель по имени и добавил:

— От голода умерла! Такая была красавица... А превратилась в скелет. Пришла к нам в самый голод: «Отдайте кота, давайте кота зарежем». Кот у нас был красавец... Мы не отдали — думали, переживем, он как член семьи. Потом все же сосед его... Понес кусочек мяса нашей красавице — граммов двадцать, а она уже померла... В голоде что страшно: ни о чем другом думать не можешь, только о еде. Постоянная страшная головная боль. И ужасный холод. Как-то зашел к соседу — по стеночке дополз, а он, столяр — золотые руки, сидит с инструмента, с ручек красного дерева, щепки скалывает на топку в буржуйку. Говорит: «Если выживу, новые рукоятки сделаю, а не выживу — кому мой инструмент нужен...»

М. И. Кукс и А. Н. Якобсон

— В Ленинграде в то время были помывочные пункты с горячей водой устроены. Там женщины и мужчины — скелеты-дистрофики — мылись вместе. Со спины и не разобрать: где мужчина, а где женщина... Все от голода как схема человека — ноги как палки, буквой П из-под туловища... Но это кто до помывочного пункта доплзти мог, а умирающие, лежачие, только воду теплую пили и от этого сильно распухали... У меня ноги так опухли — голенища у валенок разрезать пришлось.

* * *

Трудно представить, каким был Миней Ильич в блокаду. Я помню его крепким, подвижным человеком. Он много ходил пешком, делал гимнастику и гордился тем, сколько может сделать отжиманий «в планке» или приседаний на одной ноге. Любил холод. В его мастерской на Песочной набережной и в квартире на Московском проспекте в зимние морозы форточки не закрывались. Мне казалось, что на улице, особенно на солнышке, теплее, чем у него дома. Там царила стерильная хирургическая чистота, как будто это нежилое помещение.

Помню этот холод одиночества. В маленькой типовой двухкомнатной квартире: к шестнадцатиметровой комнате — девятиметровый довесок за складной застекленной дверью. Все вещи в комнатах лежали на тех местах, где, наверное, были положены еще Александрой Николаевной. На дверных стеклах — нанесенные белой краской, несмытые рисунки: кентавр с девочкой на плече, еще не то нимфы, не то сатирессы, сделанные ее рукой... Была семья, была жизнь, было тепло. Не стало хозяйки, и все выстыло, разве что инеем не покрылось.

— Санечка-то умирала трудно — я Илюшке плакать запретил: не мучай мать, улыбайся! Держись! Так он во сне плакал! Сном забудется, а во сне скучит...

Миней Ильич жил в одном доме с семьей сына. Илья проводывал отца, приходила сноха, прибиралась, хотя что было в этом музейном холоде и чистоте прибирать? Приводила внучку, с которой он любил гулять... Но внучка жаловалась:

— Я с Минечкой (так она звала деда. — Б. А.) больше гулять не пойду! Он меня стыдит!

— Ничего подобного, — с чертами в глазах возражал дед. — Ну, скажи на милость — ты маленькая, я большой — разговаривать нам неудобно, вот я и пошел гусиным шагом, чтобы быть с тобою вровень!

— Да? А все смеялись! Нет уж! Я больше с тобой, Минечка, гулять не пойду!

Миней Ильич гордился тем, что умеет ремесленничать. Утверждал, что умеет даже делать выкройки и шить. «Дак я художник! Прямо на глаз, без обмеров могу выкройку нарисовать! Что тут такого. Анатомии-то нас обучали!»

Когда мы с мамой переехали в новую квартиру и купили прибалтийский шкаф-стенку, я убедился, что он прекрасно столярничает.

Стенку я собрал по чертежу довольно быстро (все-таки год работал на заводе слесарем-сборщиком), но полированные дверцы самостоятельно навешивать не решался. Боялся испортить дорогую вещь.

— Я навешу! — вызвался Миней Ильич. — Но приду со своим инструментом. Это вам будет дороже! Замки будем врезать? Но это вам будет стоить дороже, — приговаривал он, изображая мастера.

Мы с мамой шутку понимали, однако отблагодарить за безупречно сделанную работу надлежало. Не «хлеб-солью с бутылкой» же проставляться. Миней Ильич в еде был скромен, непривередлив, а к спиртному не прикасался совершенно! Слава богу, вариант нашелся.

Деловито ввинчивая саморезы, Миней Ильич пожаловался, что не может найти внучке санки: «Во всем дефицит! Все алюминиевое и на соплях. А нужны обыкновенные нормальные человеческие санки!» И надо же такому быть — мы зачем-то притащили из нашего прежнего коммунального жилья из барахла только две вещи: самовар, который спасал мою бабушку в блокаду, и санки. На них я в детстве почти не катался, некогда было: учился то в музыкальной школе, то в художественной. Да и негде было кататься.

Миней Ильич потом звонил и рассказывал, как раскрасил санки и как внучка с восторгом на них катается. Так что санки зажили полноценной жизнью. Хоть чем-то мне удалось художника порадовать в благодарность за его дружбу и стремительную готовность примчаться на помощь.

* * *

В записках Е. Л. Шварца я прочитал одно, на мой взгляд, несправедливое замечание о М. И. Куксе: «Одно мешает ему — он лишен таланта в своей профессии. И говорит он, и чувствует, и живет, и даже сны видит — как художник, а начинает рисовать — руки отнимаются. Всегда загорелый — все ходит, все глядит, все замечает, а ничего не умеет. <...> ...Пишет безлично. Даже обидно».

Я много повидал мастерских художников. Люблю их беспорядок, захламленность самыми невероятными вещами, запах краски, скипидара, растворителей, начатые холсты, этюды, ворохи рисунков, набросков, лоскуты драпировок...

Ничего этого в мастерской Миней Ильича на Песочной набережной не было. Я объяснял себе это тем, что он, наверно, работает в литографической мастерской на первом этаже. Действительно, иногда находил его там, где стояли прислоненные к стенам толстые желтые литографские камни, крутились колеса прессов. Где выползали из-под вальков листы литографий. Дух тут был другой, с примесью незнакомых мне технических запахов и амбре машинного масла. Не такой, как в мастерских живописцев. Художники здесь больше походили на мастеров слесарного цеха.

Мне хотелось увидеть работы Миней Ильича, но они как-то не попадались. Только однажды я застал его расписывающим сценой охоты — тарелку...

О своих работах, планах и замыслах он никогда не говорил, предпочитая восторженно рассказывать о рисунках и литографиях Александры Николаевны.

Я дивился, как он живет в тени мастерства жены? Какая огромная любовь избавляет его от невольной конкуренции, от желания стать первым, лидерствовать, позволяет не ревновать к известности и востребованности?!

Наверно, Александра Николаевна как художник его подавляла. Разумеется, невольно. Быть может, огромных усилий ему стоило не копировать, не

подражать, найти свой путь, свой голос. Хотя это очень сложно. Талантливый человек всегда доминирует, всегда ведет. Оставаться самим собой, не быть «под влиянием» в этом случае непросто и требует особых усилий. Трудно сохранить собственный голос, собственный взгляд. Даже когда художники работают вместе, артельно, все равно есть ведущие и ведомые. Был ли таким в творчестве Миней Ильич? Зоркий и тонкий психолог Шварц считал, что ведомым Кукс не был. Он не следовал за Якобсон. Но Шварц только что прямо не называл его бездарным...

На его слова возражу: в искусстве вообще и в живописи в частности помнят «вершины», почитают мастеров выдающихся, знаменитых. Однако есть тысячи художников малоизвестных. Невозможно представить, какое огромное количество рисунков окружает нас ежедневно! Мы не придаем им особого значения, а ведь они создают тот художественный фон, культурный визуальный слой, на котором только и возможно появление шедевров и великих имен. Много ли мы знаем иллюстраторов, чьи фамилии набраны мелким шрифтом в конце книг? Разве они не художники? Разве их работы не часть современного искусства? Голос их негромок, но он вплетается в симфонию всего искусства. Если взглянуть в их работы попристальнее, можно научиться отличать неброское, но искреннее мастерство от работы поденщика, работающего без усилий и души только на продажу, ради денег. Как говорил мой преподаватель в художественной школе: «Срисовывать вещи можно научить кого угодно».

Миней Ильич — часть художественной культуры своего времени. Великим счастьем Александры Николаевны Якобсон было то, что рядом с ней находился безгранично любящий и понимающий ее человек, еще и художник...

А моим счастьем стало знакомство с ним — человеком интереснейшим, образованным, способным о многом рассказать, свидетелем и участником событий планетарного масштаба. Пусть его голос был негромок и кисть несовершенна, но он имел и собственный стиль, и достаточно мастерства, чтобы внести пусть не великий, но свой вклад в культуру. И, конечно, его жизнь и жизнь Александры Николаевны — история потрясающей вневременной любви, история двух замечательных людей, живших в очень трудную страшную эпоху. Хотя легких эпох, как я теперь, в старости, убеждаюсь, не бывает...

Семейный портрет

* * *

Вот и написал. Наверное, мало. Сложно написать об ушедшем из жизни человеке так, чтобы оживить его, сделать зримым и понятным. Ну уж как получилось.

Стал перебирать книжки в своей библиотеке, чтобы отобрать детские и отвезти моим внучатам. Взял в руки любимую, зачитанную чуть не до дыр, нарядную, цветную — редкость по тем временам, — 1953 года издания книгу Виталия Бианки. Привычно посмотрел на немислимый нынче гигантский тираж. И ахнул, прочитав фамилию иллюстратора, на которую прежде не обращал внимания, — М. Кукс*.

Как будто живой Миней Ильич глянул на меня, весело прищурившись, быстро, по-птичьи... и подмигнул...

* Дочь писателя, Е. В. Бианки, в примечаниях к собранию его сочинений (1972 г.) писала: «Художник М. Кукс предложил писателю сделать совместно книжку для детей из жизни колхоза. «Сделав черновые рисунки, — вспоминает М. Кукс, — я отнес их В. Б. Писатель, который в это время был нездоров и лежал, просил развесить мои рисунки по стенам... через некоторое время В. Б. сообщил мне, что написал рассказ к моим рисункам»».

Валентина СЕМЕНОВА

«ЛИШЬ В ПУТИ ОТКРЫВАЮТСЯ ДАЛИ...»

О книге стихов Василия Козлова
«Гончарный круг»*

«Что есть сегодня поэзия?» Невольно задумаешься над этим вопросом, когда сочинителей ныне едва ли не больше, чем читателей. Виртуальное пространство безгранично. Если, как говорили когда-то, «бумага все стерпит», то виртуальное пространство и подавно. Впрочем, книги тоже продолжают выходить в свет. При этом количество наименований растет, а тиражи сокращаются. Вот так все перевернулось в эпоху цифровизации. Но, как справедливо заметил автор предисловия к сборнику стихов Василия Козлова «Гончарный круг» Максим Орлов, при таком изобилии стихотворцев «немногие способны перенести на бумагу свою боль, страсти, чувства...»

К таким избранным критик (тоже поэт и сибирик) относит Василия Козлова, приводя свои аргументы. Потому «Гончарный круг» может стать поводом для разговора о том, насколько содержательность поэзии может сочетаться с собственным, не заемным голосом современного поэта.

Редкая по нашим временам особенность этой книги в том, что она шла к читателю долго. Поэт, которого хорошо запомнили еще с 1970—80-х годов, как будто не замечал бегущего времени и нечасто одаривал любителей поэзии новыми стихами.

Одна из очевидных тому причин — Василий Козлов добрую четверть века возглавлял региональный толстый журнал (в прошлом альманах) «Сибирь». Занимался чужим творчеством, следуя традиции старейшего периодического издания публиковать наиболее достойное из того, что создавалось на земле Приангарья. И потому даже в переломное перестроечное время, когда все валилось и рушилось, а «Сибирь» оказалась без финансирования и едва не сошла на нет, смены главного редактора не случилось. Напомню ситуацию: журнал возродился благодаря мэру Иркутска, а затем губернатору Иркутской области. Борис Александрович Говорин откликнулся на просьбу руководителя Иркутской писательской организации Андрея Румянцева и многолетнего члена редакционного совета журнала Валентина Распутина и поддержал издание. Когда встал вопрос

* Козлов В. В. Гончарный круг : стихи разных лет. — Иркутск : [б.и.], 2021. — 224 с.

о главреде, то Румянцев, Распутин и другие писатели решили, что более подходящей кандидатуры, чем Василий Козлов, в организации нет. И он проработал еще столько же лет, сколько до этого. В общей сложности — двадцать шесть (с 1986 по 2012 год).

Другая причина кроется в самом поэте. Требовательность редактора к авторам при отборе рукописей была обращена и к себе.

* * *

Но пора перейти к книге с несколько странным, непоэтическим названием. В ней прочитываются ответы на многие вопросы. В том числе — об отношении автора к поэзии. В стихотворении «Гончарный круг» писание стихов сравнивается с «ручным» ремеслом:

**Пусть в работе меняется форма,
Та, что в замысле ты намечал.
Поддается легко и покорно
Переделке сырой матерьял.**

Да и самое первое краткое обращение к читателю само говорит за себя:

**Я не мучил бумагу от зари до зари.
Мой читатель нежданный, ты меня не кори...**
.....
**А теперь покаянно пред тобою стою —
Безрассудную душу прими мою!**
(«Читателю»)

Есть и более длинное, рассудительное:

**Я рифмовать могу с утра до вечера
О чем угодно. Даже ни о чем.
Когда б мне в жизни делать было нечего,
Я стал бы знаменитым рифмачом.**

**В порыве неосознанно-лирическом —
Глухарь на поэтическом току, —
Как тот столяр рубанком электрическим,
Я гнал бы кучерявую строку.**
.....

**Так с решетом я и ходил бы по воду.
Имел доход на многие года...**

Но помешал предшественник, издавека напомнивший о себе:

**Был Гоголь прав, пусть по другому поводу,
Когда сказал:
— Как скучно, господа...**
(«Я рифмовать могу с утра до вечера...»)

По мере накопления опыта у автора появляются другие строки о поэзии. Но смысл сводится к одному: жизнь, а не жажда творчества преобладает в судьбе. Подтверждение тому не заставляет себя долго ждать:

**Ничего мне от жизни не надо,
 Ничего, кроме жизни самой:
 Кроме вечного с небом разлада,
 Кроме вечного слада с землей...**
 («Всё возьмите, оставьте надежду...»)

Если сравнить жизнь с дорогой, бегущей через подъемы, спуски и неожиданные повороты, то при неторопливом движении, застревании на промежутках бездорожья неизбежно накапливается запас пережитого. И тогда понимаешь: в эти 224 страницы мелко набранного текста уместилась, пожалуй, не одна, а несколько поэтических книжек. «Гончарный круг» охватывает много тем, каждая из которых могла быть основой для отдельного издания, предметом отдельного разговора. Но давайте попробуем сосредоточиться на характере лирического героя и через него взглянуть на сборник, в определенной мере итоговый.

* * *

Время Василия Козлова отсчитывается от первых послевоенных лет, конца сороковых — начала пятидесятих:

**Мое нищее детство, смогу ли тебя упрекнуть
 За обиды и слезы?
 Это верный, по жизни единственный путь —
 Через беды и грозы.**

**Этот жалкий, до боли родной уголок.
 Темный дом у дороги.
 Этот бедный, избитый ногами порог.
 Мать стоит на пороге.**

**Было больно — мне мать говорила:
 — Терпи!..
 И терпеть я старался.
 Пыльный вихрь выросал в Забайкальской степи,
 В ширину разрастался.**
 («Мое нищее детство...»)

Суровость времени высветляется словами «верный», «единственный», «родной» и смягчается приятием уготовленного пути. Жизнь родного дома неотделима от общей жизни. В картине под названием «Послевоенный вокзал», где «буфетчица из-за стойки, как снежная баба, торчит», а «люди спят как попало, обняв узлы, чемоданы», в их числе инвалид войны «спит на полу цемент-

ном... собою загородив проход», просматривается судьба огромной страны, выстоявшей в небывалой битве:

**О, память больших вокзалов
 на главных железных трассах,
 Ты больше вместила вечных
 разлук, чем сердечных встреч.
 Здесь — госпиталь и казарма
 в канун рокового часа,
 Здесь горя бывало столько,
 что негде ни сесть, ни лечь.**

Естественное состояние молодости — это время цветения, ощущения полноты сил, смелой мечты и надежд на ее исполнение, особенно если поэтическая среда тебя приняла и оценила. А оно так и было. Стоит вспомнить обсуждение сборника стихов «Есть у меня на свете брат» (Иркутск, 1979) в Доме литераторов им. П. П. Петрова, положительную рецензию на эту книгу известного иркутского критика Надежды Степановны Тендитник. Осталось впечатление, что первые встречи читателей с творчеством молодого поэта быстро утвердили Василия Козлова в статусе профессионального стихотворца.

Если говорить о лирическом герое, отчасти двойнике автора, то надо заметить — несмотря на первый успех и относительно ровное течение жизни в те годы, он был лишен благостности по отношению к миру. Это видно в стихотворении «Сомнение», где перечисление привычных проявлений жизни оканчивается словами:

**И в этом невозможно усомниться.
 Всё это так. А так ли это всё?..**

«Разве зря нас сомнение гложет?» Эта тема продолжится в воспоминаниях о застолье с друзьями и чувстве общего беспокойства, об осознании незрелости, бездействия и ранней усталости души, присущих поколению конца восьмидесятых — начала девяностых годов минувшего века:

**Революций рассеялся дым,
 Нет единства в моем поколеньи.
 Неужели сомненьем одним
 Мы близки? Неужели сомненьем?**
(«За тяжелым широким столом...»)

Состояние лирического героя передает дух времени, все более тревожный. Даже главная для поэтов — тема любви несет в себе горчинку. В ней больше драмы, грусти, чувства вины. Минуты нежности к жене в стихотворении «Накануне рождения дочери» сменяются ощущением неизбежности расставания:

**Уходит женщина. Со мной ей нелегко.
 Возможно, тяжелей, чем мне с самим собою.**

**Мы за одним столом пьем утром молоко.
И все-таки она — как за глухой стеною...**
(«Уходит женщина... Она еще со мной...»)

В дальнейшем находится место и любви-страсти, что сродни охоте:

**И тут пойму я, в чем твоя загадка,
Куда ведет измены темный путь.
Тогда пойму, как больно и как сладко
Стрела навывлет прожигает грудь.**
(«Диана»)

То, что написано в советскую эпоху, не устаревает и сегодня благодаря искренности восприятия мира как единого целого. Это любовь к природе, страдающей от жестокости человека (в стихотворении «Гнездо разорено, и мертвые птенцы...») и требующей защиты:

**Сплошной стеной стоят просторные леса,
Во влажной глубине неспешно зреет лето.
И плачут, и зовут кого-то голоса...
Не совесть ли кричит и требует ответа?..**

Это и чувство родины в стихах о Сибири и России:

**На просторах Сибири,
От селений вдали
Меня вьюги знобили,
Меня ливни секли.**
(«На просторах Сибири...»)

**О Родине думай чаще,
Чтоб чище душа была,
Чтоб воля в крови звучащей
До смерти не умерла,**

**Чтоб силу твою питали
Святые соки земли,
Чтоб ноги в землю вращали,
Чтоб крылья в небо росли.**
(«О Родине думай чаще...»)

А также чувство удаленности от земли:

**Когда не на земле живешь, а в небе,
Пьешь молоко студеньных облаков, —
Что нам заботы о насущном хлебе,
О той земле, что ниже облаков.**

Это голос поэта, пребывающего в горнем мире.

**Но стоит лишь на землю опуститься,
 Понять: ты здесь хозяин, а не гость, —
 Невольно скажешь:
 — Хороша земляца!
 И на нее вовек не надивиться.
 И не преминешь в пояс поклониться,
 И наберешь пахучей, рыхлой в горсть.**

(«Когда не на земле живешь, а в небе...»)

И сразу лирический герой попадает во власть матушки-земли, требующей любви и заботы!

* * *

Судьба назначила поэту жить на переломе эпох. С середины века двадцатого почти до начала двадцать первого — при социализме, в прочности которого никто не сомневался. А с 1990-х началось движение от перестройки, обещавшей обновление и преобразования в лучшую сторону, к распаду великой державы СССР и дикому капитализму со всеми вытекающими последствиями...

Новые рыночные времена больно ударили по культуре, вычеркнув ее из числа базовых опор государства. Идеология взамен советской не была разработана, а просто исключена из Конституции Российской Федерации в пользу расплывчатого многообразия. Наступила пора социально-экономических экспериментов, ни один из которых не получил трезвой оценки.

Патриотическая лира русской поэзии не молчала. Но кто ее слушал и слышал? Лишь те немногие, кто сохранил в себе присущую русской традиции способность отличать добро от зла, высокое от низкого?.. В якобы свободной России заработали другие «тренды»! А ведь сумели выразить время новой смуты Юрий Кузнецов, Валентин Сорокин, Мария Аввакумова, Василий Казанцев, Станислав Куняев, Николай Зиновьев и многие другие поэты. Только их книги стали выходить маленькими тиражами.

* * *

Нельзя сказать, что лирический герой Василия Козлова очень изменился в новое время. Он остался верен традициям русского реализма. Взгляд его так же пристален и выхватывает то, что видно не всем. Та же скупая выразительность языковых средств и стремление к афористичности. Помнится, на рубеже 1980—1990-х годов по меньшей мере три поэта-иркутянина были увлечены Юрием Кузнецовым, часто обращались к его имени на встречах с читателями. Но только одному из них — Василию Козлову — удалось что-то перенять от кузнецовской сжатости поэтического высказывания. Наверное, потому, что это свойство уже было заложено в нем самом.

Но с чем столкнулся лирический герой «Гончарного круга» при новоявленном капитализме? В лексике появляется слово «коммерсант»: писатели быстро почувствовали прагматизм рынка, о чем Василий Козлов спешит предупредить собратьев по перу в ответ на призыв чиновников обращаться к спонсорам на предмет издания своих книг. Благосклонность предпринимателя зависит от прибыли, и он не вдруг откликнется на просьбу. Но и тому, кто принимает помощь, тоже не позавидуешь!

Поэт, не дорожи любовью народной.
А. С. Пушкин

**Поэт, не дорожи признаньем коммерсанта
И денег не проси, чтобы стихи издать.
Нет прибыли ему от твоего таланта —
Он может денег дать, а может и не дать.**

**Но если ты берешь для цели благородной,
Хотя бы сделай вид, что мрачен и угрюм, —
Иначе как пойдешь дорогою свободной
Туда, куда ведет тебя свободный ум.**

(«Поэт, не дорожи признаньем коммерсанта...»)

На улицах города прибавилось людей, вид которых вызывает у лирического героя не презрение, а сочувствие, и в стихах появляется имя одного из главных перестройщиков, ставшее нарицательным.

**От помойки к помойке
Он бредет не спеша.
Он — дитя перестройки.
За душой — ни шиша.**

.....

**Его дом — теплотрасса,
В землю врылся, как крот,
И от папы Чубайса
Алиментов не ждет.**

(«Бомж»)

Следующее — на эту же тему, хотя речь идет вроде бы о прошлом и о другой среде:

**...Вы всё с собою взять смогли:
Боль, переполненную криком,
Персть окровавленной земли
И образок с печальным ликом.**

.....

**И кровь, и смерть уходит с вами...
Но много горше, горше нам,
Когда Россию — вместе с нами —
Относит к чуждым берегам.**

(«Эмигранты»)

Ряд безрадостных картин и впечатлений продолжен стихами «Отчего чувство родины в сердце моем...», «Мне русские люди дороже...», «Какой-то придурак свалился с Луны...», а также строчками, будто написанными сегодня:

**Смотрю, опять из всех щелей
Ростки пускает это семя —**

**Цѣ власть народа на парад
Под песни бравые шагает:
Наполеончики вещают,
А чингисханчики вопят.**

**Когда безмолвствует народ,
Острее всматривайся в лица...
Эпоха карликов пройдет.
Эпоха монстров воцарится.**

(«Из-под руки смотрю с холма...»)

Ощущение беды, нависшей не только над Россией, передано в стихотворении о славянстве с эпиграфом из Ф. И. Тютчева: «Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! — / Славянский мир, сомкнись тесней...» И это настоящий плач «над тенью славянства», духовное единение которого, по словам автора, всегда происходило через «железо и кровь», что и подтверждают современные военные события на территории Украины.

Такое глубокое сопереживание не случайность у поэта-сибиряка. Тема славянства стала особенно близкой иркутянам с наступлением 1990-х годов. Здесь прочитали в 1992 году в «Литературном Иркутске» новый очерк В. Г. Распутина «Что же дальше, братья-славяне?». В Сербию, ставшую жертвой военного вмешательства Запада, выезжал с выступлениями Иркутский театр народной драмы и принимал у себя гостей из Сербии, которые говорили о бомбежках НАТО как о начале похода против России. Здесь в 1995 году волновались, узнав о поездке в Сербскую Краину Белова, Распутина и Хайрюзова, попавших на одну из опасных военных дорог. Несколько раз в иркутских Днях русской духовности и культуры «Сияние России» участвовал славянский кинофорум «Золотой Витязь» под руководством Николая Бурляева.

Состояние лирического героя порой близко к отчаянью. Если открыть книгу на стихотворении, начинающемся строчками: «Великий и сильный народ, / Над миром паривший, как птица», то можно остановиться и отказаться читать дальше — настолько оно пессимистично. Видимо, чувство полной безнадежности в какой-то момент завладело пером поэта. Однако «Гончарный круг» не замкнут на мрачных страницах.

* * *

Следование жизни, как уже замечено, свойственное Козлову, предполагает интерес к человеку. Читатель наверняка обратит внимание на обилие стихов с посвящениями. Их больше тридцати, они адресованы в основном близким людям: родственникам — брату, сестре, детям; друзьям-писателям, как живущим, так и памяти ушедших. Общее в них одно: они оказались рядом с лирическим героем. Известных имен немного: К. Ф. Седых, С. А. Есенин, В. Р. — Валентин Распутин, что угадывается по героиням его повестей; Станислав Куняев.

Посвящения конкретны, в стихах узнаются живые люди. Их судьбы переплетены с судьбой лирического героя, который сочувствует, сопереживает тому, что происходит с его спутниками. Поэтому диалог с ними продолжается, даже

если их уже нет на этом свете. Таким образом, «Гончарный круг» оказывается населенным довольно плотно.

Среди всех особо выделяется имя Геннадия Гайды. Другу юности и другу-поэту посвящено семь стихотворений разных лет. Вот начало одного, из молодости: «Я оставил на том берегу / Свои лучшие годы...» Здесь ощутимо стремление поддержать друга в сложный момент его жизни, а в завершение звучат ободряющие обоих строчки: «Тот, кто в сердце воскресшего Бога несет, — / Никого, ничего не боится». Другое так и называется — «Геннадию Гайде» и датировано 2005 годом. В нем словно предчувствуется предстоящая разлука, уже навсегда, в 2008-м:

**Уходя, задержись на пороге,
 Оглянись на оставленный кров,
 В неоглядной и дальней дороге
 Осознаешь значение слов.**

.....

**Уходя, задержись на пороге,
 Оглянись на последние дни
 И спасительной мыслью о Боге
 Неисполненный путь осени.**

.....

Лишь в пути открываются дали...

Одно из недавних стихотворений, 2018 года, звучит как свидетельство верности, скрепленное поэзией:

**Идем с тобой, как десять лет назад,
 Мой искренний, мой строгий младший брат,
 Ты говоришь о Пушкине любимом.
 Как прежде, тверд и влажен голос твой,
 И тот же резкий жест, и тот же цепкий взгляд,
 И верен ты поэзии святой —
 Как десять невозвратных лет назад...
 ...Но на земле не оставляешь тени.**

(«Как низок свет закатный над землей...»)

* * *

Последнее, на чем бы хотелось остановиться, на самом деле должно быть первым. Так случилось, что религия пришла ко многим из нас уже в зрелом возрасте, в конце восьмидесятых годов минувшего века, когда в Россию стало возвращаться Православие. В стране, делавшей крутой исторический поворот, этот процесс не был однозначным. Одни, недавно верившие, что Бога нет, поверили, что Бог есть, и устремились в храмы. Другие пытались понять, готовы ли они вместить в себя религиозные истины, даже если раньше относились к ним с уважением.

К их числу принадлежит и лирический герой «Гончарного круга». В пасхальный день он ощущает в церкви незримое присутствие Фомы Неверующего

с его сомнениями («Воскресение»). А в следующем стихотворении («Преображение») честно признается в робости, с которой переступает порог храма, чтобы «в переполненном притворе» внимать «чуть слышным песнопеньям»:

...Я дальше в храм пройти не смею,
Я не готов к духовной битве.

Но тихий голос иерея
Зовет, зовет меня к молитве.

.....

Я вспоминаю, как их много,
Ушедших и живущих рядом,
Кого обидел ненароком,
Кого отринул грубым взглядом.

И что мне опыт мой и знание —
Плоды угрюмые гордыни?
Слезой единой покаянья
Я дорожить готов отныне.

Я верю, что от сна сомненья
Душа неверная очнется,
И дивный свет преображенья,
Быть может, и меня коснется.

Хотелось бы надеяться, что путь утверждения в вере и укрепления на родной почве продолжится для поэта Василия Козлова и его читателей, несмотря на потрясения, ввергнувшие Россию в новые испытания.

Александр ТИХОНОВ

ПРОВИНЦИЯ СМОТРИТ С ХОЛСТА

Художник Николай Кальницкий

Город Тара, расположенный на севере Омской области, удивителен своей культурой. В нем жили и живут яркие писатели, художники, музыканты, артисты. Для кого-то провинциальный город стал отправной точкой в долгом пути, как, например, для поэта Леонида Чашечникова и артиста Михаила Ульянова, а кто-то прожил в городе весь отпущенный срок и стал неотъемлемой частью его культуры.

Я прожил в Таре десять лет. Учился в университете, преподавал, возглавлял научно-краеведческий центр в районной библиотеке и все сильнее проникался атмосферой города. Кажется, в Таре мне знаком каждый дом, каждая улочка. Там живут друзья и старшие товарищи, у которых я многому научился, и мои студенты, которым, хочется верить, помог найти путь в жизни. Мне хотелось отдать должное городу своей молодости, который люблю всем сердцем. Так появилась идея книги о культурной жизни города Тары и Тарского Прииртышья второй половины XX века.

Одной из первых стала глава о Николае Кальницком. Самобытный, яркий, талантливый художник, живущий в провинциальном городе и черпающий вдохновение в деревянных ставнях, в белокаменном храме, в отражении неба. Его творческий и жизненный путь оборвался в 2010 году, но и сейчас невозможно представить, что в Таре могло не быть Николая Кальницкого, столь органичной и важной частью местного культурного сообщества он стал.

Николай родился 21 декабря 1963 года в поселке Черлак Омской области, где окончил общеобразовательную и художественную школы. Мать работала фельдшером, отец — водителем. Александра Ивановна вспоминала детские годы сына: «Коля был очень забавный мальй, рос активным любознательным ребенком. Мужские черты проявлял с детства. В семье было трое мальчиков, Николай — средний сын. Братья разные по характеру, темпераменту, образу жизни. <...> Николай еще во втором классе пошел в художественную школу, которую закончил с отличием».

Полагая, что художник — не мужская профессия, отец Николая, Дмитрий Кальницкий, не поддерживал художественные начинания сына, но и не препятствовал им. Поэтому, кроме овладения навыками пользования карандашами

и кистями, Николай решил, пойдя по стопам отца, освоить шоферскую профессию. Срочную службу он проходил в автомобильных войсках на территории Монголии.

В интервью газете «Тарское Прииртышье» художник рассказывал: «Свои художественные способности я в армии не афишировал. Меня не тянуло в штабе штаны протирать. И перед солдатами особо не светился: если бы узнали «старики», замучили бы дембельскими альбомами. Но лист бумаги и карандаш всегда при себе держал. Несколько раз выезжали на учения к китайской границе, проходили пустыню Гоби. Я на стоянках зарисовки делал: сопки, верблюды... А когда перешел в разряд старослужащих, стал рисовать однополчан. Они портреты домой отправляли».

После демобилизации из армии Николай выбрал художественную стезю. Он поступил на художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького, где его учителями стали известные художники Евгений Дорохов и Виктор Маслов. В те времена они часто вывозили учеников на пленэр. Больше всех запомнилась Николаю поездка в Тобольск. Он «заболел» этим городом — сочетание белокаменных стен Тобольского кремля и ветхих деревянных домишек врезалось в память настолько, что и годы спустя в его творчестве будут рифмоваться на холсте Тара и Тобольск. В 1990 году, после окончания института, Николай на год вернулся в родной Черлак, после чего в 1991 году переехал в Тару, где начал преподавать в детской школе искусств. Уже в феврале 1992 года в Тарской картинной галерее на открытии выставки «Знакомство с новыми именами» тарчанам среди прочих был представлен молодой живописец Кальницкий.

Художник В. Н. Латышенко, собрат Николая по творческому цеху, учился с Кальницким сначала на рабфаке, а после — на худграфе омского пединститута. В воспоминаниях о творчестве Николая Дмитриевича он отмечает его трепетное отношение к Таре, ставшей для художника родным домом: «Я видел выставку, открытую Николаем в Союзе художников в декабре 2008 года. Тара там читалась именно “по Кальницкому”, по его художественному восприятию города. Потом я пробовал искать подобные виды Тары для своих студентов, но не всегда находил. Вероятно, Николай умел иначе видеть тарские пейзажи. Хотя они были узнаваемы — река Аркарка, деревянный мост через нее, закат. Двухэтажные деревянные дома, присущие таким городам, как Тара и Тобольск. Красота позолоченных куполов церквей, словно издающих звон колоколов. Тут же рядом — лужи на асфальте, мокрый снег не вполне убранной улицы, осенние листья, подсолнухи, цветы, гуляющие по улицам курицы. Казалось бы, все это видят многие из нас каждый день. Но увидеть в этом что-то особенное дано было только Николаю».

В последующие годы его картины часто экспонировались совместно с работами тарских художников Г. С. Соловьева, Р. А. Сафронова, М. В. Смолина. Кальницкого начали прочно ассоциировать с тарской живописью, а тарскую живопись — с Кальницким. Он стал своим. Поэтому, когда в 1997 году Тарская картинная галерея отмечала свое десятилетие, он принял активное участие в подготовке юбилейной выставки. Художник к тому времени по праву считался одним из ярчайших живописцев севера Омской области. Очень скоро о нем заговорили и на региональных выставках. Николай сдружился с поэтом, журналистом и фотохудожником Сергеем Мальгавко, который посвятил другу стихотворение «Предосенняя Тара». В нем есть такие строки:

Осенний свет вбираю впрок,
 И век не кажется жестоким,
 Когда мне дарит городок
 Дожди, дворы и водостоки,
 И прель листвы на мостовой,
 Палитру, кисти и этюдник
 На трех ногах, такой чудной, —
 Мой друг художник тоже чудик.
 Неравнодушен я к холстам,
 Где краски те, что под ногами,
 Гдеходишь в осень, будто в храм
 Под золотыми куполами.

К этому времени начали приобретать признание ученики Николая Кальницкого, что свидетельствовало не только о художественном, но и о педагогическом таланте тарского живописца. Много позже, открывая искусствоведческую конференцию, посвященную памяти Кальницкого, директор Тарского филиала Омского государственного педагогического университета В. И. Жилин описал это следующим образом: «Делиться своим сокровенным, своим талантом, приобретенным лично тобой мастерством — это великодушно и позволит себе не каждый». По сути, он прав — далеко не всем художникам дано состояться как талантливым наставникам и радоваться каждому успеху учеников, которые вот-вот если не превзойдут учителя, то встанут с ним вровень. Так же когда-то пестовал талант своего ученика Кальницкого омский художник В. И. Костенко. Годы спустя, когда Николая уже не было в живых, его учитель вспоминал: «...в конце 1980-х я впервые встретился с Николаем Кальницким на худграфе Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького, где я преподавал. Помню Николая Кальницкого веселым, инициативным, общительным и обаятельным молодым человеком. Но за приветливыми глазами студента скрывался пылкий внимательный взгляд человека, серьезно настроенного на постижение своей будущей профессии. Это мне почему-то запомнилось. Прошли годы. Судьба свела нас в городе Таре в филиале ОмГПУ. Я увидел совсем другого человека. Возмужал, обрел вид солидного и респектабельного мужчины, но с тем же пронзительным взглядом. <...> Когда увидел живописные полотна Николая, трудно было сдерживать эмоции. Для меня это было открытие: вдали от бурной художественной жизни большого города сформировался такой цельный, гармоничный и самодостаточный художник».

Художник В. Ф. Чирков отмечает, что Кальницкий «очень хорошо знает город Тару и его окрестности. Кажется, он исходил эти места вдоль и поперек и ему ведомы все их подробности. Но будет большой ошибкой назвать его художником этнографического, натуралистического уровня. Достоинство Николая Кальницкого в том, что он создает художественный, глубоко эмоциональный образ окружающего мира».

В 2003 году Николай Дмитриевич был принят в Союз художников России, что явилось признанием его таланта. Незадолго до этого Кальницкий получил под творческую мастерскую помещение на верхнем этаже нынешнего здания детской школы искусств (в то время — городской администрации), откуда отдельная дверь вела на крышу. Оттуда можно было любоваться весенним кипением яблоневого цвета, буйной летней зеленью, печальной осенней желтизной. С крыши открывался изумительный вид на подгорную Тару, змеящуюся

по лугам реку Аркарку, на тайгу, синеющую вдали, в дымке, на линии горизонта. По сей день при словах «тарский художник» у многих жителей города в памяти возникает образ Николая Кальницкого с мольбертом на крыше. Вдохновенный и талантливый, он вглядывается в полюбившийся пейзаж умиротворенной, непостижимой провинции.

По этому поводу культуролог В. Г. Пожидаева пишет: «...Жить в этом пространстве живописи... не выживать, а именно жить, свободно дышать можно только в состоянии абсолютной искренности и полной самоотдачи». Также Пожидаева отмечает медитативную тональность в творчестве Кальницкого, стремление увидеть красоту в обыденности и показать эту красоту другим.

То, что Кальницкий — зрелый художник, обладающий своим стилем и мироощущением, показали персональные выставки в регионах России, творческие командировки в древние русские города, востребованность его картин в стране и за рубежом. Жизнь Кальницкого перед нами вся как на ладони. Он не метался в поисках себя по всей стране, а настойчиво и упорно проживал жизнь провинциального таланта, озаряя светом своего дарования всех вокруг.

Владимир Глебов, корреспондент газеты «Тарское Прииртышье», побывав в мастерской художника, восторженно писал о том, как работал Кальницкий: «Священнодействие! Он большими кусками выкладывает краску. И вот возникает небо, яркая осенняя листва или просто весенняя тарская грязь. Мاستихином или кистью они переносятся на полотно. Стиль его письма быстрый и бескомпромиссный. Если долго не решается цветовой вопрос одного этюда, его место на мольберте занимает другой. Таковых у него может быть одновременно в разработке пять, а то и десять».

В общении с журналистом Кальницкий искренне, без лишней рисовки, рассказал о приходящем из ниоткуда озарении, когда на холсте, где месяц назад появились первые наброски, вдруг начинают проступать черты будущей картины. «Надо чаще прислушиваться к себе, — считал художник, — верить в интуицию. Может, это боженька подсказывает».

С 2007 года Кальницкий работал в Тарском филиале Омского государственного педагогического университета доцентом кафедры литературы, культурологии и художественного образования. Уже не в детской школе искусств, но в вузе он возвращал учеников, параллельно участвуя в выставках. В 2009 году при поддержке руководства вуза был издан альбом с его картинами, многие из которых знакомы простым тарчанам.

Выпускники педуниверситета — ученики Николая Дмитриевича — с теплом вспоминают его занятия и неформальные беседы. Так, Ольга Егорова отмечает, что первые занятия Кальницкий начинал со слов: «Здесь мы не раскрашиваем, мы пишем!» С трепетом студенты наблюдали, как на их глазах рождались картины мастера и на холсте возникали старые домики — деревянное сердце Тары.

Художник умер внезапно и оттого особенно страшно. Субботним днем 27 февраля 2010 года сорокашестилетнего преподавателя педуниверситета, художника Кальницкого не стало. В Таре его, кажется, знали все и горечь потери делили на всех, но легче от этого не становилось.

Потом были выставки памяти — в Таре, Омске, в далекой Барселоне, а в ноябре 2011 года в Тарском филиале педуниверситета провели мемориальную искусствоведческую конференцию «Судьба провинциального художника в России». По ее итогам вышел из печати сборник, под обложкой которого — воспоминания учителей, учеников, родственников художника.

Друзья, коллеги, почитатели таланта помнят Кальницкого как человека удивительно цельного и творческого. Дочь Анна вспоминает отца как образцового семьянина. Краевед Вера Носкова подчеркивает, что Кальницкий знал и любил историю города и радел за сохранение культурного наследия Тары. В статье «Искусство Николая Кальницкого» В. Ф. Чирков рассуждает о судьбе провинциального творца: «...во времена бурных общественных событий человек стремится к уединению. Он ищет укромный уголок, потому что размер его человеческой души сомасштабен этому маленькому пространству. Человек ищет уединение ради сбережения своей индивидуальной жизни. <...> Там, в этих отдаленных местах земли, сохранилось то, что, кажется, утрачено безвозвратно в большом городе. Сохранилась (еще сохранилась!) *естественность бытия* в самом высоком и подлинном смысле этого слова».

Вторят ему культурологи: «Стены тарских домиков являют не красоту очевидного, не об этом речь, но незримое очарование истока, изначального дома, из которого человек непременно уйдет. Но как бы то ни было, это единственный мир, где только и может жить человек».

Невозможно представить себе таежный город Тару без Николая Кальницкого. Он стал его неотъемлемой частью, органичным продолжением, как крепкий бревенчатый сруб, глядящий окнами на Аркарку. Там, в раме, — подгорная Тара, изумрудные луга и тайга, темная, синяя, далекая.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2022 ГОД

ПРОЗА

- Алексеев Игорь.** Рыба бьется об лед. Повесть. — 10.
Ахметшин Артур. Побежали? Рассказ. — 2.
Баранов Сергей. Маски. Рассказ. — 7.
Басалаева Елена. Цыганская дочь. Рассказ. — 7.
Белозеров Андрей. В контровом свете. Рассказы. — 11.
Бердинских Мария. Монстры пришли. Рассказы. — 5.
Бобров Глеб. Группа Векслера. Киноповесть. — 5.
Боднарюк Юлия. Миротворец. Рассказ. — 10.
Владимиров Сергей. Дуэль. Рассказ. — 1. Волшебник. Рассказ. — 9.
Волочан Александра. Наша Дашенька. Повесть. — 11.
Голубев-Курильский Александр. Багровые паруса безумия. Рассказ. — 4.
Горепёкин Роман. Очи черные. Рассказ. — 9
Евсюков Александр. Гонец Цвета. Рассказ-диптих. — 5.
Жгутов Андрей. Ворованный диакон. Рассказ. — 12.
Жемойтелице Яна. Счастье. Повесть. — 1.
Зайцева Александра. Воронье место. Повесть. — 2.
Золотарь Олег. Тело. Рассказ. — 12.
Иванов Дмитрий. Отпуск не по плану. Рассказ. — 3.
Калашников Михаил. Туман войны. Главы из романа. — 12.
Кононов Дмитрий. Крепок ли лед? Рассказ. — 1.
Копнинов Валерий. Пломбир и брюссельская капуста. Рассказ. — 4.
Корниенко Игорь. Непроснувшиеся. Рассказы. — 2.
Королев Андрей. Красные бусы. Рассказ. — 6.
Короткова Наталья. Своя колея. Повесть. — 9.
Костицын Роман. Мы странно встретились. Повесть. — 7.
Крапивный Александр. Третий лишний. Рассказ. — 12.
Кушнир Ирина. Время летать. Рассказ. — 1.
Кырова Татьяна. Счастливчик Арам. Рассказ. — 12.
Ломовцев Андрей. Черные сестры. Повесть. — 10.
Лямкин Вячеслав. К своей земле. Рассказ. — 10.
Мамедова Лейла. Между Иштваном и миром. Рассказ. — 3.
Мезенцев Владимир. Коля-маленький. Рассказ. — 5.
Минаева Екатерина. Лев, пес, Майя. Повесть. — 2.
Назаров Игорь. Талифа-куми. Детективная повесть. — 4.
Назарова Вера. В ночь на воскресенье. Рассказ. — 5.
Николаев Алексей. Чарли. Рассказ. — 6.
Николашина Наталия. Эйфелева башня. Рассказ. — 1.
Пожарская Алина. Любовь, и борщ, и психобилли. Рассказ. — 8.
Поклад Юрий. Уроки английского. Повесть. — 12.
Поликарпова Оксана. Необдуманное решение. Рассказ. — 6.
Полиновский Леонид. Куртуазное воспитание. Рассказы. — 8.
Попов Александр. Храм на Богоне. Повесть-быль. — 3.

- Попов Михаил. И придет день. Повесть-притча. — 5.
Пучков Андрей. Ранетки. Рассказ. — 5.
Романов Дмитрий. Заложники зимы. Повесть. — 6.
Сафонов Олег. Мяч. Рассказ. — 11.
Сорокотягин Денис. Сезон потерянных перчаток. Этюды. — 6.
Трошина Екатерина. Петру Алексеевичу больно. Рассказ. — 12.
Шупиков Алексей. Браслеты дружбы. Рассказы. — 8.

ПОЭЗИЯ

- Аникина Ольга. Слова ничего не значат. Стихи. — 12.
Бабанская Алена. Точка болевая. Стихи. — 5.
Безрукова Елена. Вертикальный воздух. Стихи. — 2.
Васильцов Иван. Шаткие светлы весны. Стихи. — 1.
Волков Сергей. «Что улыбка твоя, Беатриче...» Стихи. — 5.
Ивантер Алексей. От Воронежа и до Тамани. Стихи. — 7.
Казарин Юрий. В акустическом зазоре. Стихи. — 10.
Калмыкова Вера. Чужая оболочка. Стихи. — 7.
Каршин Дмитрий. Пять белых птиц. Цикл стихотворений. — 2. Человек наблюдает за птицей. Стихи. — 5.
Кекова Светлана. «Все, что было родиной, стало небом...» Стихи. — 3.
Корзова Ольга. «Каждый куст есть оркестр...» Стихи. — 1.
Кузьмина Вера. Уральский Харон. Стихи. — 6.
Легеза Дмитрий. «Поэт набил себе тату...» Стихи. — 11.
Ливинский Станислав. Сердечко из скрепки. Стихи. — 3.
Лобанов Валерий. Электричка на Можайск. Стихи. — 4.
Малофеева Екатерина. Удокан. Цикл стихотворений. — 9.
Матонин Василий. Свет растаявшего лета. Стихи. — 2.
Мельников Дмитрий. «Просто музыка в итоге...» Стихи. — 3.
Михеева Светлана. Пустое место сада. Стихи. — 8.
Пешкова Екатерина. Покой безусловный. Стихи. — 10.
Плохих Илья. Невеселый веселый. Стихи. — 12.
Полянина Ольга. «Та птица, что поет...» Стихи. — 9.
Попов Денис. Дождь в кастрюле. Стихи. — 7.
Радашкевич Александр. Вино весны обетованной. Стихи. — 4.
Румянцев Дмитрий. Осень в рощах. Стихи. — 8.
Сайдаков Виктор. Предзимье. Стихи. — 12.
Светлосанов Владимир. Лестница в море. Стихи. — 9.
Севрюгина Елена. Вдоль солнца. Стихи. — 6.
Сидельников Павел. Пластмассовый соловей. Стихи. — 10.
Синицын Тихон. Счастливый попутчик. Стихи. — 11.
Титов Владимир. Семафоры. Стихи. — 8.
Ткачук Денис. «Тлеющий свет плацкарта...» Стихи. — 6.
Федосеев Николай. «Запах хлеба, листвы и травы». Стихи. — 11.
Францев Александр. Ничейное место. Стихи. — 4.
Шевченко Алексей. Белый сон. Стихи. — 6.
Шуваев Владимир. Ночные журавли. Стихи. — 1.

ДРАМАТУРГИЯ

- Семенчик Владимир.** Отжарщики. Трагикомедия о любителях подледной рыбалки. — 1.
Дмитриева Наталия. Г + Т + Н = Дом. Пьеса в пяти действиях. — 9.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Агалаков Александр.** «Сибирский Фокс». От фарта до расстрела. — 8. «Печальной памяти Висман»: история первого новониколаевского полицмейстера. — 10.
Александр Кисельников: «Россия — плот в штормовом океане...» Интервью. — 12.
Алмазов Борис. Миней Кукс и Александра Якобсон. Очерк о двух художниках-сибиряках из книги «В одно касание». — 12.
Андрианова Кристина. Три ноты гимна ЧВК. — 10.
Голодяев Константин. Мост в будущее. — 1. Взлет и падение Сибгосоперы. — 10.
Городецкий Евгений. С печалью и гневом. Памяти В. П. Астафьева. — 7.
Гундарин Михаил, Попов Евгений. Шукшин: отличник в роли актера. — 9.
Калинин Вячеслав. Сказание о Мангазее. — 12.
Папков Сергей. Чекист Пастаногов на крутых горках сталинской политики. — 4.
Попов Евгений. См.: Гундарин Михаил, Попов Евгений. Шукшин: отличник в роли актера. — 9.
Проталин Борис. Мы издавна здешние... — 1.
Пэйт Элинор. Заповедная бабушка. — 11.
Рогова Анастасия. Шаманы, русалки и постапокалипсис: новые российские сериалы — 2022. — 11.
Рудалев Андрей. Современная Россия: от времени распада к эпохе эпоса. — 11.
Тихонов Александр. «О, каторга!», или Сибирская ссылка глазами путешественника. — 6.
Угрюмов Владимир. Юрий Вячеславович Грдина. Шаг в будущее. — 2.

К 85-летию Новосибирской области

- Орлов Павел.** Сибирские бронепоезда. Карельский фронт. — 5.
Свиридова Татьяна. Новые истории старого Бердска. — 3.

Народные мемуары

- Глембоцкая Яна.** Свои. — 4.
Игрунов Вячеслав. Хроники долгого детства. — 7, 8.
Пахомов Владимир. Вовчик, или Вам завхоз нужен? — 2.
Сафронов Сергей. Под «блоговоидным» предлогом. — 11.
Темников Афанасий. Воспоминания. — 1.

Литературная премия «Иду на грозу»

Казанцев Владимир. Боголюбские. — 9.

Копнинов Валерий. Человек — человеку. — 3.

Муратов Петр, Офицеров Евгений. Ученый. — 4.

Офицеров Евгений. См. Муратов Петр, Офицеров Евгений. Ученый. — 4.

Янушкевич Яна. Мутагенный фактор: как в Академгородке спасли генетику. — 6.

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бурдакова Татьяна. «Сияющее удивление...» О последней книге Василия Казанцева «Взлет». — 9.

Бэд Кристиан. Порталы в литературу, или Куда п(р)одаться автору. — 11.

Васильев Константин. Исключение опровергает правило. — 7.

Евсюков Александр. Романист — исследователь фольклора. К 95-летию Дмитрия Балашова. — 11.

Злобин Володя. Крапчатая страница: мухомор в русской литературе. — 2.

Копнинов Валерий. Путешествие к себе. Заметки о сборнике прозы Сергея Шаргунова «Свои». — 2.

Новикова-Строганова Алла. «Нет смерти сердцу...» О Константине Николаевиче Батюшкове. — 8.

Подистова Лариса. Будущему — быть! 100 лет фантастики в «Сибирских огнях». — 6.

Попов Артем. «Пока не требуют поэта в прокуратуру на допрос...». О стихах Александра Францева. — 7.

Савина Ксения. Опыты нового русского верлибра. — 6.

Семенова Валентина. «Я всегда боготворил книгу...» В. П. Трушкин и Восточно-Сибирское книжное издательство. — 3.

Ширяев Василий. Восемь ударов Топорова. — 11.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Анов Николай. Азия. Роман. — 8, 9.

Вегман Вениамин. Сибирские огни. — 3.

Левченко Наталья. «Азию» я писал... кровью сердца». Николай Анов и его роман «Азия». — 8.

«Прошу лично разбить в пух и прах различные заявления и отговорки...» О положении новосибирских писателей и художников в Великую Отечественную войну. — 5.

Пятилетие «Сибирских огней». Торжественное заседание, посвященное пятилетию журнала «Сибирские огни», 21 марта 1927 г. в Новосибирске. Стенограмма. — 3, 4.

Старк Георгий. Отчет о деятельности Сибирской флотилии. От Шанхая до Филиппин. — 5.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Подистова Лариса. Новинки «Библиотеки сибирской литературы» и не только. — 3.

Семенова Валентина. История отступничества в зеркале поэзии. *Заметки о книге Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...»* — 10. «Лишь в пути открываются дали...» *О книге стихов Василия Козлова «Гончарный круг».* — 12.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Александр Песоцкий: «Мой идеал — человек-творец». *Интервью с художником.* — 11.

Заборцева Варвара. Музей братьев Ткачевых в Брянске. — 7.

Мартынова Лариса. Сын солнца. *О художнике Марате Джунусове.* — 8.

Прокопов Евгений. Странные вещи Евгения Кирьянова. — 9.

Свиридова Татьяна. Чудные мгновения скульптора Грачева. — 6.

Семакова Наталья. Творческий путь Бориса Смирнова. — 2.

Тихонов Александр. Провинция смотрит с холста. *Художник Николай Кальницкий.* — 12.

Чирков Владимир. Александр Гнилицкий: «Картины художника есть постоянное обновление...» *Искусствоведческие письма.* — 1. О пассионарности как

духовном «влечении» Константина Войнова. *Искусствоведческие письма.* — 4.

Живописец милостью Божьей Валентин Кукуйцев. *Искусствоведческие письма.* — 10.

АВТОРЫ НОМЕРА

Алмазов Борис Александрович родился в 1944 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Прозаик, поэт, публицист, драматург, сценарист. С 2002 по 2018 г. — доцент кафедры связей с общественностью Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта. Живет в Санкт-Петербурге.

Анкина Ольга Николаевна родилась в 1976 г. в Новосибирске. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат медицинских наук, работает врачом с 1999 г. по сегодняшний день. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и др. Автор пяти книг стихов и трех книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Жгутов Андрей Алексеевич родился в 1964 г. в Новосибирске. В 1983 г. был призван в ряды СА, служил в Афганистане. В 1994 г. участвовал в операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике, а в 1999 г. — в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона. Имеет правительственные награды. В 2009 г. окончил институт массовой информации и психологии при НГПУ (Новосибирск), а в 2013 г. — аспирантуру при КемГУ. Кандидат исторических наук. Автор книг «Слезы Марса», «Солдаты уходящей империи» и нескольких рассказов. Живет в Новосибирске.

Золотарь Олег Петрович родился в 1983 г. в Минске. По образованию техник-механик, работает в сфере производства. Живет в Минске.

Калашников Михаил Александрович родился в 1985 г. в селе Белогорье Воронежской области, окончил в 2007 г. исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работает помощником начальника караула в пожарно-спасательной части. Автор книг «От Купалы до Крещения», «Город на трех мостах», «Красный демон». Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Подъем». Живет в Воронеже.

Калинин Вячеслав Алексеевич родился в 1969 г. в Тюменской области. Окончил в 1992 г. философский факультет Уральского государственного университета. Работал в СМИ ЯНАО. Автор книг «Америка. Обратный отсчет», «История "Мертвой дороги"», «Ледяные дворцы ГУЛАГа», «Надзирать и воспитывать», «Арктический проект Сталина», «Открываем новые горизонты». Член Союза писателей России. Кандидат исторических наук. Живет в Санкт-Петербурге.

Крапивный Александр Юрьевич родился в 1981 г. в Барнауле. Окончил Алтайский государственный медицинский университет, интернатуру в Томском военно-медицинском институте по специальности «хирургия», ординатуру в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург) по специальности «офтальмология». Публиковался в журнале «Нижний Новгород». Живет в Нижнем Новгороде.

Кырова Татьяна Михайловна родилась в 1962 г. в д. Пухово Курганской области. Окончила Миасский геологоразведочный техникум. Финалист и лауреат ряда сетевых литературных конкурсов. Автор двух сборников прозы. Живет в Красноярске.

Плохих Илья Николаевич родился в 1965 г. в Свердловске. Окончил Челябинский политехнический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Работал инженером-наладчиком, электромонтером-ремонтником, журналистом-редактором. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни» и др. Автор книги стихов «Черная с серебром». Живет в Подмосковье.

Поклад Юрий Александрович родился в 1954 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. С 1961 г. жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 г. нефтяной факультет политехнического института. Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму и на Крайнем Севере, на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил морские буровые платформы в Южной Корее. Публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Урал», «Дон», «Аврора», «Север», «Подъем», «Подвиг», «Кольцо А», «Милиция», «Северные просторы», «Мир Севера» и других. Автор книги очерков и трех книг повестей и рассказов. Живет в Мытищах.

Сайдаков Виктор Иванович родился в 1951 г. в п. Сибирском Новосибирской области. Окончил Новосибирский педагогический институт и военное училище. Работал в школе, служил рядовым в ГСВГ, офицером в военных газетах и журналах. Полковник в отставке. Десять лет возглавлял департамент МА «Сибирское соглашение», одновременно вел авторские программы на «Радио "Слово"». Публиковался в различных журналах и альманахах, в выпусках книжных серий «Сибирская проза. Век XX — век XXI», «Библиотека сибирской литературы». Автор книги стихов и прозы «Сияющие окна». Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Семенова Валентина Андреевна — критик и публицист, член Союза писателей России. Автор книг «Благодаря — а не вопреки» (Иркутск), «Под небом родным и тревожным» (Москва), составитель-редактор справочников и антологий иркутских писателей разных лет. Автор публикаций в журналах «Сибирь», «Наш современник» и др. В 1979—1995 гг. — редактор отдела художественной литературы Восточно-Сибирского книжного издательства. Живет в Иркутске.

Тихонов Александр Александрович родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Заведующий экскурсионным отделом Исторического парка «Россия — моя история» (г. Омск). Произведения публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких романов и книг стихов. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Омске.

Трошина Екатерина Андреевна родилась в 2002 г. в Москве. Учится на факультете управления и политики МГИМО. Участник многочисленных проектов в сфере культуры, в прошлом — стажер РОСКИНО и Министерства культуры РФ. Живет в Москве.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:
антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 10.11.2022. Дата выхода № 12 за 2022 г. в свет 19.12.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,67. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.